

*Решением президиума Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 001(470.621)
ББК 72.6 (2Рос.Ады)
В 38

ВЫПУСК 2

2017

Учредитель: Адыгейский государственный университет

*Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый
научный журнал АГУ*

ВЕСТНИК Шэныгъэгъуаз

**АДЫГЕЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Регионоведение: философия, история,
социология, юриспруденция,
политология, культурология»

Майкоп 2017

Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: изд-во АГУ. – Вып. 2 (199). – 2017. – 170 с.

On-line версия по адресу: <http://soc.adyget.ru>

«Вестник Адыгейского государственного университета», серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» - ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал, освещающий вопросы общественных и гуманитарных наук. Издавался Адыгейским государственным университетом с 1998 года как мультидисциплинарный научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета». С 2007 года публикуется как отдельное издание на основании решения Ученого совета АГУ. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-62216 от 26 июня 2015 г.).

Журнал «Вестник Адыгейского государственного университета», серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» имеет международный стандартный номер сериального издания ISSN 2410-3691. Журнал – подписной, информация о журнале размещается в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты. Журналы» в рамках Договора № 694-ОКА от 01 июня 2016 г. Подписной индекс журнала – 36001.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory». Полные тексты статей находятся в открытом и бесплатном доступе в сети Интернет на сайте Адыгейского государственного университета <<http://www.adygnet.ru>>, а также на платформах EBSCOhost Publishing, Inc., издательства «Лань» <www.e.lanbook.com>, электронной библиотеки «КиберЛенинка» <<http://cyberleninka.ru>>, научной электронной библиотеки <<http://elibrary.ru>>.

В журнале «Вестник Адыгейского государственного университета», серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» печатаются статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Журнал ориентирован на освещение актуальных вопросов теории и практики современной науки.

Издание имеет официальный сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (<http://soc.adygnet.ru>).

Научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета», серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» включен в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов докторских и кандидатских диссертаций по следующим отраслям наук: 24.00.00 - культурология; 07.00.00 – исторические науки и археология; 22.00.00 - социологические науки (см. на сайте ВАК №1482).

В предлагаемом читателю выпуске журнала обсуждаются результаты научных исследований в области исторических, социологических наук и культурологии.

According to the decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal is included in the List of the leading reviewed scientific journals and editions issued in the Russian Federation which publish the basic scientific results of Dissertations for a Doctor's and Candidate's degree

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 001(470.621)
ББК 72.6 (2Рос.Ады)
В 38

ISSUE 2

2017

The founder: Adyghe State University

*Quarterly peer-reviewed scientific
journal of Adyghe State University*

BULLETIN

Шэныгъэгъуаз

**ADYGHÉ
STATE
UNIVERSITY**

Series “Area Studies: Philosophy, History,
Sociology, Jurisprudence,
Political Sciences and Cultural Studies”

Маикоп 2017

The Bulletin of the Adyghe State University. Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”. – Maikop: Adyghe State University Publishing House. – Issue 2 (199). – 2017. – 170 p.

On-line version is at address: <http://soc.adygnet.ru>

“The Bulletin of the Adyghe State University”, Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” is a quarterly peer-reviewed scientific journal dealing with questions of public sciences and the humanities. It was issued by the Adyghe State University from 1998 as the multidisciplinary scientific journal “The Bulletin of the Adyghe State University”. Since 2007 it is published as the separate edition on the basis of the decision of the Academic Council of ASU. The journal was registered by the Federal Agency of Supervision in Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Certificate on Registration of Mass Media No. FS 77-62216 of 26 June, 2015).

“The Bulletin of the Adyghe State University”, Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” has been recorded in the ISSN Register (ISSN 2410-3691). One can subscribe to this journal; information about it is placed in the Joint Catalog «Press of Russia. Newspapers. Journals» within the Contract No. 694-OKA of June 01, 2016. A subscription index of the journal is 36001.

Data on the journal are annually published in the international reference system of the periodic editions “Ulrich’s Periodicals Directory”. Full texts of articles are in open and free access in the Internet on the site of the Adyghe State University <<http://www.adygnet.ru>> and on platforms of EBSCOhost Publishing, Inc., Lan’ Publishing House <www.e.lanbook.com>, electronic library “Kiber-Leninka” <<http://cyberleninka.ru>> and Scientific Electronic Library <<http://elibrary.ru>>.

“The Bulletin of the Adyghe State University”, Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” publishes scientific articles, scientific reviews, comments and opinions. The journal focuses upon clearing up the topical issues of the theory and practice of modern science.

The edition has the official site in the information-telecommunication Internet network (<http://soc.adygnet.ru>).

The scientific journal “The Bulletin of the Adyghe State University”, Series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology” is included in the List of the scientific journals and editions recommended by VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the publication of the main results of Doctor’s and Candidate’s theses in the following areas: 24.00.00 - culture science; 07.00.00 – history and archaeology; 22.00.00 – sociology (see No.1482 on VAK’s site).

This issue of the quarterly peer-reviewed scientific journal discusses the results of researches in the field of history, sociology and culture science.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *Хунагов Р.Д.*, ректор Адыгейского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

Зам. главного редактора: *Шаханова А.В.*, проректор по научной работе, доктор биологических наук, профессор.

Ответственный редактор: *Нехай В.Н.*, доктор социологических наук, доцент кафедры философии и социологии.

Члены редакционной коллегии:

Социологические науки:

Афасижев Т.И., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета;

Ильинова Н.А., кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Философские науки:

Титаренко С.А., доктор философских наук, профессор (Украина), профессор кафедры философии Луганского национального аграрного университета;

Шадже А.Ю., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета;

Шаов А.А., доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета.

Исторические науки:

Иващенко А.С., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Адыгейского государственного университета;

Хут Л.Р., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета.

Политические науки:

Жаде З.А., доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета.

Юридические науки:

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России;

Шадже А.М., доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Адыгейского государственного университета.

Культурология:

Ляушева С.А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, начальник управления аспирантуры и диссертационных советов.

Редакционный совет:

Председатель:

Хунагов Р.Д., ректор Адыгейского государственного университета, доктор социологических наук, профессор, г. Майкоп.

Члены редакционного совета:

Афасижев Т.И., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета;

Бабешко В.А., академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой математического моделирования Кубанского государственного университета, директор Научно-исследовательского центра прогнозирования и предупреждения геоэкологических и техногенных катастроф при Кубанском государственном университете;

Большаков В.Н., академик РАН, доктор биологических наук, профессор федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт экологии растений и животных» Уральского отделения Российской академии наук;

Васильева Н.В., доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук;

Герасимов Г.А., доктор медицинских наук, профессор Национального института здоровья США;

Глузман А.В., доктор педагогических наук, профессор, действительный член Национальной академии педагогических наук Украины, заслуженный работник образования Автономной республики Крым и Украины, ректор республиканского высшего учебного заведения «Крымский гуманитарный университет»;

Дабагов С.Б., доктор физико-математических наук, профессор МИФИ, директор лаборатории XLab Frascati Итальянского института ядерной физики, Рим;

Залиханов М.Ч., доктор физико-математических наук, доктор технических наук, профессор, академик РАН, директор Высогогорного геофизического института по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды Росгидромета;

Кнезель П., доктор права Университета прикладных наук, Потсдам, Германия;

Крылатых Э.Н., академик РАН, доктор экономических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный научный сотрудник Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова (ВИАПИ) Россельхозакадемии;

Лях В.И., доктор педагогических наук, профессор Академии физической культуры имени Бронислава Чеха, г. Краков, Польша;

Маркович Д.Ж., действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор Белградского университета, Сербия;

Миронов А.В., доктор социологических наук, профессор кафедры истории, философии и культурологии МГГУ им. М.А. Шолохова, главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания»;

Овсянкина Г.П., доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург;

Остой Я., доктор экономических наук, профессор, ректор высшей школы финансов и права, г. Бельско-Бяла, Польша;

Сен Ю., доктор педагогических наук, доцент кафедры английской филологии университета Дюздже, директор школы обучения иностранным языкам при университете Дюздже, Турция;

Совински Я., доктор права Университета им. Палацкого, г. Оломоуц, Чехия;

Терзич Славенко, доктор исторических наук, член-корреспондент отделения исторических наук Сербской академии наук и искусств, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия в Российской Федерации;

Харисов Ф.Ф., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, руководитель центра Федерального института развития образования, главный редактор журнала «Здоровьесберегающее образование»;

Шестакова Л.Л., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Editorial Board:

Editor-in-chief: *R.D. Khunagov*, Rector of Adyghe State University, Doctor of Sociology, Professor.

Deputy Editor-in-Chief: *A.V. Shakhanova*, Vice Rector for Scientific Work, Doctor of Biology, Professor.

Executive editor: *V.N. Nekhay*, Doctor of Sociology, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department.

Members of Editorial Board:

Sociology:

Afasizhev T.I., Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Ilyinova N.A., Candidate of Sociology, Associate Professor, Acting Head of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University.

Philosophy:

Titarenko S.A., Doctor of Philosophy, Professor (Ukraine), Professor of Philosophy Department, Lugansk National Agrarian University;

Chadje A.Y., Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Shaov A.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University.

History:

Ivashchenko A.S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of General History Department, Adyghe State University;

Khut L.R., Doctor of Historical Sciences, Professor of General History Department, Adyghe State University.

Political Sciences:

Zhade Z.A., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of the State and Law and Political Sciences, Adyghe State University.

Jurisprudence:

Lozovsky D.N., Doctor of Jurisprudence, Professor of Criminal Process Department, Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia;

Chadje A.M., Doctor of Jurisprudence, Professor, Dean of Faculty of Law, Adyghe State University.

Culturology:

Lyausheva S.A., Head of Department of Postgraduate Study and Dissertation Councils, Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University.

Editorial Council:

Chairman:

Khunagov R.D., Doctor of Sociology, Professor, Rector of Adyghe State University.

Members of Editorial Council:

Afasizhev T.I., Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;

Babeshko V.A. Academician of the Russian Science Academy, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Head of the Department of Mathematical Modeling of the Kuban State University, Director of the Research Center for Forecasting and Prevention of Geocological and Technogenic Catastrophes, Kuban State University;

Bolshakov V.N., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Biological Sciences, Professor of Institute of Plant and Animal Ecology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;

Vasilyeva N.V., Doctor of Philology, Chief Scientist of Institute of Linguistics of the Russian Science Academy;

Gerasimov G.A., Doctor of Medicine, Professor of National Institute of Health in the USA;

Gluzman A.V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Rector of Republican Higher Educational Institution “Crimean Humanities University”;

Dabagov S.B., Doctor of Physics and Mathematics, Professor of National Research University of Nuclear Physics MEPHI, Director of XLab Frascati laboratory of the Italian Institute of Nuclear Physics, Rome;

Zalikhanov M.Ch., Doctor of Physics and Mathematics, Doctor of Engineering, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of Mountain Geophysical Institute of Hydrometeorology and Monitoring of Environment of Roshydromet;

Knosel P., Doctor of Law, University of Applied Sciences, Potsdam, Germany;

Krylatykh E.N., Academician of the Russian Agrarian Science Academy, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Service at the Russian President, Chief Scientist of the All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after A.A.Nikonov of the Russian Agrarian Academy;

Lyakh V.I., Doctor of Pedagogy, Professor, Bronisław Czech University School of Physical Education (Cracow, Poland);

Markovic D.Zh., Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Philosophy, Professor, University of Belgrade, Serbia;

Mironov A.V. Doctor of Sociology, Professor of History, Philosophy and Culture Study Department of M.A. Sholokhov MGGU, the editor-in-chief of the journal of Social and Humanities Knowledge;

Ovsyankina G.P., Doctor of Art Criticism, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg;

Ostoj Jan, Doctor, Professor, Wyzszej Szkoły Finansow I Prawa w Bielsku-Bialej, Polska / Poland;

Sen Yu., Doctor of Education in Teaching English as a Foreign Language, Faculty of Education, Department of English Language Teaching, Duzce University, Director of Hakime Erciyas School of Foreign Languages, Duzce University, Turkey;

Sovinsky J., Doctor of Law, Palacký University, Olomouc, the Czech Republic;

Terzic Slavenko, Doctor of History, Corresponding Member of the Department of Historical Sciences of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Serbia to the Russian Federation;

Kharisov F.F. Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Education Academy, Head of the Center of Federal Institute of Education Development, editor-in-chief of the journal of Health Saving Education;

Shestakova L.L. Doctor of Philology, Leading Scientist of the Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

История

И.Л. Бабич	Представления о будущем: кавказские эмигранты Франции – о государственном строительстве на Кавказе (1920-1930-е гг.)	15
Л.В. Бурькина	Адаптационный потенциал чехов и словаков Северо-Западного Кавказа в российской миграционной парадигме второй половины XIX в.	26
М.Г. Зарецкая, Н.М. Суетина	Генезис взглядов на категорию «правоотношение» в общетеоретическом правовом учении советского периода	35
А.С. Иващенко	Основные черты социально-экономических и политических структур Японии в период сёгуната Токугава (1603-1867 гг.)	40
А.П. Катчиева	Главный военный советник в демократической республике Афганистан (1979-1980 гг.)	52
Н.А. Маркелов	К вопросу о межэтнических отношениях поляков и белорусов на белосточчине в условиях немецко-фашистской оккупации (1941-1944 гг.)	59
З.А. Цеева	Влияние ландшафта на становление демократических институтов в горных адыгских обществах: к постановке проблемы	68

Социология

К.А. Галкин	Эволюция социологических подходов к исследованию медицинских профессий: биомедицинская парадигма vs индивидуальный подход	81
А.К. Дегтярев, А.В. Лубский, В.П. Войтенко	Ценностная политика в США и ФРГ в сфере межэтнических отношений: возможности имплементации зарубежного опыта в российском обществе	85
А.В. Кузнецова, И.А. Петрулевич	Реинтерпретация городского текста в аспекте мифа	97
А.М. Нуксунова	«Твердые» и «текучие» типы идентичности молодых калмыков	104
В.М. Палий	Фрагменты методологических предпосылок к исследованию властных отношений в социологии	109

В.Н. Петров	Питирим Александрович Сорокин – о кризисе чувственной культуры западного общества	115
Е.Б. Птущенко, Р.Р. Батмитова	Целесообразность применения перспективных информационных и компьютерных технологий в социальной работе с детьми с ограниченными возможностями	121
А.М. Старыгина	Институциональные изменения в российской системе высшего образования в контексте модернизации	128
В.М. Фатьянов	Роль Интернета в современном коммуникативном пространстве российской молодежи: социокультурный аспект	135
З.З. Хот, О.А. Чистякова	Возможности социокультурного подхода к исследованию миграционных процессов	139

Юриспруденция

Т.З. Барциц	Понятие земельного участка в доктрине отечественного и зарубежного права	147
Б.И. Шекультиров	Законодательство Российской Федерации – средство проведения честных и справедливых выборов в России	154

Рецензии

З.А. Жаде	РЕЦЕНЗИЯ на монографии Вартумяна А.А. и Корниенко Т.А. «Модернизационные политические процессы: цивилизационная и национальная специфика» и «Политический процесс в «незападных» политиях: роль традиций и новаций»	158
------------------	---	-----

Наши авторы		162
--------------------	--	-----

<i>Требования и правила оформления статей для публикации в научном журнале «Вестник Адыгейского государственного университета», серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»</i>		168
---	--	-----

TABLE OF CONTENTS

History

I.L. Babich	Ideas of the future: the Caucasian refugees of France about state-building in the Caucasus (1920s-1930s)	15
L.V. Burykina	Adaptation potential of Czechs and Slovaks of the Northwest Caucasus in the Russian migratory paradigm of the second half of the 19th century	26
M.G. Zaretskaya, N.M. Suetina	Genesis of views on category «legal relationship» in the general theoretical legal doctrine of the Soviet period	35
A.S. Ivaschenko	The main lines of social, economic and political structures of Japan under the Tokugawa shogunate (1603-1867)	40
A.P. Katchieva	The chief military adviser in the Democratic Republic of Afghanistan (1979-1980)	52
N.A. Markelov	On the issue of interethnic relations between Poles and Belorussians in the Belastok region under the Nazi German (1941-1944 гг.)	59
Z.A. Tseeva	Landscape impact on formation of democratic institutes in the Adyghe mountain societies: statement of problem	68

Sociology

K.A. Galkin	Evolution of sociological approaches in medical profession researches. Biomedical paradigm vs individual approach	81
A.K. Degtyarev, A.V. Lubsky, V.P. Voitenko	Value policy in the USA and Germany in the interethnic relations: possibilities of implementation of foreign experience in the Russian society	85
A.V. Kuznetsova, I.A. Petrulevich	Reinterpretation of the city text in aspect of the myth	97
A.M. Nuksunova	«Firm» and «fluid» identity types of young Kalmyks	104
V.M. Paly	Fragments of methodological prerequisites to a research of the relations of power in sociology	109

V.N. Petrov	Pitirim Aleksandrovich Sorokin about crisis of sensual culture of the western society	115
E.B. Ptuschenko, R.R. Batmitova	Expediency of making use of advanced information and computer technologies in social work with children with disabilities	121
A.M. Starygina	Institutional changes in the Russian system of the higher education in the context of modernization	128
V.M. Fatyanov	Role of the Internet in contemporary communicative space of the Russian youth: sociocultural aspect	135
Z.Z. Khot, O.A. Chistyakova	Possibilities of sociocultural approach to a research of migratory processes	139

Jurisprudence

T.Z. Bartsits	Concept of the land plot in the doctrine of national and foreign law	147
B.I. Shekultirov	The legislation of the Russian Federation as means of carrying out fair elections in Russia	154

Review

Z.A. Zhade	Review over monographs of Vartumyan A.A. and Kornienko T.A. "Modernization political processes: civilization and national specifics" and "Political process in "not western" polities: the role of traditions and innovations"	158
Our authors		162

<i>Requirements to papers submitted for publication in scientific journal "The Bulletin of the Adyghe State University, series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies"</i>	168
---	-----

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.6)»1920/1930»
ББК 63.3(235.7)6
Б 12

И.Л. Бабич,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, г. Москва, тел.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ: КАВКАЗСКИЕ ЭМИГРАНТЫ ФРАНЦИИ – О ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ НА КАВКАЗЕ (1920-1930-е гг.)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассмотрены общественно-политические взгляды северокавказских эмигрантов Франции в 1920-1930-е гг. Главным аспектом этих взглядов был вопрос об отношении к России, к будущей форме правления в России, об отношении к будущему национальных регионов бывшей Российской империи, в том числе и Кавказа. Автор показал в статье, что в целом общественно-политические взгляды сводились к двум крупным направлениям, в рамках которых наблюдались нюансы: Кавказ – либо в составе Российской империи, либо независимо от России. Выявлено, что кавказские эмигранты активно отстаивали свои позиции, проводили открытые дискуссии, которые заканчивались серьезными расхождениями внутри этнических диаспор.

Ключевые слова: северокавказская диаспора, Франция, государственность, Кавказ, конфедерация, Российская империя, российские военные, казаки, масоны.

I.L. Babich,

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, ph.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net

IDEAS OF THE FUTURE: THE CAUCASIAN REFUGEES OF FRANCE ABOUT STATE-BUILDING IN THE CAUCASUS (1920S-1930S)

Abstract. The present research focuses upon social and political views of the North Caucasian refugees of France in the 1920s and 1930s. The question of the attitude towards Russia, to future form of government in Russia, and to the future of national regions of the former Russian Empire including the Caucasus was the main aspect of these views. The author shows in the paper that in general social and political views came down to two large directions within which subtle differences were observed: Either the Caucasus is a part of the Russian Empire, or it is irrespective of Russia. We found out that the Caucasian refugees actively defended the positions, held open discussions which came to an end with serious divergences in ethnic diasporas.

Keywords: North Caucasian diaspora, France, statehood, Caucasus, confederation, Russian Empire, Russian military, Cossacks, masons.

События 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война, как известно, привели к мощной русской эмиграции в страны Европы вообще и во Францию – в частности. Помимо русских, в Европе оказались и кавказские народы, не согласившиеся мириться с большевистской властью на Кавказе. В эмиграции политически активные и финансово состоятельные эмигранты с Кавказа, в том числе и с Северного, начали формировать партии и общественные движения. Руководители этих организаций создавали программы для своей деятельности, главными вопросами которых были представления о будущем Кавказа, о развитии его государственности и общества [1]. Безусловно, ключевым вопросом в системе кавказских представлений о своем будущем стал *вопрос о положении кавказских республик внутри России или вне ее государственных границ*, т.е. вопрос о независимости Кавказа.

Формирование представлений о будущем Кавказа в среде кавказской эмиграции было связано с *тремя основными факторами*: с политической ориентацией и профессиональной деятельностью человека Российской империи до его переезда во Францию, с обстоятельствами его жизни в эмиграции и с особенностями развития душевного состояния эмигранта. Как правило, во Франции кавказцы продолжали отстаивать те взгляды, которые у них сформировались еще до эмиграции, но были и исключения, когда эмигрант, уже проживая во Франции, кардинально менял свои взгляды. Кроме того, находясь в свободной стране, северокавказцы стали разрабатывать такие теории государственности, которые в рамках идеологии Российской империи не могли быть озвучены или опубликованы в средствах массовой информации

того времени. И наконец, подчеркиваем, что всех кавказцев, несмотря на различие их общественно-политических взглядов на Кавказ, объединяло неприятие большевистской власти, что и стало причиной оставления ими Родины.

В целом кавказцы вообще и северокавказцы в частности разрабатывали две теории на будущее Кавказа: либо Кавказ – в составе Российской империи, либо Кавказ независим от России. Внутри этих двух теорий наблюдалось разнообразие взглядов, были различия и оттенки. «Пророссийские взгляды» делились на монархические, имперские и демократические. «Независимые взгляды» включали националистические, конфедеративные и федеративные позиции.

Наконец, в Европе были эмигранты аполитичные, которые предпочитали заниматься искусством или наукой, или простые люди, которым не было никакого дела до политики. Они стремились лишь «выжить», адаптироваться к французскому обществу. Например, осетин *Ганно Баев*, работавший в Берлинском университете и чрезвычайно много сделавший для осетиноведения, или осетины *К.С. Лотиев*, *Дз. Дзанти* и *А.К. Бурнацев*, которые вначале при поддержке Н. Рериха, а после второй мировой войны – П. Ковалевского, организовали Институт изучения осетин во Франции.

В предлагаемой статье мы рассмотрим сформировавшиеся в 1920-1930-е гг. различные взгляды и позиции на будущее Кавказа представителей главным образом северокавказской диаспоры во Франции. Вторая мировая война во многом изменила общественно-политическую атмосферу в кавказской диаспоре во Франции, что связано с различным отношением кавказцев к немцам.

Статья подготовлена на основе новых архивных материалов, обнаруженных нами в государственных и частных архивах Франции. Отметим, что представления северокавказской эмиграции в 1920-1930-е гг. о будущем Кавказа в настоящее время становятся вновь актуальными: в своей общественно-политической деятельности нынешние северокавказские мигранты во многом обращаются к историческому наследию, пытаются приспособить идеи эмиграции прошлых лет к современному миру. Безусловно, это касается главным образом «националистических» концепций будущего Кавказа.

Будущее Кавказа в составе Российской империи. Многие кавказцы и особенно северокавказцы, занимавшие до революции различные военные или государственные посты в Российской империи и чаще всего получившие воспитание и образование в русских школах и высших учебных заведениях России, оказавшись в эмиграции, не мыслили Кавказ вне России, считая его частью России. Во многом они имели «пророссийский» менталитет. Таких кавказцев в «националистической» среде Франции часто называли русскими. Действительно, в эмиграции такие кавказцы часто имели частые контакты с русской диаспорой и тяготели и к русской культуре, и к русской среде, и к русским общественным движениям и политическим партиям, и даже... к русским масонским ложам, которые активно работали во Франции [2].

Среди таких северокавказцев было много военных и казаков (кубанских и терских), сделавших хорошую военную карьеру до революции в Российской армии. Имперские власти со времени овладения Кавказом достаточно продуманно занималась созданием горской военной элиты. Северокавказские горцы, оказавшись в эмиграции, продолжали отстаивать интересы

Российской империи [3]. К их числу относился осетин, выпускник Воронежского кадетского корпуса и Павловского военного училища, Осетинского полкового дивизиона, участник Первой мировой войны *Михаил Николаевич Абацев*. Прожив два года в Праге, где он получил юридическое (и одновременно автомобильное, специальность – ремонт машин) образование, в 1925 г. он переехал в Париж, где прожил всю свою жизнь. В Париже он познакомился с *Павлом Николаевичем Милюковым*, вступил в созданное им *Республиканско-демократическое объединение*, начал выступать в различных обществах с докладами, в которых разъяснял свою общественно-политическую позицию, участвовал в острых дискуссиях с «националистами» о будущем Кавказа, начал активно публиковаться в созданной П.Н. Милюковым газете «Последние дни». В конце 1920-х – 1930-х гг. в Париже он опубликовал целую серию докладов на русском языке: «Задачи и тактика кавказских сепаратистов» (1928 г.), «Задачи и тактика сепаратистов» (1929 г.), «Самоопределение Осетии (в связи с национальным вопросом на Кавказе)» (1935 г.), «Идея солидарности народов Кавказа» (1937 г.), «Демократия и реальная политика» (1939 г.) [1].

В своих докладах М.Н. Абацев поставил два вопроса: «Могут ли кавказские народы серьезно рассчитывать на государственную независимость в пределах национальных границ? Достаточно ли кавказские народы солидарны между собой, чтобы осуществить такое единство в пределах географических границ?». Поддерживая самобытность кавказских народов как непреходящую ценность и идею «кавказской солидарности», М.Н. Абацев, тем не менее, подчеркивал, что «*общекавказская солидарность... есть фикция*», что «никогда не было этой солидарности до прихода русских на Кавказ». М.Н. Абацев

считал, что «установление русско-го владычества на Кавказе принесло краю просвещение, расцвет и сносную жизнь», и он не видел *оснований* для реального построения независимого государства на Кавказе. Единственным условием формирования кавказской нации и кавказской идентичности, по его мнению, *«должно было стать проживание народов Кавказа в составе Российской империи»*. По мнению М.Н. Абадиева, фактически процесс кавказского единения начался с появлением российской власти на Кавказе, которая ликвидировала религиозные, расовые и территориальные границы между народами в регионе, создав единый фундамент для всех кавказцев. По сути, «кавказские национальные движения развивались на почве русского воспитания и языка».

Кабардинец *К. Хагондоков* в основе своих общественно-политических взглядов сочетал *«разумный русский патриотизм с глубокой привязанностью к своему родному кабардинскому племени»*. Он считал, что в будущем «народности, населяющие окраины России, должны будут с нею *вновь воссоединиться* и по соображениям экономическим, и по соображениям политическим». *К. Хагондоков* считал, что для России приемлема лишь *монархия*, которая может дать «успокоение», признавая между тем необходимыми формы парламентаризма: *каждый народ должен был иметь право голоса*. Для национальных окраин (Туркестана, Сибири, Кавказа) необходимо, по мнению *К. Хагондокова*, широкое местное самоуправление, которого не было до революции [4; кор. 5]. Надо отметить, что многие северокавказские эмигранты, соглашаясь на включение Северного Кавказа в состав будущей свободной России, стремились к *усилению роли демократии и представительства народов России в управлении Россией*.

Балкарец-эмигрант *Т. Шакманов* считал, что Северный Кавказ должен быть в составе России, но подчеркивал, что в новой России следует усилить роль демократических основ нового государства и увеличить представительство народов России в управлении страной. Будущие отношения Кавказа с Россией *Т. Шакманов* мыслил не как новое насильственное завоевание, а как *федерацию, с сознательным пониманием Кавказом своего места и значения в этой федерации* [4; кор. 6]. Любопытно, что стремление к федеративности *Т. Шакманова* со временем привело его к сторонникам Конфедерации кавказских государств: в 1934 г. он подписал Пакт Независимой Кавказской конфедерации от Северного Кавказа.

Лезгин *И. Гайдаров* был убежден в необходимости *сильной централизованной власти для России, при этом не русским народам должно быть предоставлено широкое самоуправление*. Причем он по-прежнему (до революции он был депутатом мусульманской фракции в Государственной думе и боролся за расширение прав мусульман Кавказа – прим. *И.Б.*) утверждал, что Россия должна предоставить исламу и российским мусульманам более широкую нишу для представления в органах власти, поскольку мусульмане в России по численности занимают второе место и имеют право играть важную роль в России. *И. Гайдаров* подчеркивал: «Кавказ экономически связан с Россией, и *мысль его самостоятельности – есть утопия*. Русская культура... настолько проникла в сознание населения, что она всегда будет пользоваться большим влиянием» [4; кор. 5].

Известный эмигрант, ингуш *М. Куриев* писал, что «род Куриевых очень известен в их племени и издавна славится *своей преданностью России и службой в рядах Русской армии»*. Прадед, дед, отец *М. Куриева* служили в

Императорском конвое. Между тем и М. Куриев считал, что «в будущей России следует установить равноправие национальностей». М. Куриев положительно оценивал влияние русской культуры на кавказские народы: «Кавказ должен быть в России, но в статусе автономии» [4; кор. 5].

Своеобразное отношение к России имели грузинские эмигранты. Были среди них и такие, которые хотели оставаться в составе России, например, грузин А. Андронников, «ярый грузинский националист», но принадлежа по своему происхождению к одной из известнейших грузинских фамилий, много послужившей на пользу России, вместе с тем не мнил существования Грузии и вообще всего Кавказа без тесной экономической, культурной и государственной связи с Россией, *желал видеть Грузию автономной, но входящей в состав России* [4; кор. 7]. И. Вачнадзе считал «лучшей формой правления для России... конституционную монархию». Между тем он подчеркивал, что «огромность территории России и разноплеменность ее населения требуют федеративной республики». «Новые государства, как Грузия и др., не могут существовать самостоятельно, они неизбежно воссоединятся с Россией на началах федерации» [4; кор. 7; 5].

Армяне – эмигранты из Российской империи сохраняли во многом пророссийские взгляды. Александр Хатисов (Хатисян), Карпет Сергеевич Агаджанян, Рубен Тванович Берберов (Берберян), Семен Лазаревич Врацумян (Врацян, Вратьян), Аршак Джамалович Исаакян (Джамалян), Михаил Александрович Джаншиев, Иван Христофорович Завриев (Заврян), Г.Х. Кафьян, Степан Тигранович Навасардян, Ваган Папазян, Александр Арутюнович Паронян, Михаил Матвеевич Тер-Погосян, Степан Сумбатович Егуазаров – все они участвовали во Франции в работе

русских масонских лож «Северная звезда» и «Свободная Россия», деятельность которых была направлена на возрождение монархической Российской империи. Приведем пример. 7 марта 1928 г. А. Хатисян сделал доклад на тему «*Политические настроения на Кавказе*». В своем докладе эмигрант-армянин подчеркнул, что большинство народов Кавказа не имели своей государственности (кроме Грузии и Армении) и у народов Кавказа *не было единой кавказской идентичности*. А. Хатисян считал, что на Кавказе еще до революции были сильны «пророссийские связи». Точка зрения армян была такова: «Объединение с русскими общенациональными силами для совместной борьбы с большевиками, создание особой формы существования Армении, без ущерба для России (вроде Канады)». Любопытно, что во Франции ко времени армянской эмиграции из Российской империи проживало много армян, бежавших из Турции во время геноцида 1915 г. Однако российские армяне не контактировали с турецкими в силу ряда причин. Неприятие турецких армян привело к тому, что во Франции был создан «Союз армян, происходящих из России» (Union des Arméniens Originaires de Russie), куда входили и некоторые из перечисленных выше армян-масонов, например, Михаил Тер-Погосян, а также многие другие армяне, не члены масонских лож во Франции.

Среди сторонников «имперской ориентации» был и крупный армянский промышленник Абрам Осипович Гукасов (Гукасянц). Будучи членом Ассоциации нефтепромышленников – мусульман Кавказа и Лиги промышленников, коммерсантов и финансистов – армян Кавказа (Париж) вместе со своим братом Павлом он финансировал сохранение армянской культуры (Фонд братьев Гукасовых, Женева, Швейцария), тем не

менее, и в эмиграции он оставался сторонником Российской империи. Именно он основал и финансировал крупную эмигрантскую русскую газету «Возрождение». В 1969 г. в этой газете был опубликован некролог о нем, написанный В. Нерселяном. Он писал: «Еще при жизни Абрам Осипович часто сам говорил о себе так: «Вот армяне считают меня изменником. Я же для них работаю. *Освобождение России есть кратчайший путь для решения и армянской проблемы. И единственный путь – другого нет*». Поэтому А.О. Гукасов и стремился восстановить Российское государство, а его часто упрекали в том, что он «обрусел». Тем не менее, сам Абрам Осипович подчеркивал, что «Российская империя осуществляла культурное развитие всех народов империи» [6].

Националистические взгляды, создание независимых государств на Кавказе. Были кавказцы, и в частности – северокавказцы, которые во Франции отстаивали право народов Кавказа – грузин, армян, азербайджанцев, народов Северного Кавказа, на независимость и полное отделение, как от СССР, так и от Российской империи. Как правило, такие эмигранты объединялись в различные националистические организации.

Первые попытки подобного объединения политических лидеров Кавказа были сделаны с самого начала кавказской эмиграции – в 1919 г., когда на мирную конференцию в Париж прибыли делегации от Азербайджана, Грузии, Армении и Северного Кавказа (Горской республики). Во время мирной конференции каждая из республик вначале представила свою *Декларацию о независимости*, потом была подготовлена общая Декларация (7 июня 1919 г.), а затем 8 октября 1919 г. было подготовлено *письмо* президентов делегаций семи республик, стремящихся к независимости: *Азербайджана* (А.М. Топчибаши), горцев *Северного*

Кавказа (А.М. Чермоев), *Эстонии* (С.Р. Пуска), *Грузии* (Н. Чхеидзе), *Кубанской республики* (Л. Быч), *Латвии* (И. Сескис), *Литвы* (Т. Парушевич), *Украины* (М.Т. Тышкевич), на имя французского премьер-министра Жоржа Клемансо – председателя данной конференции [1]. Члены делегаций мирной конференции обратились к Ж. Клемансо с просьбой о признании данных государств в качестве новых субъектов международного права. Между тем европейские страны решили отложить рассмотрение этого вопроса до разрешения так называемого «русского вопроса», т.е. до определения статуса нового советского государства и отношения к нему европейских стран.

Одним из крупных общественных националистических движений во Франции стало движение за создание *Конфедерации народов Кавказа* (руководитель – крупный и авторитетный азербайджанский деятель *Али Мардан Топчибаши*). В основу деятельности данного движения была положена разработанная им *теория кавказской идентичности*. В частном архиве А.М. Топчибаши нами обнаружена его рукопись под названием «К вопросу о возможности объединения эмигрантов-кавказцев (азербайджанцев, армян, грузин и северокавказцев) в Париже и вообще за рубежом» (1931 г.) [7]. Первый документ, призывающий создать такую Конфедерацию, кавказские лидеры подписали уже в 1924 г. Через 10 лет – в 1934 г. – в Брюсселе лидерами национальных центров Азербайджана, Грузии и Северного Кавказа был подписан *Пакт Кавказской Конфедерации*. Перечислим тех, кто его подписал: *М.-Э. Расул-Задэ*, *А. Топчибаши* (от Азербайджана), *Н. Жордания*, *А.И. Чхенкели* (от Грузии), *М. Сунш*, *И. Чулик*, *Т. Шакман* (от Северного Кавказа). Как мы видим, лидеры армянских организаций не поддерживали эти идеи. *Армянские эмигранты,*

несмотря на то, что в течение 1920-1930-х годов их активно приглашали принять участие в данном движении, постоянно игнорировали его [8]. Тем не менее, отметим, что во Франции были широко распространены собственные националистические армянские организации, стремящиеся к созданию независимого государства.

С самого начала северокавказские лидеры, оказавшиеся в эмиграции, осознавали, что без помощи других кавказских народов они не смогли бы отстаивать на международной арене свои политические и национальные интересы. Была создана *Народная партия горцев Кавказа* (один из ее руководителей – полковник Терского казачьего войска, осетин *Барасби Байтуган*), которая одной из первых среди всех общественно-политических организаций кавказской эмиграции поддержала идею о Конфедерации (1926 г.) [9]. Б. Байтуган активно отстаивал идеи независимости Северного Кавказа, но «наша Независимость не мыслима без Независимости Кавказа в целом. Гарантией же Независимости Кавказа является только Конфедерация Республик Кавказа» [10]. В 1929-1930 гг. в Париже был создан *Национальный Совет республики Северного Кавказа*. В программном документе говорилось: «Национальный Совет имеет задачей объединение и руководство деятельностью всех национальных политических и общественных организаций народов Северного Кавказа, стремящихся к освобождению страны от иностранной оккупации, и создание независимой Северо-Кавказской Республики в составе Кавказской Конфедерации (Азербайджан – Армения – Грузия – Северный Кавказ)» [1].

Основными принципами учрежденной А.М. Топчибаши Кавказской конфедерации были следующие: новое государственное образование должно быть светским, таким образом, религиозная (исламская)

составляющая в новом государстве вообще не рассматривалась; оно должно быть построено на основе «мирового народовластия»; на сочетании частной и коллективной собственности. Форма будущего государства – демократическая республика [1].

Подчеркнем, что сторонники независимости Северного Кавказа всегда апеллировали к эпохе Шамиля, отмечая, что тот тип государственности, которую стремился построить Шамиль, идеально подходил для горцев Северного Кавказа, а период с 1838 до 1845 гг. – «расцвет горской государственности» [11, 12]. Важно отметить, что редакция журнала «Горцы Кавказа» и члены народной партии горцев Кавказа, находясь во Франции, начали *продумывать формы и методы становления государственности на Северном Кавказе*. В 1929-1930 гг. в журнале «Горцы Кавказа» была опубликована целая серия статей на эту тему [13, 14]. В 1936-1937 гг. целый ряд северокавказских авторов подготовили свои теоретические статьи по проблемам северокавказской нации и становления государственности на Северном Кавказе – это *И. Шакман, Б. Билатти, Джаван* и др. [15]. В качестве ключевой была статья директора Варшавского Восточного института *С. Седлецкого* под названием «Как строить государство» [14]. Принципиальным стал вопрос: могло ли культурное, языковое и религиозное разнообразие, присущее народам и обществам Северного Кавказа, стать важным препятствием для строительства единого государства? Большинство авторов журнала «Горцы Кавказа» пытались доказать, что это разнообразие не может помешать формированию единого государства.

Полемика «независимовцев» и «русских» о теории и практике государственного строительства на Кавказе. Активным участником политических дискуссий между

сторонниками и противниками кавказской независимости стал упоминавшийся выше осетин М.Н. Абадиев. В Париже в 1929 г. им была образована организация «Союз народов Кавказа», которая противопоставляла себя националистической «Народной партии горцев Кавказа». В общественных клубах Парижа М.Н. Абадиев часто выступал с докладами, в которых он критиковал положения теории государственности, разрабатываемые в недрах его политических оппонентов. В ответ М.Н. Абадиеву на страницах журнала «Горцы Кавказа», который принадлежал Народной партии горцев Кавказа, была опубликована статья члена партии, осетина Тамбия Елекхоти. По мнению Т. Елекхоти, «члены «Союза народов Кавказа» мало жили у себя на родине и дома бывали лишь наездами (имелось в виду, что они жили в Петербурге, а не на Кавказе – прим. И.Б.)» [16]. «Союз народов Кавказа» состоял из 2-3 осетин, «примыкающих к идеологии русских великодержавников, затем одного ингуша и двух армян», считает Т. Елекхоти. Редакция журнала «Северный Кавказ» считала, что таких как М.Н. Абадиев, защищавших идею «имперского устройства России», в эмиграции – единицы. Однако, по нашему мнению, это было не так. Во Франции было много военных Российской армии и казаков, главным образом осетин и кабардинцев, которые оставались сторонниками имперского устройства России [17]. Чаще всего кавказцы с пророссийскими взглядами не принимали активного участия в общественной и политической жизни в эмиграции, жили своей частной жизнью и сохраняли верность империи и императору Николаю II и данным им в свое время военным присягам. Например, жил в эмиграции, Праге и Париже, осетин Семен Андреевич Хатаев, казак Терского казачьего войска, имел псевдоним «кавказец». Еще в России окончил реальное

училище во Владикавказе, учился в С.-Петербургском институте инженеров путей сообщения. Жил тихо, посылал свои статьи в журналы «Русский современник» (Париж) и «Казачий путь» (Прага), поддерживал русских демократов и П.Н. Милюкова, однако заметного следа в эмигрантской жизни он не оставил. И таких было много. Скорее северокавказцы-«независимовцы» были в меньшинстве, но они были более активны и их голос слышен был явно сильнее. Именно поэтому они так рьяно критиковали взгляды М.Н. Абадиева [18]. Т. Елекхоти утверждал, что «духовное родство кавказских народов» существует в реальности и именно на нем и строилась «политика общекавказской солидарности».

Были и удивительные метаморфозы во взглядах северокавказских эмигрантов на Российскую империю и место в ней Кавказа. Приведем пример эволюции взглядов князя, кабардинца Владимира Николаевича (Эльбуздука Канаметовича) Кудашева. В 1913 г. он издал книгу «Исторические сведения о кабардинском народе», в которой были выражены прорусские взгляды. В 1919 г. эмигрировал во Францию, вначале жил в Каннах, потом – в Ницце, свою жизнь закончил в 1945 г., проживая в Русском общежитии для стариков Красного Креста и получая помощь от русского фонда «Земгора». Так, именно В.Н. Кудашев в 1936 г. опубликовал в Париже статью под названием «Заметки кабардинца», в которой он стал высказывать прямо противоположные взгляды. К этому времени ему было около 70 лет. Он писал, что кабардинцы честно служили России со времени Ивана Грозного. Он задавал вопрос: «Что нам дала русская власть?», «Ничего не дала!» – заключал В.Н. Кудашев: «1) народное просвещение было в полном запустении, 2) пути сообщения – в первобытном состоянии, 3) торговля и промышленность

почти не развивались, даже добыча нефти и то главным образом была в руках иностранцев» [19].

В первом номере журнала «Казачий всполох» от 1925 г. была опубликована статья казака-осетина, полковника российской армии *Николая Александровича Бигаева* под названием «Горско-казачьему эмигрантскому студенчеству», в которой автор призывал эмигрантскую горскую молодежь Северного Кавказа, забыв о «национальном пафосе», объединиться с русскими. Именно Н.А. Бигаев стал первым председателем Союза горцев Кавказа, созданного в Праге (1923 г.), куда вступил и осетин М.Н. Абадиев. Другой ее член, кабардинец Э. Бекович-Черкасский со временем разошелся во взглядах с Н.А. Бигавым. Э. Бекович-Черкасский стал ярким националистом. В 1929 г. в газете «Возрождение» были опубликованы две статьи осетина *Измаила Баева*, посвященные сепаратизму горцев Кавказа. В своей статье И. Баев представил свои «прорусские» воззрения по вопросу о сепаратизме горцев Северного Кавказа, дав «злостную критику горского национально-освободительного движения», приводя исторические аргументы важности союза горцев Кавказа и Российской империи. И отпор этим взглядам дал Эльмурза Бекович-Черкасский на страницах журнала «Горцы Кавказа» в 1929 г. [20].

В основу различий между «пророссийской» и «прокавказской» позициями в эмигрантской среде, как нам представляется, легла положительная или отрицательная оценка деятельности российской администрации на Кавказе: сторонники прорусской позиции утверждали, что «Россия облагодетельствовала Кавказ, что народы Кавказа перегрызли бы друг другу горло, если бы «не висела над ними русская палка». Сторонники «прокавказской позиции» считали, что Россия принесла немало бедствий региону

[21]. Северокавказские националисты считали имперскую Россию «тюрьмой народов» (*Б. Байтуган*) [22]. Полностью отвергалось и положительное влияние русской культуры. Любопытно, что националисты, отвергая русскую культуру, и в эмиграции постоянно пользовались русским языком. Большинство кавказских журналов в Европе в этот период издавалось на русском языке.

Заключение. Итак, мы пришли к выводу, что северокавказские эмигранты во Франции в 1920-1930-х гг. занимались не только обустройством своей жизни, своего быта, но и общественно-политической деятельностью. Во многом политическая активность горцев Северного Кавказа была обусловлена наличием средств. Среди северокавказцев были и богатые люди, имевшие нефтяные акции международных фирм (например, чеченец А. Чермоев). Для лидеров общественных движений и партий было важно определить будущее Северного Кавказа. Взгляды горцев на будущее государственное строительство были тесно связаны с их позициями по отношению к России, к российской истории, к имперской политике на Северном Кавказе, которая проводилась на протяжении более 100 лет.

Мы показали, что в целом общественно-политические взгляды сводились к двум крупным направлениям, в рамках которых наблюдались нюансы: Кавказ – либо в составе Российской империи, либо независимо от России. Мы увидели, что северокавказские эмигранты активно отстаивали свои позиции, проводили открытые дискуссии, которые заканчивались серьезными расхождениями внутри этнических диаспор. Политические разногласия в 1920-1930-е гг. стали настолько сильными и непреодолимыми, что главным критерием формирования новой культурной идентичности во Франции стал не национальный (эмигранты не объединялись

по национальному признаку), а политический (объединение шло по общим политическим взглядам). Как нам представляется, это была фундаментальная особенность процесса адаптации кавказских эмигрантов во Франции в исследуемый период.

Примечания:

1. Личный архив Алимардан бека Топчибаши // Библиотека Института восточно-европейских и кавказских исследований. Франция, Париж.
2. Бабич И.Л. Кавказцы и русская монархия // История государства и права. 2014. № 24. С. 36-41.
3. Бабич И.Л. Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 171-186.
4. Архив Большой ложки Франции. Париж.
5. Бабич И.Л. Кубанцы и кавказцы: вместе и врозь в европейской эмиграции // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2012. № 1. С. 16-22.
6. Нерсесян В. Некролог. Гукасов А.О. // Возрождение. 1969. № 215. С. 76.
7. Личный архив Али Акбара Топчибаши // Библиотека Института восточно-европейских и кавказских исследований. Франция, Париж.
8. Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции: миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. СПб, 2012. С. 376-402.
9. Байтуган Б. Конфедерация и горцы // Горцы Кавказа. Париж, 1930. № 21-23. С. 4-6.
10. Горцы Кавказа. Париж, 1932. № 33. С. 7.
11. Хасан Эмир. Эпоха Шамиля // Северный Кавказ. Париж, 1934. № 1. С. 12-14.
12. Байтуган Б. Гражданское и военное устройство при Имаме Шамиле // Горцы Кавказа. Париж, 1932. № 30. С. 26-30.
13. Хаджи М. Системы Сложных государств // Горцы Кавказа. Париж, 1929. № 8-9.
14. Седлецкий С. Как строить государство // Горцы Кавказа. Париж, 1930. № 25. С. 13-17.
15. Прометей. Париж, 1936. № 115-116, 121, 122; 1937. № 123.
16. Елекхоти Т. Сепаратизм горцев и его корни // Горцы Кавказа. Париж, 1929. № 2-3. С. 5.
17. Хроника // Северный Кавказ. Париж, 1937. № 36. С. 12-14.
18. Один из слушателей. На докладе «милюковца» // Северный Кавказ. Париж, 1937. № 36. С. 20-21.
19. Дзагалов А.С. Владимир Кудашев в архивных источниках Украины и воспоминаниях киевского приват-доцента Николая Василенко // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Т. 5. С. 183-206.
20. Бекович-Черкасский Э. «Возрождение» о сепаратизме горцев Кавказа // Горцы Кавказа. Париж, 1929. № 8-9. С. 13-17.
21. Елекхоти Т. Кавказ и Россия // Независимый Кавказ. Париж, 1929. № 2. С. 7-10.
22. Байтуган Б. По поводу передовицы «Возрождения» // Горцы Кавказа. Париж, 1932. № 31. С. 10.

References:

1. Personal archives of Alimardan bek Topchibashi, Library of the Institute of Eastern European and Caucasian Studies. France, Paris.
2. Babich I.L. Caucasians and Russian monarchy // History of the state and law. 2014. No. 24. P. 36-41.

3. Babich I.L. Interrelation of modern mountain ideologies and national interests of Russia in the North Caucasus // North Caucasus in the national strategy of Russia. M., 2008. P. 171-186.

4. Archive of the Grand Lodge of France, Paris.

5. Babich I.L. The people of the Kuban area and Caucasians: together and separately in the European emigration // Scientific thought of the Caucasus. Rostov-on-Don, 2012. No. 1. P. 16-22.

6. Nersesyan V. The Obituary. Gukasov A.O. // The Renaissance. 1969. No. 215. P. 76.

7. Personal archives of Ali Akbar Topchibashi. Library of the Institute of Eastern European and Caucasian Studies, France, Paris.

8. Babich I.L. North Caucasian nation in the European emigration: a myth or reality // Society as an object and subject of power. SPb, 2012. P. 376-402.

9. Baytugan B. Confederation and the Highlanders // Highlanders of the Caucasus. Paris. 1930. No. 21-23. P. 4-6.

10. Highlanders of the Caucasus. Paris, 1932. No. 33. P. 7.

11. Hasan Emir. The epoch of Shamil // The North Caucasus. Paris. 1934. No. 1. P. 12-14.

12. Baytugan B. Civil and military structure under Imam Shamil // Highlanders of the Caucasus. Paris. 1932. No. 30. P. 26-30.

13. Haji M. Systems of Complex States // Highlanders of the Caucasus. Paris. 1929. No. 8-9

14. Sedletsky S. How to build a state // Highlanders of the Caucasus. Paris. 1930. No. 25. P. 13-17.

15. Prometheus. Paris. 1936. No. 115-116, 121, 122; 1937. No. 123.

16. Elekkhoti T. Separatism of the Highlanders and its roots // Highlanders of the Caucasus. Paris. 1929. No. 2-3. P. 5.

17. Chronicles // The North Caucasus. Paris. 1937. No. 36. P.12-14.

18. One of the listeners. During the report of the "Milyukovets" // The North Caucasus. Paris. 1937. No. 36. P. 20-21.

19. Dzagalov A.S. Vladimir Kudashev in the archival sources of Ukraine and memoirs of Nikolai Vasilenko, Kiev privat-docent // Historical Bulletin. Nalchik. 2007. Vol. 5. P. 183-206,

20. Bekovich-Cherkassky E. "The Renaissance" on the separatism of the highlanders of the Caucasus // Highlanders of the Caucasus. Paris. 1929. Paris. No. 8-9. P. 13-17.

21. Elekkhoti T. The Caucasus and Russia // The Independent Caucasus. Paris. 1929. No. 2. P. 7-10.

22. Baytugan B. On the editorial of the "Renaissance" // Highlanders of the Caucasus. Paris. 1932. No. 31. P. 10.

УДК 94(470.6)»18/...»
ББК 63.3(235.7)5
Б 91

Л.В. Бурыкина,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности миграции австро-венгерских подданных на Северо-Западный Кавказ и анализируется адаптационный потенциал чехов и словаков в российской миграционной парадигме второй половины XIX в. Автор приходит к выводу, что степень эффективности адаптации переселенцев в иноэтничный социум зависела от проводимой царизмом национальной и конфессиональной политики, экономической поддержки австро-венгерского правительства и индивидуальной самореализации мигрантов. Большинство переселенцев сумело проявить незаурядную акклиматизационную креативность и найти свою экономическую нишу.

Ключевые слова: Российская империя, Австро-Венгрия, чехи, словаки, Северо-Западный Кавказ, миграция, адаптация, интеграция.

L.V. Burykina,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru

ADAPTATION POTENTIAL OF CZECHS AND SLOVAKS OF THE NORTHWEST CAUCASUS IN THE RUSSIAN MIGRATORY PARADIGM OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The paper discusses features of migration of Austro-Hungarian citizens to the Northwest Caucasus and analyzes the adaptation potential of Czechs and Slovaks in the Russian migratory paradigm of the second half of the 19th century. The author comes to a conclusion that degree of efficiency of adaptation of immigrants in the different ethnic society depended on the national and confessional policy pursued by tsarism, on economic support of the Austro-Hungarian government and on individual self-realization of migrants. Most of immigrants managed to show uncommon acclimatization creativity and to find the economic niche.

Keywords: Russian Empire, Austria-Hungary, Czechs, Slovaks, Northwest Caucasus, migration, adaptation, integration.

Миграция населения – это один из видов мобильности, а именно – пространственная мобильность. В истории России миграция населения сыграла глобальную роль. С точки зрения В.О. Ключевского, «вся история России есть история страны, которая колонизируется». «Колонизация страны – основной урок русской истории», а «периоды русской истории – главные моменты колонизации» [1; 50-51].

В.И. Переведенцев, В.В. Покшишевский трактуют миграции как «...перемещения населения, связанные с переменой места проживания (изменение государства, области или населенного пункта, в котором живет то или иное лицо, семья или другая более широкая общность людей)» [2; 10]. Т.е. миграция – это переселение в самом широком смысле слова; мигрант и переселенец – синонимы [3; 20].

Миграционные процессы несут серьезную функциональную нагрузку. Во-первых, они способствуют развитию человека, изменению социально-психологических характеристик, т.е. выполняют ускорительную функцию. Во-вторых, в результате межтерриториальных перемещений изменяется численность населения этих территорий. В данном случае миграционные процессы выполняют рекомбинирующую функцию. И кроме того, изменение качественного состава населения как следствие миграционных перемещений свидетельствует о селективной функции миграционных процессов. Все названные функции взаимосвязаны и непосредственно влияют на последствия миграции.

Миграционные процессы обусловлены рядом параметров: направлением миграционных потоков, их масштабом, составом мигрантов, мотивацией к переселению. Под факторами миграции понимается комплекс движущих сил, воздействующих на миграционные процессы [4; 12]. Исследованию

факторов, условий, причин и мотивов миграционного движения посвящены многочисленные труды [5; 29]. Авторы различают объективные и субъективные группы факторов, определяющих миграционные процессы. По суждению В.И. Переведенцева, объективные факторы – это те, что находятся на стороне «мира», общества, субъективные – на стороне человека, индивида [3; 105]. Объективные факторы делятся на естественные и общественные. К естественным факторам перемещения населения относят региональные различия окружающей среды, а к общественным – территориальные различия в социальных условиях. В структурной классификации общественных факторов вычленяют такие группы, как экономические, социально-психологические, демографические, этнические факторы [3; 107].

«Главная задача этносоциологических исследований в области миграции – показать, как особенности культуры этноса, т.е. выработанные им в течение поколений традиции, отражаются на миграционном поведении его членов, с одной стороны, и как миграции влияют на структуру этноса, его традиции, на межэтнические отношения – с другой» [6; 91-92]. Этнический фактор, безусловно, влияет на миграционное поведение человека. Следует различать, прежде всего, объективный этнический фактор, т.е. причины этнической ориентации, стимулирующие складывание у человека миграционных установок, к которым относятся особенности этнической структуры населения, этнические конфликты, уровень межнациональных отношений, культурное доминирование, лингвистическая и религиозная ситуация. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и этническую политику, проводимую на государственном или региональном уровне, оказывающую влияние на миграцию отдельных этнических групп. Субъективный же

этнический фактор подразумевает психологическую специфику потенциального мигранта, воздействующую на восприятие объективных этнических установок. В данном случае немаловажны такие типично субъективные факторы, как этническое самосознание и чувство этнической родины [7; 26].

Проблемы перемещения населения приобрели в последние годы особое значение. А поскольку любая миграция сопровождается адаптацией, миграция и адаптация – явления взаимосвязанные, задачи их изучения – неразрывны. Но не только злободневность, прагматическая значимость проблем адаптации обусловили их важность. Их по праву можно отнести к сфере приоритетных направлений исторической науки, так как они всегда составляли субстанциональную и органическую часть исторического процесса. В колоссальном разнообразии проявлений человеческое общество сталкивается с потребностью адаптации в процессе той или иной эволюции. При этом происходит парадоксальная циркуляция – человеческий социум изменяет условия жизни и сам же должен приспособливаться к вызванной им трансформации. Адаптация континуальна и сопровождает человеческое общество на всех стадиях анагенеза. Проблемы адаптации удивительно многолики. Можно выделить две категории адаптации: природно-производственную и социально-этническую.

Согласно с изменением природных условий меняется производственное функционирование индивидуума, а в связи с его производственной деятельностью снова происходит модификация жизненного пространства.

Социально-этническая адаптация означает аккомодацию индивидуума или человеческого социума к изменениям социальной или этнической среды в результате социальных катаклизмов.

С.В. Лурье подчёркивает, что процесс освоения фронта не посредственно коррелирует с адаптацией человека к окружающей среде (и природной, и социокультурной) – в том числе адаптации психологической, вследствие чего складываются идентифицированные модели человеческой жизнедеятельности, ориентированные на снижение психологического диссонанса между человеком и миром и призванные сделать среду обитания более комфортной... «Каждая культура формирует свой особый «адаптированный», комфортный образ реальности. Так формируется и образ осваиваемого пространства» [8; 61].

Вследствие многообразия форм человеческой адаптации в данной статье предпринята попытка высказать соображения лишь об одном адаптационном направлении – миграционном.

Северо-Западный Кавказ, как, собственно, любой регион Юга России, в пореформенный период являлся полиэтническим, что, безусловно, оказывало существенное влияние на развитие материальной и духовной культуры населявших его народов. Многонациональный состав населения во многом определял специфику отраслевой структуры и специализации региона, по своему «оживлял» их своей жизнедеятельностью.

Глобальная трансформация этнодемографической карты региона произошла после окончания Кавказской войны, махаджирства адыгов в Османскую империю и переселения на их земли казаков и выходцев из внутренних губерний России. Для адыгов итоги войны оказались столь же катастрофическими, как и сама война: массовая депортация, насильственное переселение, вхождение в новое политическое, экономическое и социально-культурное пространство Российской империи [9; 105]. Миграционные потоки на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX в. достигли

такого масштаба, что стали одним из важных факторов его социально-экономической, духовной и политической истории.

Австро-Венгерской империи, являвшейся одним из ключевых «доноров» в системе международной миграционной конверсии, принадлежало второе место, после Германии, в числе государств, давших наибольшую численность переселенцев в Российскую империю. Согласно российской статистике, с 1828 по 1915 гг. в Россию на постоянное место жительства прибыло 888 тысяч подданных империи Габсбургов, что составляло 21,4% от общего количества мигрантов [10; 108].

Благодаря утверждённому Александром II 10 марта 1866 г. «Положению о заселении Черноморского округа и управлении оным» начинается переселение туда чехов и словаков, вызванное следующими обстоятельствами: а) разногласиями на конфессиональной основе, так как чешское и словацкое население преимущественно исповедовало католицизм, хотя среди них имелись и группы протестантов; б) национальным неравноправием чешского и словацкого населения в составе Австро-Венгерской монархии; в) экономическими факторами: перенаселённостью сельскохозяйственных регионов и их экономической отсталостью, крестьянским малоземельем, высокой степенью безработицы, регулярно повторяющимися экономическими кризисами [11; 225].

Переселенцы имели право получить крупные земельные участки (до 30 десятин), предусматривалось их освобождение на срок до 15 лет от налогообложения, а также разовые пособия на переселение. Безусловно, подобные предложения российского правительства привлекали иностранных колонистов, страдающих на родине от «земельного голода». По прошествии всего четырёх лет после окончания Кавказской войны

первая группа чешских мигрантов прибыла на Северо-Восточный берег Чёрного моря и на Георгиевских хуторах близ Туапсе было образовано первое чешское поселение. В 1869 г. чешские колонисты основали ещё две деревни: Кирилловку из 40 дворов и Мефодиевку из 24 дворов в Новороссийском округе. Через год сформировалось два поселения – Варваровка и Павловка в Таманском отделе Кубанской области, обитателей которых дореволюционные статистики причисляли к лютеранам [12; 22-23]. Уроженцы Моравии, в основном, проживали в с. Павловка. В г. Ейске в начале 1880-х гг. насчитывалось 7 мужчин и 8 женщин чешской национальности. Имелись и другие поселения, где чехи проживали совместно с русскими, немцами, молдаванами, греками, эстонцами. В с. Тешебс чехи жили, например, вместе с поляками, как и в с. Текос за Геленджиком и на хуторе Мамацев Майкопского отдела [13; 553].

Согласно архивным данным, чехи и словаки местом поселения главным образом выбирали Черноморский округ и Темрюкский уезд Кубанской области [14]. Участок от Анапы до Гагр, по свидетельству Ф.К. Гершельмана, после почти поголовного махаджирства адыгов в Османскую империю был занят разными мигрантами, в том числе и чехами [15; 15]. К.М. Бороздин отмечал, что в Черноморском округе к середине 1880-х гг. аграрного населения насчитывалось восемь тысяч человек, из которых львиную долю составляли немцы, армяне, греки, чехи, поляки и молдаване [16; 130]. Словаки были немногочисленны и селились, в основном, в чешских колониях [17; 196]. Заняты были в сельском и лесном хозяйстве, промышленности и ремёслах (в частности, на Кавказе много встречалось словаков-лудильщиков) [18; 65].

Проект царского правительства по переселению иностранных колонистов на Северо-Восточный

берег Чёрного моря был неоднократно встречен российским обществом. Например, многие, как и Н. Шавров, полагали, что лучшим вариантом было бы заселение Черноморского побережья казаками, и сожалели, что «интересы государственной безопасности и стратегические соображения об обороне кавказского края уступили место интересам быстрого экономического развития края...» [19; 27-28]. Н. Шавров промахи миграционной практики связывал с тем, что «чехи, молдаване, греки, немцы и русские имели свои особенные понятия о земледельческой культуре и смотрели по-своему на водворение и будущность образуемых ими колоний. Пособия, которые выдавались колонистам от правительства, имели крайне преувеличенное значение в глазах новых поселенцев» [19; 28]. К тому же неосведомлённость мигрантов в особенностях местных природно-климатических, санитарно-эпидемиологических, ландшафтных условий, как и отсутствие удобных коммуникаций, существенно осложняли их быт. Жизнь в землянках, повальные заболевания малярией при отсутствии медицинской помощи, борьба со стихийными бедствиями нередко приводили мигрантов в состояние депрессии, хотя чехов отличало особое отношение к чистоте в быту и своей внешности даже в самых неблагоприятных условиях. Позитивную роль сыграла экономическая поддержка одеждой, инвентарём, рассадой сельскохозяйственных культур, денежными пособиями, скотом австро-венгерского правительства, заинтересованного в создании колоний на территории Российской империи, в стратегически важном регионе [20; 143]. Справившись с неизбежными сложностями адаптационного периода, колонисты постепенно наладили жизнь и быт. В начале 1880-х гг. около двух десятков чешских семей выразили готовность переселиться из

Черноморского округа на незаселённые земли в Кубанской области и были поддержаны администрацией региона [21].

В составе австро-венгерских мигрантов на Северо-Западном Кавказе были словаки, словенцы, хорваты, русины, а также поляки, австрийские немцы, евреи и венгры, но весомо доминировали чехи. К 80-м годам XIX в. на Северо-Восточном берегу Чёрного моря до р. Бзыби располагалось около 1000 чехов [22; 241].

В начале 1890-х гг. в Варваровке числилось 165 чехов и словаков, в Павловке – 94, во Владимировке – 108, в Глебовке – 132, Кирилловке – 181, в Мефодиевке – 91, на Георгиевских хуторах – 113, в чешских колониях на р. Джубга в Вельяминовском отделе их проживало 113 человек [23; 3].

Чехи и словаки относились, преимущественно, к крестьянскому сословию. Во главе замкнутых иностранных поселений стоял деревенский староста. Мигранты стремились не терять связь с исторической родиной, откуда было организовано снабжение пособиями по родному языку, фольклору, обрядам. При содействии чешских общественных организаций чехи, проживавшие на Северо-Западном Кавказе, старались оставаться носителями чешской национальной культуры.

Скрупулёзная забота чехов о сохранении родного языка и поддержании национальных традиций объяснялась испытанной на родине германизацией. В связи с этим в новом месте проживания чехи, как и словаки, старались сберечь свойственные им образ жизни и культуру. В строительстве домов и хозяйственных построек, как и на родине, применяли саман и камень [24; 139]. Чехи перенесли на российскую почву прогрессивные агротехнологии, позволявшие получать обильные урожаи. Они ввели в оборот легкий плуг, в наибольшей степени адаптированный

к местным условиям, и подкормку полей. Чешских колонистов по праву считают на Северо-Западном Кавказе пионерами виноградарства и виноделия. Кроме того, они внесли существенный вклад в развитие местного садоводства и огородничества [25; 76].

Австро-венгерские мигранты занимались скотоводством, ремеслами, вели торговлю сельскохозяйственными продуктами. Характерной чертой чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа являлась система самоуправления и самообеспечения (автаркия).

В городах насчитывалось 159 эмигрантов из Австро-Венгрии, в том числе в Анапе – 14, Армавире – 9, Ейске – 16, Екатеринодаре – 80, Майкопе – 14, Темрюке – 26. Среди них были учителя, музыканты, артисты, служащие, технические специалисты, промышленники и представители прочих профессий [26; 64].

Несмотря на поддержание обособленности чешских и словацких поселений, воздействие национальной политики Российской империи предопределило необходимость воспитания иностранных колонистов второго и третьего поколения как русских. Рост числа браков между православными, католиками и протестантами в пользу первых привёл к частичной утрате католицизма и протестантизма. Интересно, что немало кавказских чехов приняли православие и в силу приверженности русской культуре, и исходя из ситуации карьерного прагматизма.

Закон от 31 марта 1897 г. о новом порядке заселения Черноморского побережья Кавказа санкционировал переселения туда только российских подданных, после чего чешские и словацкие миграционные потоки переориентировались, главным образом, в кавказские города [27; 18].

Чехи и словаки внесли свою лепту в формирование экономической

мощи Северо-Западного Кавказа, ускорив становление капиталистических отношений в регионе. Они владели колбасными фабриками, рядом винных и пивных заводов под Майкопом и Новороссийском, а также в Екатеринодаре [28; 522]. Значительным предприятием дореволюционного Екатеринодара являлся чугунолитейный завод чешского промышленника К. Гусника [29; 87]. По данным переписи 1897 г., в Кубанской области проживало 1213 чехов и словаков, в Черноморской губернии – 1290 [30; 246-247], которые в конечном итоге стали частью местного населения, вступая в экономические, бытовые, культурные, семейные связи с коренными народами.

Таким образом, происходящие во второй половине XIX в. миграционные процессы оказали непосредственное влияние на изменение этнодемографической структуры Северо-Западного Кавказа, в этнопанораме которого сформировались новые этнические общности. Одной из существенных сторон интеграции чехов и словаков в иноэтничный социум являлась социально-экономическая аккомодация, включающая четыре фазы взаимодействия: общества, власти, семьи и личности. Степень эффективности адаптации переселенцев в иноэтничный социум зависела от проводимой царизмом национальной и конфессиональной политики, экономической поддержки австро-венгерского правительства и индивидуальной самореализации мигрантов. Большинство переселенцев сумело проявить незаурядную акклиматизационную креативность и найти свою экономическую нишу. Многие из них приняли российское подданство.

Интегрировавшись в демографическую структуру Российской империи, чехи и словаки сохраняли этническую самобытность, преданность католицизму и отчасти протестантизму,

национальную культуру, родной язык. Проживая вдали от исторической родины, они, с одной стороны, вынуждены были удерживать этническую дистанцию, а с другой, должны были ориентироваться на скорейшую наибольшую интеграцию в окружающий мир. Действительно, в дальнейшем, по мере хозяйственной интеграции, между переселенцами и местным населением увеличивалось и социокультурное взаимодействие, трансформировавшееся в активное участие мигрантов в историческом, социально-экономическом и социокультурном развитии Северо-Западного Кавказа.

Примечания:

1. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 432 с.
2. Покшишевский В.В. Миграции населения как общественное явление и задачи статистического изучения // Статистика миграции населения / АН СССР, Центр. экон.-мат. ин-т; отв. ред. Т.В. Рябушкин. М.: Статистика, 1973. С. 7-34.
3. Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 231 с.
4. Воробьев Н.В. Региональная организация миграции населения в сибирских условиях / отв. ред. С.В. Рященко. Новосибирск: Наука, 2001. 152 с.
5. Рыбаковский Л.Л. Миграции населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.
6. Арутюнян Ю.А., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
7. Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. 542 с.
8. Лурье С.В. Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 61-74.
9. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.
10. Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. 136 с.
11. Краткая история Чехословакии / А.Х. Клеванский, В.В. Марьина, А.С. Мыльников, И.И. Поп. М.: Наука, 1988. 576 с.
12. Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир: Изд-во АИПП, 1995. 150 с.
13. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар: Эдви, 1997. 559 с.
14. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 124. Лл. 139 об. 140.
15. Гершельман Ф.К. Военно-статистический обзор Черноморского округа и западной части Кубанской области. Тифлис: Тип. канц. главнонач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. 23 с.
16. Бороздин К.М. Материалы по истории колонизации Кавказа // Наблюдатель. СПб, 1885. № 5. С. 129-147.
17. Птицын А.Н. Словацкая переселенческая община в России на рубеже XIX-XX вв. // Мир славян Северного Кавказа / научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар: Эдви, 2013. Вып. 7. С. 193-202.
18. Пукиш В.С. О словацких переселенцах на Кавказе // Кубанский сборник. Т. 3. / под ред. А.М. Авраменко, Г.М. Кокунько. Краснодар, 2008. С. 63-68.
19. Шавров Н. Проекты колонизации восточного берега Черного моря // Северный вестник. СПб, 1886. № 7 (июль). Отд. 2. С. 20-48.
20. Домашек Е.В. Иммиграция чешских подданных Австро-Венгрии на Черноморское побережье Северного Кавказа во второй половине XIX в. // Мир

славян Северного Кавказа. Вып. 3: Памяти В.П. Попова / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар: Мир Кубани, 2007. С. 141-146.

21. ГАРК. 574. Оп. 1. Д. 1663. Лл. 1-3.

22. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М.: Наука, 1974. 276 с.

23. Гайдук Я. К вопросу о заселении Черноморского округа // Кавказ. 1895. № 6.

24. Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо-Западный Кавказ в 90-е годы XVIII – 90-е годы XIX века. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. 208 с.

25. Золотарева Н. В. Иностранцы в производственной сфере России: анализ правовой основы и сравнение региональных ситуаций // Европа и Северный Кавказ в XIX-XX вв.: опыт межкультурной коммуникации и социокультурной адаптации. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С.73-79.

26. Птицын А.Н. Австро-венгерские переселенцы на Кавказе (середина XIX – начало XX века) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 67. С. 59-67.

27. Личков Л.С. Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев: Тип. Императорского ун-та Св. Владимира, 1904. 249 с.

28. Живило К.Т. Сельскохозяйственный (пчеловодство, садоводство и виноградарство) и торгово-промышленный справочник Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1910. Т. 15. С. 500-580.

29. Пукиш В.С. Штрихи к портрету чешской колонии Екатеринодара и Новороссийска в начале I мировой войны // Вопросы южно-российской истории / под ред. С.Н. Ктиторова. М.; Армавир: Армав. полиграфпредприятие, 2008. Вып. 14. С. 85-93.

30. Кавказский календарь на 1912 г. Тифлис: Изд-во Гл. упр. Наместника Кавказского, 1911. 959 с.

References:

1. Klyuchevsky V.O. The course of Russian history // Works in 9 volumes. М.: Mysl, 1987. Part 1. 432 pp.

2. Pokshishevsky V.V. Migration of the population as a social phenomenon and the tasks of statistical study // Statistics of population migration / Acad. of Sciences of the USSR, Central Institute of Economy and Math.; [the editorial Board: T.V. Ryabushkin (Executive editor), etc.]. М.: Statistics, 1973. P. 7-34.

3. Perevedentsev V.I. Methods for studying population migration. М.: Nauka, 1975. 231 pp.

4. Vorobyov N.V. Regional organization of population migration in Siberian conditions / the Executive editor is S.V. Ryaschenko; Russian Acad. of Sciences. Sib. department. Institute of Geography. Novosibirsk: Nauka, 2001. 152 pp.

5. Rybakovsky L.L. Migrations of the population: forecasts, factors, policy. М.: Nauka, 1987. 199 pp.

6. Arutyunyan Yu.A., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. Ethnosociology. М.: Aspect-Press, 1999. 271 pp.

7. Ryazantsev S.V. The influence of migration on the socio-economic development of Europe: current trends. Stavropol: Book Publisher, 2001. 542 pp.

8. Lurye S.V. Perception of the developed territory by the people // Social sciences and the present. 1998. No. 5. М.: Nauka. P. 61-74.

9. Sheudzhen E.A. The Adyghes (the Circassians) in the space of historical memory. Moscow-Maikop: ASU Publishing House, 2010. 280 pp.

10. Obolensky (Osinsky) V.V. International and intercontinental migrations in pre-war Russia and the USSR. – М.: Publishing house of the Central Statistical Administration of the USSR, 1928. 136 pp.

11. Klevansky A.Kh., Maryina V.V., Mylnikov A.S., Pop I.I. Brief History of Czechoslovakia. M.: Nauka, 1988. 576 pp.
12. Vinogradov V.B. Middle Kuban: countrymen and neighbours (the formation of the traditional composition of the population). Armavir: Publishing house of the AIPP, 1995. 150 pp.
13. Encyclopedic dictionary on the history of the Kuban area from ancient times till October 1917. Krasnodar: Edwi, 1997. 559 pp.
14. GAKK. F. 774. Op. 1. D. 124. Ll. 139. ob. 140.
15. Gershelman F.K. Military statistical survey of the Black Sea district and the western part of the Kuban area. Tiflis: Printing house of the Chancellery of the Superior of the civil department in the Caucasus, 1896. 23 pp.
16. Borozdin K.M. Materials on the history of the colonization of the Caucasus // Observer. SPb, 1885. No. 5. P. 129-147.
17. Ptitsyn A.N. Slovak migrant community in Russia at the turn of the 19th-20th centuries // World of the Slavs of the North Caucasus. Iss. 7. / scient. ed., comp. by O.V. Matveyev. Krasnodar: Edwi Publishing house, 2013. P. 193-202.
18. Pukish V.S. On the Slovak immigrants in the Caucasus // Kuban Collection / ed. by A.M. Avramenko, G.M. Kokunko. Vol. 3. Krasnodar, 2008. P. 63-68.
19. Shavrov N. Projects of colonization of the eastern shore of the Black Sea // Northern Bulletin. SPb. 1886. No. 7 (July). Dep. 2. P. 20-48.
20. Domashek E.V. Immigration of Czech citizens of Austria-Hungary to the Black Sea coast of the North Caucasus in the second half of the 19th century // World of the Slavs of the North Caucasus. Iss. 3: In memory of V.P. Popov / ed. by O.V. Matveyev. Krasnodar: World of the Kuban, 2007. P. 141-146.
21. GAKK. 574. Op.1. D. 1663. Ll. 1-3.
22. Volkova N.G. Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 118th – early 20th centuries. M.: Nauka, 1974. 276 pp.
23. Gaiduk Ya. On the problem of the settlement of the Black Sea region // The Caucasus. 1895. No. 6.
24. Burykina L.V. The migration movement to the North-Western Caucasus in the 90s of the 18th – 90s of the 19th century. Maikop: Adyghe State University, 2002. 208 pp.
25. Zolotareva N.V. Foreigners in the industrial sphere of Russia: analysis of the legal basis and comparison of regional situations // Europe and the North Caucasus in the 19th-20th centuries: experience of intercultural communication and socio-cultural adaptation. Stavropol: SSU Publishing house, 2005. P. 73-79.
26. Ptitsyn A.N. Austro-Hungarian immigrants in the Caucasus (mid of the 19th – early 20th century) // Bulletin of Stavropol State University. 67 / 2010. P. 59-67.
27. Lichkov L.S. Essays from the past and the present of the Black Sea coast of the Caucasus. Kiev: Printing house of the Imperial University of St. Vladimir, 1904. 249 pp.
28. Zhivilo K.T. Agricultural (beekeeping, horticulture and viticulture) and commercial and industrial directory of the Kuban area // Kuban collection. Ekaterinodar: Printing house of the Kuban Reg. Board, 1910. Vol. 15. P. 500-580.
29. Pukish V.S. Traits to the portrait of the Czech colony of Ekaterinodar and Novorossiysk at the beginning of the First World War // Problems of the South-Russian History. Iss. 14 / ed. by S.N. Ktitorov. M.; Armavir: Armavir Polygraph Enterprise, 2008. P. 85-93.
30. The Caucasian calendar for 1912. Tiflis: Publishing house of the Chief Dep. of the Governor of the Caucasus, 1911. 959 pp.

УДК 340.111.5

ББК 67.041

З 34

М.Г. Зарецкая,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: +79182202626, e-mail: zarmarina76@mail.ru

Н.М. Суетина,

кандидат социологических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: +79034656804, e-mail: na-ri@bk.ru

ГЕНЕЗИС ВЗГЛЯДОВ НА КАТЕГОРИЮ «ПРАВООТНОШЕНИЕ» В ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПРАВОВОМ УЧЕНИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена эволюции понятия «правоотношения» как фундаментальной категории российской правовой науки. В статье рассматриваются различные подходы к исследованию правоотношений в работах правоведов советского периода развития правовой науки, определяется сущность правоотношений, их структура, связь между правоотношениями и другими категориями, такими как общественные отношения и норма права.

Ключевые слова: правоотношение, общественное отношение, содержание правоотношения, норма права, признаки правоотношения.

M.G. Zaretskaya,

Candidate of Law, Head of Department of Civil Law and Process, Maikop State University of Technology, Maikop, ph.: +79182202626, e-mail: zarmarina76@mail.ru

N.M. Suetina,

Candidate of Sociology, Associate Professor of Department of Civil Law and Process, Maikop State University of Technology, Maikop, ph.: +79034656804, e-mail: na-ri@bk.ru

GENESIS OF VIEWS ON CATEGORY “LEGAL RELATIONSHIP” IN THE GENERAL THEORETICAL LEGAL DOCTRINE OF THE SOVIET PERIOD

Abstract. The paper is devoted to “legal relationship” as fundamental category of the Russian legal science. The authors examine various approaches to a research of legal relationships in works of jurists of the Soviet period of development of legal science. The publication explores the essence of legal relationships, their structure, the connection between legal relationships and other categories, such as the public relations and the rule of law.

Keywords: Legal relationship, public relation, content of legal relationship, rule of law, legal relationship signs.

Правовые отношения играют важнейшую роль в жизнедеятельности человека и общества. Понятие «правовое отношение» в юридической науке издавна и до настоящего времени остается дискуссионным. Правовые отношения являются одним из базовых элементов гражданского общества, в котором реализуются правовые идеалы и различные модели поведения в сфере права. Все это характеризует важность проблемы понимания правовой природы правоотношений и их структуры.

Правовые отношения имеют как объективный, так и субъективный характер. Правоотношения в контексте развития отечественного законодательства рассматриваются как форма реализации объективного и субъективного права. С точки зрения объективного права, правоотношения составляют основную сферу его практического воплощения и реализации. А с точки зрения субъективного права – важное значение имеет возникновение и осуществление самих правоотношений посредством реализации и защиты субъективных прав.

В общей теории права существует несколько подходов (концепций) понимания правоотношения. В соответствии с первым подходом, правоотношения понимаются как общественные отношения, урегулированные нормами права. Второй подход характеризует правоотношение как юридическую форму общественного (фактического) отношения. И, наконец, третий подход рассматривает правоотношение как единство правовой формы и экономического (фактического, материального) содержания.

Рассмотрим разнообразие доступных определений правоотношений авторов советского периода развития правовой науки.

Значительный вклад в исследование проблем правоотношений отечественной юридической науки советского периода внесли такие

авторы, как О.С. Иоффе, Н.Г. Александров, С.Ф. Кечекьян, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина и др.

Так, О.С. Иоффе утверждает: «Правоотношение есть вид или форма самого реального отношения, и отдельно от него, вне этого отношения, такая форма вообще существовать не может» [1]. Предлагаемый подход к изучению проблемы основывается на неотделимости правоотношения от любого общественно-го отношения.

Известный советский исследователь Н.Г. Александров, например, считал, что нормы права регулируют общественные отношения так, как это предписано в государственных актах. Прежде чем сложиться, правоотношение проходит через возведенную в закон волю государства. Особый интерес в работе представляет вывод о том, что ошибочным является утверждение, что право регулирует правоотношения [2].

Значительный вклад в разработку теории правоотношений в советской юридической науке внес С.Ф. Кечекьян. В монографическом исследовании автора «Правоотношения в социалистическом обществе» правовые отношения определены им как «особые идеологические отношения, возникающие в результате воздействия норм права на поведение людей и представляющие собой связь прав одного лица с корреспондирующими ему обязанностями другого лица» [3; 34]. Данная дефиниция является до сих пор преобладающей в отечественной юридической науке.

Большое влияние на развитие теории правоотношения советского периода развития правовой науки оказало комплексное исследование Ю.К. Толстого «К теории правоотношения». Ю.К. Толстой предложил ввести в научный оборот следующее определение правоотношения – это «особые идеологические отношения, возникающие в результате наступления предусмотренных правовой

нормой юридических фактов, как отношения, при посредстве которых (через которые) норма права регулирует фактические общественные отношения» [4]. В указанной работе приводятся несколько аргументов в пользу преимущества данного определения среди существующих. Во-первых, по его мнению, указанное определение дает возможность детально определить место правоотношения среди других общественных явлений и разграничить само правоотношение от общественного отношения, регулируемого нормой права. Второй аргумент исследователя состоит в том, что данное определение «отвечает не только на вопрос, как возникает правоотношение, но и на вопрос, для чего оно возникает, раскрывая тем самым служебную роль по регулированию общественных отношений, выполняемую правоотношением» [4]. В-третьих, и норма права, и правоотношения обладают одним и тем же объектом. В-четвертых, указанное определение дает возможность «рассматривать правоотношение в качестве юридической формы того общественного отношения, на которое правоотношение воздействует как на свой объект» [4].

Значимым событием в разработке теории правоотношения советского периода развития юриспруденции явилась монография Р.О. Халфиной «Общее учение о правоотношении», в которой дается общетеоретическая характеристика правоотношения. Автор отмечает, что все исследования теории правоотношений в дореволюционной России рассматривались без учета влияния государства. Особое внимание в исследовании уделено важности применения системного подхода к изучению проблемы правоотношений. В частности, Р.О. Халфина пишет в своей монографической работе: «Понятие правоотношения, его роль и место в системе правового воздействия на общественные отношения могут быть раскрыты во всей

полноте лишь с позиций единства теории государства и права, отражающего единство системы «общество – государство – право» [5]. Таким образом, в указанной системе право представляет собой средство отражения закономерностей общественного развития в деятельности государства. Автор обращает внимание на то, что посредством права государство активно воздействует на развитие общества [5].

Р.О. Халфина полагает, что правоотношение обозначает реальное общественное отношение, которое облекается в правовую форму и является результатом реализации нормы. «Для понимания правоотношения первостепенное значение имеет раскрытие процесса реализации в нем правовой нормы» [5]. По мнению автора, указанный процесс состоит в том, что только в связи с нормой конкретное общественное отношение будет являться правоотношением и приобретет новое качество. Но, с другой стороны, Р.О. Халфина указывает, что правовое отношение, являясь реализацией нормы, выступает и конкретным общественным отношением, которое облечено в правовую форму [5].

Важным событием в развитии правовой науки явилось появление исследования «Диалектика правоотношения» А.П. Дудина. В данной работе анализируются формы проявления правовой сущности общественных отношений. Правоотношение рассматривается им как саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система, как правовая сущность общественных отношений. Автор акцентирует внимание на том, что, «во-первых, правоотношение есть существенная определенность самих общественных отношений, деятельности людей, во-вторых, правоотношение есть форма разрешения и воспроизведения противоречия между сущностью и явлением в праве: нормами права, регулирующими фактические отношения, или правовым сознанием

и фактическими общественными отношениями, порождающими содержание этих норм, или правовым бытием» [6; 11].

При исследовании понятия и содержания правовой системы и ее основных элементов многими отечественными учеными-правоведами ставился вопрос о том, что же является системообразующим фактором, важнейшим понятием для правовой системы в целом. Представители социологического подхода к пониманию права и правовой системы придерживаются мнения, что центральным элементом, основой права и всей правовой системы является правоотношение.

Например, А.П. Дудин настаивал на том, что правоотношение является фундаментальным понятием для всей правовой науки. В своем исследовании автор указывает на то, «что общественные отношения саморазвиваются в правовые по своей сущности отношения в силу естественно-исторической (экономической и политической) необходимости, а не становятся таковыми в результате воздействия норм права на какие-то неправовые фактические отношения» [6; 4]. По мнению автора, «общественные отношения становятся или не становятся правовыми... независимо от воли государства, а в зависимости от внутренних объективных причин» [6; 5].

Сторонники нормативного подхода считают правоотношение ничем иным, как результатом, следствием урегулирования фактического отношения, нормой права, которая, по их мнению, является юридической предпосылкой правоотношения.

Правоведы советского периода развития системы права В.Н. Кудрявцев, А.М. Васильев в рамках указанного подхода отмечали, что «для правовой системы нормы являются системообразующим фактором. Они входят в систему в качестве такого звена, с которым так или иначе связаны все другие компоненты этой системы» [7; 59].

Интересен подход к пониманию правоотношения, высказанный Ю.Г. Ткаченко, которая, детально проанализировав предметную социальную деятельность, пришла к выводу, что никакой «чистой» правовой деятельности, то есть деятельности, которая имеет только правовой предмет, не существует. Данный аргумент привел к отрицанию правоотношения как вида общественных отношений. Она указывала: «Отношения, подвергаемые регулированию со стороны права, можно с функциональной точки зрения назвать правовыми, но при этом следует понять, что регулирование не изменяет характера отношений, т.е. они остаются либо политическими, либо духовными» [8; 30]. Поэтому «в предметном содержании возникающего отношения нет какого-либо самостоятельного правового элемента» [8; 44], «не существует правовых в собственном смысле отношений, а есть лишь правовой способ регулирования общественных отношений» [8; 93].

Таким образом, анализ различных подходов к понятию «правоотношение» ученых советского периода развития правовой науки показал, что данная категория рассматривается ими, во-первых, как общественное отношение, урегулированное нормами права. Во-вторых, правоотношение представляет собой юридическую форму общественного (фактического) отношения. В-третьих, правоотношение характеризуется единством правовой формы и его фактического содержания. Считаем, что данная точка зрения советских юристов является наиболее оптимальной. На наш взгляд, подходя к проблеме общего определения правовой категории «правоотношение», необходимо избегать двух крайностей в понимании: сведения сущности правоотношения к правовой форме и отождествления его с реальным фактическим отношением, находящимся в его основании. Единство

правовой формы и фактически наиболее полно раскрывает содержание правоотношения данной правовой категории.

Примечания:

1. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/3/> (дата обращения: 20.11.2016).
2. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/4/> (дата обращения: 20.11.2016).
3. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
4. Толстой Ю.К. К теории правоотношения: монография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 87 с. URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/611/37611/14684?p_page=9 (дата обращения: 18.11.2016).
5. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=188104> (дата обращения: 20.11.2016).
6. Дудин А.П. Диалектика правоотношений. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 121 с.
7. Кудрявцев В.Н., Васильев А.М. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 59.
8. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М.: Юрид. лит., 1980. 176 с.

References:

1. Ioffe O.S. Selected works on civil law: From the history of the civil thought. Civil legal relationship. Criticism of the theory of “economic law” [Electronic resource] Access mode: <http://civil.consultant.ru/elib/books/3/> (date of access: 20.11.2016).
2. Aleksandrov N.G. Legality and legal relations in the Soviet society [Electronic resource]. Access mode: <http://civil.consultant.ru/elib/books/4/> (date of access: 20.11.2016).
3. Kechekyan S.F. Legal relations in the socialist society. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 187 pp.
4. Tolstoy Yu.K. On the theory of legal relationship: a monograph [Electronic resource]. Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 1959. 87 pp. – Access mode: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/611/37611/14684?p_page=9 (date of access: 18.11.2016).
5. Khalfina R.O. General teaching about legal relationship [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=188104> (date of access: November 20, 2016).
6. Dudin A.P. Dialectics of legal relations. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1983. 121 pp.
7. Kudryavtsev V.N., Vasilyev A.M. On the understanding of the Soviet law // The Soviet state and law. 1979. No. 7. P. 59.
8. Tkachenko Yu.G. Methodological problems of the theory of legal relations. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1980. 176 pp.

УДК 94(5)''16/18''
ББК 63.3(5Япо)5
И 24

А.С. Иващенко,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +78772575596, e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ЯПОНИИ В ПЕРИОД СЁГУНАТА ТОКУГАВА (1603-1867 ГГ.)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируются базисные элементы социально-экономической и политической структур Японии в период сёгуната Токугава (1603-1867 гг.). Целью статьи является выявление особенностей социально-экономической и политической систем Японии в период Токугава, которые предопределили, в отличие от других государств Востока, иную историческую судьбу народу «страны восходящего солнца».

Ключевые слова: Япония, сёгунат, Токугава, социальная структура, экономика, государственное устройство, самураи, синтоизм.

A.S. Ivaschenko,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of General History, Faculty of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +78772575596, e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru

THE MAIN LINES OF SOCIAL, ECONOMIC AND POLITICAL STRUCTURES OF JAPAN UNDER THE TOKUGAWA SHOGUNATE (1603-1867)

Abstract. In the paper, an analysis is made of basic elements of social, economic and political structures of Japan under the Tokugawa shogunate (1603-1867). The objective of the paper is to identify features of social, economic and political systems of Japan during the period of Tokugawa which predetermined, unlike other states of the East, the different historical destiny to the people of "land of the rising sun".

Keywords: Japan, shogunate, Tokugawa, social structure, economy, state system, Samurais, Shintoism.

Япония – уникальная страна. Повышенный интерес к её истории и культуре наблюдается не только среди узких специалистов-японоведов, но и широких кругов общественности, в том числе и в нашей стране. По истории и культуре прошлого и настоящего Японии в нашей стране написаны сотни монографических

исследований, которые зачастую очень быстро превращаются в библиографическую редкость. Такого рода бум интереса к историческому прошлому и настоящему Японии во многом оправдан. Япония, будучи страной Востока, в значительной степени отличается от восточных цивилизаций. Японская

цивилизация, с одной стороны, глубоко привержена своей культуре и традициям, с другой – никогда ни кичилась ими и была склонна к мимесису, т.е. к подражательству, к органичному заимствованию чужого опыта. И эта черта японской цивилизации сближает её с европейской христианской культурой.

В XVII в. Япония располагалась на трёх основных островах – Хонсю, Кюсю и Сикоку, а также на прилегающих мелких островах. (Японцы называют свою страну «божественной». На японском это звучит как «Дзинсю, Хонтё» – *А.И.*). На острове Хоккайдо японцы боролись с коренным населением – айнами. В XVII в. японцы занимали лишь южное побережье Хоккайдо.

Первыми европейцами, проникшими на японские острова, были португальцы. В 1542 г. португальские торговцы на китайском корабле высадились на остров Танэгасима (находится южнее острова Кюсю – *А.И.*). Одним из результатов этого контакта было знакомство японцев с огнестрельным оружием – аркебузами (фитильное ружьё, заряжавшееся с дула в средневековой Западной Европе – *А.И.*). Португальцы стали продавать японцам огнестрельное оружие в обмен на золото.

В 1549 г. на японский остров Кагосима (вблизи острова Кюсю – *А.И.*) высадились католические миссионеры. Это были иезуиты. В конце XVI в. к иезуитам присоединились францисканцы. Центром деятельности христианских миссионеров был японский остров Кюсю. К концу XVI в. в Японии насчитывалось уже до 300 тыс. японцев-христиан.

Вначале японцы благожелательно отнеслись к христианским миссионерам. Причина: иезуиты, например, строили в Японии больницы, приюты, открыли несколько школ.

Со временем японская элита стала негативно относиться к нетерпимости японских даймё-христиан

(даймё – это японские князья – *А.И.*). Некоторые даймё-христиане стали разрушать буддийские и синтоистские храмы. Стремление даймё-христиан силой принуждать своих подданных принимать христианство также не вызвало одобрения у правящей верхушки Японии. Кроме того, японская элита была недовольна продажей японцев португальцами в рабство за пределы Японии.

В конце 80-х гг. XVI в. один из объединителей Японии даймё Тоётоми Хидэёси издал указ. По этому указу крупные землевладельцы должны были получать разрешение на крещение. Это разрешение давал Тоётоми Хидэёси. Японским феодалам запрещалось насильно обращать своих крестьян в христианство [1; 401].

В начале XVII в. в Японии активизировались английские и голландские торговцы.

В конце XVI – начале XVII вв. в Японии сложились предпосылки создания централизованного феодального государства. В централизации власти в Японии были заинтересованы даймё. Междоусобные войны, которые вели даймё, могли привести к истреблению всех феодалов. Междоусобные войны разоряли и японских крестьян. Они также поддержали объединение страны. За объединение Японии выступили и торговцы. Они были заинтересованы в создании единого японского рынка. К централизации власти японцев стимулировала и потенциальная угроза со стороны проникших в Японию европейцев.

В борьбе за власть в Японии победу одержал даймё Токугава Иэясу. В 1603 г. император Японии назначил Токугава Иэясу сёгуном, т.е. военным правителем. Сёгуны из рода Токугава находились у власти в Японии до 1867 г. Свою ставку сёгун расположил на востоке острова Хонсю, в деревне Эдо (в настоящее время здесь расположен г. Токио – *А.И.*). Резиденция императора

Японии находилась в западной части острова Хонсю – в г. Киото, в 500 км от Эдо.

В Японии условно существовало три формы землевладения. Примерно 25% земли принадлежало сёгуну. Около 33% всей земли сёгуна было передано его непосредственным вассалам – средним и мелким феодалам. Большая часть земли была предоставлена японским даймё. Часть земли принадлежала буддийским и синтоистским храмам и монастырям.

Одной из основных феодальных повинностей крестьян была обязанность платить натуральный оброк (нэнгу). Размер оброка составлял половину и более от урожая. Оброк надо было платить даймё.

Крестьяне в Японии не отработывали барщину на земельном участке даймё. Суть в том, что даймё не вели своё земледельческое хозяйство. Но барщина существовала в других формах: предоставление 2 лошадей от каждых 100 коку урожая риса и 2 человек для обслуживания казённого транспорта (1 коку риса была равна 180,4 литра – *А.И.*); участие в сооружении замков феодалов; проведение ирригационных работ [2; 215].

Японские деревни были разделены на пятидворки. Пятидворки возглавляли богатые крестьяне. Они назначались властями. Главы пятидворок отвечали за сбор оброка и осуществляли полицейский надзор за крестьянами. В пятидворке существовала круговая порука. В случае бегства одного из крестьян пятидворка должна была платить за него все налоги.

Главным занятием японцев было растениеводство. Ввиду дефицита земли, пригодной для растениеводства, японцы почти не занимались скотоводством (75% территории Японии занимают горы – *А.И.*). Японцы в основном культивировали заливное рисоводство. Причина: из всех зерновых культур рис давал самый высокий урожай. Так,

средний земельный участок японского крестьянина достигал 0,45 гектара. В среднем он давал до 800 кг риса в год.

Заливное рисоводство понижало зависимость крестьян от неблагоприятных условий погоды (для Японии характерны частые летние засухи – *А.И.*). При почти полном отсутствии скота работы в земледелии выполнялись вручную.

Во многих районах Японии собирали по два урожая. Первый урожай давал рис, а второй – уже другие культуры. Японцы удобряли землю компостом, сушёной рыбой и фекалиями.

Производительность японских крестьянских хозяйств была весьма высокой. Японские власти всячески поощряли трудолюбие. Перед домами наиболее трудолюбивых японских крестьян власти устанавливали специальные таблички. Праздность считалась вредной для здоровья.

Животный белок японцы получали почти исключительно из рыбы.

Случаи массового голода в Японии были достаточно редки. Власти стремились помогать пострадавшим от неурожая территориям Японии.

В период Токугава началась специализация отдельных районов на выращивании определённых сельскохозяйственных культур: в районе г. Осака разводили хлопок (был завезён из Кореи в конце XVI в. – *А.И.*); к северу от Эдо – лён; на востоке острова Сикоку – сахарный тростник и индиго (род травянистого многолетнего растения и полукустарника, из него делают краситель синего цвета – *А.И.*).

Политика сёгуната была направлена на ограничение потребления, а не на увеличение производства [3; 511]. При сёгунате Токугава не было кричащей разницы в материальном положении между простыми японцами и японской элитой, хотя в социальном статусе разрыв

был огромным. Иногда сёгуны появлялись перед своими вассалами в простом одеянии.

Все города в Японии делились на три категории. Все категории городов не имели юридической стабильности своих прав. К первой категории относились города, принадлежавшие сёгунату. Полномочия губернаторов сёгунских городов могли расширяться в зависимости от ситуации в стране.

Ко второй категории причислялись княжеские города. В них не было жёсткой регламентации сёгунских властей. Но в княжеских городах находились мэцукэ со своим аппаратом политического сыска (в переводе на русский – «прикрепить око» – *А.И.*).

Были в Японии и «вольные» города. К этой категории относились лишь несколько самоуправляющихся, независимых городов. В частности Сакаи, Хаката, Нагасаки, Осака. Но их независимость также ограничивалась бакуфу (сёгунское правительство – *А.И.*).

К началу XVIII в. в городах проживало до 10% населения страны. В городе в основном жили самураи. Они обязаны были жить рядом со своим сюзереном.

Большинство городов были приамковыми поселениями, т.е. прежде всего они являлись политическими центрами, а не центрами развития торговли. Даже самые крупные японские города были, по сути, «большими деревнями». В японских городах не произошла «промышленная революция» [4; 201].

Регламентация жизни японцев была чрезвычайно высокой. В период Токугава для Японии было характерно наличие наследственных занятий, местожительство тоже было наследственным. Существовало регулирование цен на товары, за нарушение – закрытие торговых точек.

Для совершения путешествия требовалось разрешение властей.

Японцы не искали «лучшей доли» за морем. Дух первооткрывателей отсутствовал. Будущее время рассматривалось как предсказуемое. Так, например, в 1836 г. даймё княжества Сацума обязался выплатить свой долг кредиторам в 2085 г.

Сёгун был не только руководителем государства, но и учителем народа. Народ определялся как «неразумный». Указы сёгуна требовали исполнения семейных обязанностей. Перед частными домами устанавливались таблички. Они гласили: здесь проживают чадолюбивые родители, т.е. многодетные, и дети, любящие родителей.

Были указы, запрещавшие или ограничивавшие излишества: фейерверки, выступления уличных артистов, театральные постановки, соревнования по борьбе сумо (вид борьбы на круглой площадке – *А.И.*). Японскими властями осуждалось: ношение драгоценностей; использование изысканных курительных трубок; гребней; пышные свадьбы; дорогое питание, в частности сладости, ранние овощи и фрукты; неумеренное потребление спиртных напитков.

Поощрялись экономия и бережливость, рекомендовалось пользоваться домашней утварью максимально долго, откладывать ремонт в своём доме до последней возможности. Запрещались азартные игры, «нескромные» картинки и книги.

За нарушение регламентаций следовало наказание в виде тюремного заключения. Выполнение регламентирующих указов сёгуна контролировали тайные агенты бакуфу. Доносительство было в порядке вещей. Основные указы сёгуна выполнялись, а мелкие ограничения не всегда. Мелкие ограничения иногда называли «трёхдневными законами».

Японские власти культивировали в обществе определённую систему ценностей. Так, например, в школах самураев и простых японцев учили безоговорочному

послушанию. В частности главе семьи, старосте, уездным и городским властям. Образец послушания – самурай. Пропагандировались честность, верность, чувство долга, подчинённость человека интересам коллектива, этика поведения.

Японцы в период Токугава были достаточно образованны. В середине XIX в. около 40% мужчин и 15% женщин были грамотными. Грамотность самураев была стопроцентной.

При беспрецедентном послушании японцев управляемость страной была очень высокой. Это значительно облегчило проведение модернизации в Японии во второй половине XIX в.

С приходом к власти Токугава начался рост населения. Если в 1600 г. в Японии проживало более 12 млн человек, то в 1721 г. – уже 31 млн человек.

Причины роста населения: прекращение в Японии феодальных междоусобиц; развитая гигиеническая культура населения. Японцы были чистоплотными, нормой была ежедневная баня [5; 432].

Кроме того, в Японии не было катастрофических эпидемий. Японцы также знали традиционные для Дальнего Востока методы врачевания: акупунктуру, т.е. иглоукалывание; прижигания моксой (небольшие прижигательные цилиндрики, сделанные из льна, трута. Приставляются к коже и зажигаются с верхнего конца – *А.И.*); массаж; диету; растительные и минеральные лекарства.

В Японии была высокая детская смертность. Средняя продолжительность жизни составляла около 40 лет, по тем временам – это хороший показатель.

Однако во второй четверти XVIII в. во многих районах Японии случились неурожайные годы. В отдельных японских княжествах от голода умерло до 20% населения. Плотность населения во многих районах Японии превышала её продовольственные ресурсы.

В Японии были также факторы, затруднявшие помощь голодавшим. Например, географическая расчленённость территории Японии по островам. Кроме того, слабое развитие транспортных средств – по причине, в частности, запретов на строительство крупнотоннажных судов.

Реакция японцев на неурожайные годы и недостаток продовольствия – сокращение рождаемости. В контексте сокращения рождаемости японцами предпринимались следующие меры: использование абортов; убийство новорожденных девочек и мальчиков (*мабики*); позднее вступление в брак; меры по профилактике беременности. Кроме того, японские крестьяне хотели жить не хуже своих соседей. Этого было сложно достичь с большим количеством детей в семье.

В раннее средневековье женщина в Японии занимала относительно высокое положение. При Токугава отношение к женщине в Японии существенно меняется. Указ сёгуна от 1649 г. гласил: «...Как бы жена ни была хороша собой, но если она пренебрегает домашними делами, часто попивает чай, бесцельно тратя время или просто гуляет по окрестностям, с ней следует развестись».

Через более чем 100 лет отношение к женщине ухудшается. В литературном произведении под названием «Пионовый фонарь» его автор утверждал: «Женщина в доме самурая... всё равно что навоз» [6; 629].

В период Токугава японское общество было разделено на следующие сословия: самурай (*си*); крестьяне (*но*); ремесленники (*ко*); торговцы (*сё*).

Нельзя было заключать браки между представителями разных сословий. Запрет можно было обойти путём процедуры усыновления / удочерения.

Сословие самураев занимало высшую ступеньку японского общества. Самурай составляли 5%

населения страны. Численность самураев с семьями доходила до 2 млн человек. Самураи появились в VII в. В XII-XIV вв. началось формирование самураев как сословия.

Источниками формирования самураев были зажиточные крестьяне; домашние слуги, наделённые землёй; главы административно-территориальных единиц в Японии, превратившиеся в крупных феодалов.

Самураи объединялись в отряды. Эти отряды возглавляли представители наиболее влиятельной самурайской семьи в округе. Враждующие группировки феодалов в Японии использовали отряды самураев в борьбе за власть в стране.

Основные положения кодекса самурайской чести – «Путь воина» (бусидо) – базируются на ценностях синтоизма, дзэн-буддизма и конфуцианства. Из синтоизма взята идея патриотизма, доходящая до верноподданничества. Из дзэн-буддизма извлечена концепция самоконтроля и самообладания. Выработка психологического настроения путём самососредоточения, т.е. медитации. Вхождение в небытие перед лицом смертельной опасности. Кроме того, учение о предопределённости судьбы (карма).

Из конфуцианства взята идея верности долгу, послушания господину. Пример верности самурая своему господину – самоубийство самурая после гибели своего господина. Т.е. проведение харакири или сэппуку, а именно – вспарывание живота (сэппуку проводилось также, когда была затронута честь самурая – А.И.). Моральное совершенствование, презрение к производительному труду, убеждённости в извечности эксплуатации крестьян также являлись важными положениями кодекса самурайской чести.

Самурай, отправлявшийся в поход, брал на себя три обета: забыть навеки свой дом; забыть о жене и детях; забыть о собственной жизни [7; 173].

Социальный статус самураев предполагал набор целого ряда прав и обязанностей. Так, например, самураи не могли поменять своего господина; им запрещался переход в сословие горожан; только они имели право носить оружие. Им разрешалось иметь фамилии, остальные японцы получили это право после 1868 г.

За оскорбление самурая представителем несамурайского сословия обидчика можно было зарубить на месте. Самураи должны были заниматься только военными и административными делами. Но были среди самураев и врачи, владельцы частных школ и даже те, кто занимался крестьянским трудом. Жили самураи на рисовые пайки, которые платили их сюзерены.

Самураи имели право передвигаться в паланкине, т.е. в крытых носилках, а простые люди – только пешком. Суть в том, что в Японии в период Токугава почти полностью отсутствовал рабочий скот, в частности лошади. Это связано с прекращением межфеодаловых войн и большими затратами на содержание лошадей при нехватке в Японии земли для занятий растениеводством.

Только самураи имели право носить одежду из шёлка. Кроме того, самураи носили особую «самурайскую» причёску. (В конце XVI в. они выбривали на лбу и темени волосы. Волосы на висках оставляли, а торговцы и ремесленники должны были их сбривать. Волосы, оставшиеся на макушке, завязывали в толстый узел и собирали сзади. Выбривание волос у лба было заимствовано у айнов. Самураи делали себе «самурайскую» причёску при достижении совершеннолетия, т. е. с 11-17 лет – А.И.).

Самурайское сословие подразделялось на отдельные категории. Одной из таких категорий были кугэ – аристократическая придворная знать, которая проживала в императорской столице – Киото.

В Киото проживало около 300 аристократических семей. Считалось, что эти семьи вели своё происхождение от синтоистских богов. Кугэ не имели земель [2; 122].

Следующей категорией были симпан даймё – это князья, которые являлись родственниками дома Токугава. Насчитывалось 23 таких княжеских рода. (Военное дворянство – или самураи – принадлежало к «военным домам» – букэ. Князем, т.е. даймё, мог быть тот самурай, который имел земельный надел, приносивший ему ежегодный доход в 10 тыс. коку риса (примерно 1500 тонн) – А.И.).

Далее следовали фудай даймё, или «внутренние князья». Это союзники рода Токугава в борьбе за объединение Японии. Они боролись против западной коалиции князей – даймё, которые выступали против Токугава. К концу XVIII в. насчитывалось 145 таких князей.

Рангом ниже располагались тодзама даймё, или «внешние князья». Эти князья были бывшими противниками рода Токугава в политике объединения Японии под его руководством. Насчитывалось 98 таких князей. Внутри трёх вышеназванных категорий даймё была своя градация вассальных отношений. Переход из одной категории даймё в другую был почти невозможен, хотя были исключения.

В отдельную категорию выделялись также гози, или сельские самураи. Это самураи, получавшие от даймё поместья, с правом управления и сбора налогов в нём. К концу XVII в. эта категория самураев значительно сократилась и осталась в 17% от общего числа княжеств. Большинство самураев получали от своего даймё жалование рисом и проживали в его резиденции.

Самая нижняя ступенька самурайской иерархической лестницы принадлежала ронинам – буквально, «бродячим людям». Так называли низший слой самураев, которые лишились своего господина.

Их численность достигала 300 тыс. человек [4; 133].

Источники возникновения ронинов были самыми разнообразными. Например, гибель их сюзеренов в борьбе с Токугава в конце XVI – начале XVII вв. Другим источником появления ронинов была конфискация княжеств сёгуном у даймё за провинности и перемещение их на новые земли. Если самураи отказывались переезжать за своим даймё на новые земли, то они теряли жалование рисом и превращались в ронинов.

С прекращением внутренних феодальных усобиц при Токугава у даймё отпала необходимость иметь большие самурайские военные отряды. Они стали их сокращать – это стало третьим источником пополнения ронинов.

Ронины участвовали в крестьянских и городских восстаниях, становились пиратами, шли на контакты с иностранными миссионерами. Они цеплялись за свои привилегии в ожидании лучших времён. В Японии в то время была поговорка: «Самурай, и не пообедав, важно держит зубочистку во рту». Трудоустройство ронинов было важной проблемой для Токугава.

Вторым по значимости сословием в Японии было крестьянство. Оно было самым многочисленным. Крестьяне составляли до 80% всего населения Японии.

Жизнь японских крестьян также подвергалась жёсткой регламентации. Им запрещалось иметь оружие; нельзя было есть рис, надо было питаться лишь грубой пищей: овсом, ячменём, просом. В случае неурожая или стихийных бедствий крестьянам запрещалось производить и продавать рисовую водку (сакэ), макароны, пшеничную муку и лепёшки. Это считалось излишней тратой зерна.

Крестьянам разрешалось носить одежду только из хлопчатобумажной ткани. Им нельзя было строить больших домов; использовать

носилки на свадьбах; класть на седло ковёр. Сёгун Токугава Иэясу говорил: «Крестьяне – это кунжутное семя, чем больше жмёшь, тем больше выжмешь» [6; 627].

Следующим сословием японского общества были ремесленники. Ремесленники с торговцами составляли до 8% населения. Формально социальный статус крестьян был выше статуса ремесленников, как и торговцев. Но в реальности налогообложение в городе было значительно ниже, чем в деревне.

Жизнь ремесленников, как и торговцев, также регламентировалась, но со значительно меньшими строгостями. На практике эта регламентация нередко нарушалась.

Ещё в конце XVI в. ремесленники и торговцы составляли одно сословие – «горожан». В начале XVII в. при Токугава ремесленники и торговцы были поделены на отдельные сословия. Ремесленники были организованы в цехи (дза). Ремесло было наследственным занятием.

И, наконец, четвёртое сословие составляли торговцы. Они объединялись в гильдии (накама). В 17 больших городах Японии торговцы и ремесленники подчинялись не феодалам, а непосредственно бакуфу. К таким городам, например, относились: Эдо, Киото, Осака и другие. В каждом из них проживало свыше 300 тыс. жителей.

Среди торговцев было немало состоятельных людей. Эти люди пытались обойти правительственные ограничения, в частности в строительстве домов. Среди купцов г. Осака даже появился особый вид жилого дома – «Осака гози». Фасад дома по регламенту имел ширину в 9 метров. Зато в глубину двора он имел протяжённость в 36 метров. Окна на фасаде купцы не делали, чтобы не платить налог. На фасаде оставляли одну узкую дверь, закрытую как окно, деревянной решёткой. Скромность фасада торговцы компенсировали роскошью интерьера дома.

Вне сословий находились бесправные «жители посёлков» (буракумин). Это были парии, т.е. бесправные, отверженные люди. В Японии их называли «эта». Они выполняли «нечистую» работу: обрабатывали кожи, убирали нечистоты, хоронили трупы, занимались акушерством и актёрской деятельностью. Их социальный статус был наследственным.

К бесправной категории населения относились также «хинин» – буквально, «нелюди». Это были в основном преступники. Они могли быть прощены и восстановлены в прежнем статусе. Эта и хинин составляли 2% населения Японии.

Одним из основных религиозных верований японцев был синтоизм. Он как религия возник на рубеже VI-VII вв. Часть учёных считают, что эта религия была привнесена из Китая либо из Кореи. Другие убеждены, что синтоизм возник на японских островах [8; 239]. («Синто» в переводе на русский означает «путь богов» – А.И.). Синтоизм основан на анимистических верованиях древних японцев.

Основные элементы синтоизма: окружающая человека природа имеет душу; люди происходят от богов – ками; душа умершего может стать ками при определённых обстоятельствах. Ками могут воплощаться в предметы ритуального поклонения. Например, в фигурку бога, дощечку с его именем.

Главное божество синтоизма – богиня солнца Аматерасу. По преданию, Аматерасу послала на землю своего сына. Потомок сына Аматерасу – Дзимму вступил на японский императорский престол. Это якобы произошло 11 февраля 660 г. до н. э. Эта дата считается днём основания в Японии императорской династии. (В реальности раннефеодальное государство в Японии было создано лишь в 645 г. н. э. Тем не менее, в 1966 г. правительство Японии издало постановление: считать 11 февраля 660 г.

до н. э. днём основания японского государства. Это сделано для повышения престижа императорского дома – А.И.).

Главный духовный принцип синтоизма: жить в согласии с природой и людьми. Синтоизм осуждает злость, эгоизм, нетерпимость.

Синтоизм испытал сильное влияние буддизма. Буддизм проник в Японию в то же время, в какое формировался синтоизм, т. е. в VI-VII вв. С IX в. буддизм стал государственной религией Японии. Для предотвращения конфликтов между синтоизмом и буддизмом в синтоистских храмах стали устанавливать изображения будд. Kami были объявлены покровителями буддизма.

Служители культа в Японии не составили отдельного сословия, как это было, например, в Индии и мусульманских странах. При Токугава в Японии доминирует неоконфуцианское понимание религии. Она считается в значительной степени предрассудком [9; 125]. В XVIII в. интеллектуальную элиту Японии больше волновал не потусторонний, а посюсторонний мир. Буддийские храмы при Токугава стали подразделениями госаппарата. Они, например, регистрировали рождение и смерть своих прихожан; выдавали справки о том, что прихожане не являются христианами.

В период управления Японией сёгунами из рода Токугава она была дуалистической монархией, т.е. в стране было два центра власти. Один представлен сёгуном, а второй – японским императором.

При Токугава Япония была конфедерацией княжеств, а не абсолютистским государством. В XVIII в. Япония подразделялась на 260 княжеств. Территории японских княжеств были небольшие, в среднем – около тысячи квадратных километров.

Сёгунский центр власти возглавлял сёгун. С течением времени роль сёгуна в управлении аппаратом

власти уменьшается. Всё большее значение в принятии политических решений приобретают советники сёгуна. В XVIII в. сёгунами часто становились юные, болезненные и сластолюбивые личности.

Управлять страной сёгуну помогал «совет старейшин» – родзю. В родзю входило не более 6 человек. Родзю был совещательным органом при сёгуне. В родзю входили только фудай даймё. Состав родзю подвергался постоянной ротации. Родзю возглавлял регент – тайро.

Обязанности членов родзю: контролировать императорский двор; даймё; внешнюю политику; оборону; налогообложение и т.д. Родзю непосредственно подчинялись финансовое управление, управление делами синтоистских и буддийских храмов, управление делами г. Эдо.

Сёгун с помощью родзю управлял правительством – бакуфу. В бакуфу работало 17 тыс. человек. Решения в бакуфу, как и в родзю, принимались коллективно, на основе компромисса. По этой причине в истории Японии почти полностью отсутствовали лидеры диктаторского типа [1; 722].

Зарплата чиновников в бакуфу в период Токугава была весьма скромной. Основной доход они получали от своих земельных владений. По сути, токугавская Япония не знала оплачиваемой бюрократии.

Значительную часть чиновников бакуфу составляли хатамото, т.е. самурай «под знаменем». Они были непосредственными вассалами сёгуна. Часть хатамото имели феодальные поместья, другие – получали за государственную службу рисовый паёк. Хатамото имели право на личную аудиенцию у сёгуна.

Рангом ниже располагались гокэнин. Они тоже были чиновниками бакуфу и вассалами сёгуна. Они не имели права на личную аудиенцию у сёгуна. Плату за службу получали в основном рисовым пайком.

С 1633 г. инспектора бакуфу регулярно проводили проверки

княжеств. Тодзама даймё не имели права занимать чиновничьи должности в центральном аппарате власти сёгуната.

Надзорные функции над всем госаппаратом осуществляли мэцукэ. Мэцукэ контролировали чиновников и феодалов, а также выполняли полицейские функции.

Император при Токугава реальной власти не имел. Ему запрещалось покидать пределы своего дворца в г. Киото. Император не имел своих воинских формирований. Кугэ запрещалось служить в аппарате бакуфу. Все расходы императора и его двора оплачивал сёгун. Охрану императорского дворца несли самураи.

Император Японии обладал ритуально-церемониальным статусом. Так, например, власть нового сёгуна обретала легитимность после указа императора. Окружение сёгуна получало придворные должности и ранги с согласия императорского двора. От имени императора провозглашались девизы правления.

Император был покровителем наук и искусств, в частности поэзии. В японской культуре поэзия была средством уничтожения хаоса. Императорская семья обеспечивала ритуальную охрану предков сёгуна. Для этого проводились поминальные службы в буддийском храме Бодайдзи в г. Эдо [5; 302].

Император – «сын Неба» – считался земным воплощением Полярной звезды (тэнно). По этой причине японского императора называли «тэнно». (Слово «тэнно» означает и титул императора, и гору в окрестностях г. Киото – *А.И.*). Японского императора также называли «микадо». (С японского «микадо» переводится как «благородный путь» – *А.И.*). Микадо проводил ритуалы для обеспечения благоденствия страны. Власть сёгуна была конечной, а власть императора бесконечной. До сёгуната Токугава в Японии были сёгунаты Минамото (1185-1333 гг.) и Асикага (1333-1573 гг.).

По административно-территориальному устройству Япония делилась на княжества. Они занимали 75% территории страны. (Княжество в Японии называлось «хан» – *А.И.*). Система управления бакуфу княжествами получила название «бакухан», т.е. бакуфу плюс хан. Управленческий аппарат княжеств насчитывал до 350 тыс. чиновников.

Каждому новому сёгуну все даймё приносили клятву верности. Даймё могли переводиться из одного княжества в другое. За серьёзные провинности бакуфу могло конфисковать земельное владение у даймё. В годы правления первых пяти сёгунов около половины земель сменили своих владельцев. Однако в дальнейшем сёгуны редко прибегали к конфискации земель даймё.

Сёгунат Токугава ввёл ряд запретов и ограничений в отношении деятельности даймё. Причина запретов и ограничений – предотвратить возможные заговоры даймё против сёгуна.

Так, с 1615 г. даймё могли иметь только одну крепость. Они не имели права перестраивать и ремонтировать свои замки без разрешения бакуфу. Даймё запрещалось вступать в брак без согласия бакуфу. Сёгунат боялся скреплённых кровным родством коалиций.

Даймё были обязаны информировать бакуфу о подозрительных действиях своих соседей. Им запрещалось укрывать преступников, замешанных в антисёгунской деятельности. Даймё возбранялось публичное обсуждение политических вопросов. Они не имели права обладать огнестрельным оружием.

Сёгунат всячески препятствовал контактам даймё с императорским домом. Крупнейшие города (Эдо, Киото, Осака, Нагоя), порты, рудники находились под управлением бакуфу. На строительство новых дорог и мостов накладывались ограничения. Отсюда слабое

развитие коммуникаций в период Токугава. Причина ограничений – некачественные дороги затрудняют быструю переброску войск противников Токугава [3; 503].

Сёгунат Токугава разработал целую систему удержания в повиновении даймё. Она получила название «системы заложничества» (санкин котай). Суть системы: семьи крупных даймё и некоторые вассалы сёгуна более низких рангов должны постоянно проживать в Эдо. Один год в Эдо жили даймё западных княжеств Японии. Другой год – даймё восточных княжеств [10; 314].

Это было нужно сёгуну для обеспечения ему лояльности со стороны даймё. Наличие такой системы объяснялось незавершённостью объединения Японии. Даймё 260 княжеств в Японии были полными хозяевами в них. Но должны были подчиняться законам сёгуната Токугава.

Санкин котай была узаконена Токугава в 1634 г. Вначале санкин котай применялась к тодзама даймё. С 1642 г. была распространена и на фудай даймё. Система продемонстрировала свою эффективность: до середины XIX в. не было ни одного серьёзного заговора даймё против сёгуната.

Наряду с ограничениями, даймё отдельных княжеств имели довольно широкие права. Они могли издавать законы княжеств, собирать налоги в свою пользу. Налоги в общегосударственную казну они не платили.

В своих княжествах даймё осуществляли судопроизводство, чеканили монету княжества (общепонская монета чеканилась сёгунатом – А.И.), имели вооружённый отряд самураев. Резиденции даймё в Эдо обладали экстерриториальностью: по закону бакуфу не могло потребовать выдачи преступника, скрывшегося на территории резиденции даймё. Сёгуны редко вмешивались в дела княжеств.

В обязанности даймё княжеств входила помощь сёгуну в ликвидации последствий землетрясений, тайфунов, пожаров, в ремонте сёгунского замка. Кроме того, даймё отдельных княжеств периодически отчитывались перед бакуфу о судебной деятельности и переписи населения в княжестве. С 1644 г. предоставляли бакуфу отчёты об урожайности земель в княжестве. В случае внешней угрозы даймё должны были представлять сёгуну свои войска.

Таким образом, несмотря на ограниченность земельного фонда, пригодного для занятий растениеводством, японскому социуму удалось создать достаточно эффективно функционирующий аграрный сектор экономики, хотя, конечно, доминирующей тенденцией в сельскохозяйственном производстве, как и в ремесленном, было не стремление увеличить объём продуктов питания и предметов потребления, а всемерно их экономить. Городам Японии, в отличие от других стран Востока, всё же удалось, хотя и на короткий промежуток времени, добиться статуса самоуправляющихся. Этот факт сближал Японию с Европой. Но всё-таки японские города, как и в целом в других странах Востока в новое время, так и остались скорее административными центрами, нежели очагами развития ремесла и торговли. Не только в экономической сфере функционирования японского общества, но и в социальной, есть элементы, аналогичные западноевропейскому социуму в новое время. Это, в частности, наличие самурайского сословия как ближайшего аналога западноевропейского дворянства, с закреплёнными за ним юридически правами и привилегиями. Для японского государства, как и государственных образований других стран Востока в новое время, было характерно проявление тенденций патернализма, опеки над своими подданными, что существенно сдерживало их инициативу во

всех сферах жизни. Однако наличие двух центров власти в Японии в лице сёгуна и императора, которые соперничали друг с другом, существенно ослабляло давление государства на подданных.

Примечания:

1. Всемирная история: в 6 т. Т. 3: Мир в раннее новое время. М.: Наука, 2013.
2. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: Восточ. лит., 2010.
3. Всемирная история: в 6 т. Т. 4: Мир в XVIII в. М.: Наука, 2013.
4. Маса Ф., Маса М. Япония эпохи Эдо. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013.
5. История Японии: в 2 т. Т. 1: С древнейших времён до 1868 г. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998.
6. История Востока: в 6 т. Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени (XVI-XVIII вв.). М.: Восточ. лит., 1999.
7. Горбачёва Е.Г., Хвостухина С.А., Бурлуцкая Л.А. Тайны самураев. М.: Восточ. лит., 2002.
8. Китагава Дж. М. Религия в истории Японии. СПб: Восточ. лит., 2005.
9. Данн Ч. Традиционная Япония. Быт, религия, культура. М.: Восточ. лит., 2006.
10. История Востока: в 6 т. Т. 4: Восток в новое время (конец XVIII – начало XX вв.). Кн. 1. М.: Восточ. лит., 2004.

References:

1. World history: in 6 vol.: Vol.3. World in the early modern times. M.: Nauka, 2013.
2. Leshchenko N.F. Japan in the Tokugawa era. M.: Eastern Literature, 2010.
3. World history: in 6 vol.: Vol. 4. World in the 18th century. M.: Nauka, 2013.
4. Mase F., Mase M. Japan of the Edo period. M.: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2013.
5. History of Japan: in 2 vol.: Vol. 1. From ancient times to 1868 M.: Institute of Oriental Studies of the RAS, 1998.
6. History of the East: in 6 vol.: Vol. 3. East at the turn of the Middle Ages and modern times (16th – 18th centuries). M.: Eastern Literature, 1999.
7. Gorbachyova E.G., Khvostukhina S.A., Burlutskaya L.A. Samurai Secrets. M.: Eastern Literature, 2002.
8. Kitagawa J.M. Religion in the history of Japan. SPb: Eastern Literature, 2005.
9. Dunn C. Traditional Japan. Life, religion, culture. M.: Eastern Literature, 2006.
10. History of the East: in 6 vol.: Vol. 4. East in the new time (late 18th – early 20th centuries). Book 1. M.: Eastern Literature, 2004.

УДК 94(581)''1979/1980''
ББК 63.3(5Афг)6
К 29

А.П. Катчиева,

аспирант кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета, г. Карачаевск, тел.: +79887150587, e-mail: r9887150587@yandex.ru

ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТНИК В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН (1979-1980 ГГ.)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье раскрываются подробности подбора кандидатуры на должность Главного военного советника главы правительства Демократической Республики Афганистан в 1979 г. перед началом ввода в Афганистан ограниченного контингента советских войск. Впервые в научной литературе показаны роль и значение генерал-полковника С.К. Магомедова в качестве главного военного советника правительства Афганистана в 1979-1980 гг., деятельность которого получила высокую оценку правительства СССР.

Ключевые слова: узурпация власти, смена правительства, решение политбюро, военный советник, посол, ограниченный контингент.

A.P. Katchieva,

Post-graduate student of Department of History of Russia, Karachay-Cherkess State University, Karachaeensk, ph.: +79887150587, e-mail: r9887150587@yandex.ru

THE CHIEF MILITARY ADVISER IN THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF AFGHANISTAN (1979-1980)

Abstract. The paper discloses details of selection of the candidate for a position of the Chief military adviser to the head of the government of the Democratic Republic of Afghanistan in 1979 before input to Afghanistan of the limited contingent of the Soviet troops. For the first time in scientific literature the publication shows the role and significance of the Colonel General S.K. Magometov as the Chief military adviser of the government of Afghanistan in 1979-1980 whose activity was highly appreciated by the government of the USSR.

Keywords: Consolidation of power, change of the government, decision of the politburo, military adviser, ambassador, limited contingent of troops.

В Афганистане события развивались стремительно. 27 апреля 1978 г. была провозглашена Демократическая Республика Афганистан (ДРА), сформировано революционное правительство во главе с Н.М. Тараки.

В сентябре 1979 г., совершив государственный переворот, власть захватила группа Амина. Она физически расправилась с Н.М. Тараки, и начались репрессии против сторонников его правительства. В результате поспешного

осуществления Х. Амином декретов революционного правительства без учёта местных традиций в ДРА возникли экономические и политические трудности, страна оказалась в состоянии гражданской войны. Жизнь многонационального народа раздирали многочисленные сложные и запутанные социальные противоречия. Крайне неэффективно осуществлялась земельная реформа, а 40% посевных площадей не обрабатывались. Многие крестьяне из-за религиозности отказались без выкупа брать землю у феодалов. В итоге в лице значительной части крестьянства революция получила не союзника, а врага. Были допущены просчёты при ликвидации неграмотности. Посягательством на традиционные устои восточной жизни многими рассматривалось обучение женщин грамоте. С территорий Пакистана, Саудовской Аравии и других стран засылались бандиты, которые регулярно устраивали террористические акты против афганцев.

В воинских частях и народном хозяйстве Афганистана работал большой коллектив советских специалистов в лице советников, задача которых состояла в том, чтобы не допустить произвола и оказать содействие афганцам в демократических преобразованиях.

Следует подчеркнуть, что в сентябре 1978 г. генерал-полковник С.К. Магомедов был рекомендован на должность Главного военного советника в Монгольскую Народную Республику. В связи с этим он ознакомился с историей, географией и военно-политическим положением Монголии, соседних стран: Афганистана, Пакистана, Китая. Изучил опыт англо-афганских войн.

Однако уже в октябре того же года ему приказали готовиться в командировку в Афганистан. Военный и дипломатический талант Солтана Магомедова блестяще раскрылся в Афганистане, куда его направили в ноябре 1979 г. в

качестве Главного военного советника вооружённых сил этой страны. Посылая генерал-полковника С.К. Магомедова в Демократическую Республику Афганистан, член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ Ю.В. Андропов, Министр обороны СССР Д.Ф. Устинов и начальник Генерального штаба Н.П. Огарков учитывали его большой военной профессионализм, сирийский опыт советнической работы, знание традиций, обычаев, религии и нравов Востока, мусульманское вероисповедание генерала Магомедова. Вопрос был согласован и с Л.И. Брежневым, Генеральным секретарём ЦК КПСС, который подписал все необходимые документы.

Совокупность всех вышеназванных факторов позволяла ему в сравнительно короткий срок войти в курс дела и решать поставленные перед ним задачи.

С.К. Магомедов из Забайкальского военного округа был вызван в Москву в ЦК. Вначале ожидалась встреча с Генеральным секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежневым, но он подписал его бумаги без встречи с ним, поручил принять его главе КГБ, члену Политбюро Ю.А. Андропову, аудиенция у которого продолжалась около часа. Затем состоялись беседы и консультации в Министерстве обороны, где подчёркивали «особую важность и секретность предстоящей работы», но о необходимости смещения Амина напрямую ему не говорили. Советское руководство склонилось к тому, чтобы отправить в помощь правительству Амина контингент советских войск. И задача генерала Магомедова – сделать все, чтобы по их прибытии не возникло никаких инцидентов.

17 ноября 1979 г. С.К. Магомедов прибыл в Кабул. С первого и до последнего дня командировки с ним находилась его жена Александр Ивановна Иванова.

«Генерал-полковник Солтан Магомедов ещё недавно занимал пост

первого заместителя командующего Забайкальским военным округом. Один из немногих высокопоставленных офицеров азиатского происхождения в Советской армии, Магомедов получил назначение на должность Главного военного советника в Афганистане. Хотя он относительно не очень известен, западные аналитики полагают, что его роль может резко возрасти, так как всё большую долю рядового и сержантского состава армии составляют выходцы из Центральной Азии» [1], – такова была первая реакция стран Запада.

Начальник политотдела советнического аппарата генерал-майор С.П. Тутушкин доложил ему обстановку в Афганистане. Она была сложной – шла борьба за власть между различными кланами. Новый Главный военный советник не раз встречался с Ф.А. Табеевым – послом СССР в Афганистане.

В декабре того же года Табеев пригласил Магомедова и Тутушкина в посольство и сообщил, что готовится секретная операция по смещению Амина. Задействованы отряды спецназа ГРУ и КГБ. Магомедов был против смещения Амина: Амин сам обратился к руководству СССР с просьбой «в порядке оказания помощи» ввести советские войска в ДРА, полагая, что они будут охранять страну от внутреннего беспорядка и произвола. Магомедов сомневался в целесообразности военного вмешательства. Он считал, что военное вмешательство подрвёт авторитет Советского Союза в мировом сообществе. Кроме того, ведение войны в горной стране – дело затяжное и бесперспективное, об этом свидетельствуют результаты англо-афганских войн.

Однако С.К. Магомедов, человек военный, не подчиниться приказу не мог. На долю Главного военного советника в Афганистане выпало тяжелое испытание. Солтан Кеккёзович изучал обстановку, проводил совещания со старшими аппарата

советников при афганской армии о поддержании порядка, подробнее ознакомился с рельефом, географией, рассмотрел размещение афганских войск, облетев на самолёте всю горную страну.

25 декабря 1979 г. начался ввод советских войск в Афганистан под командованием генерал-лейтенанта Ю.В. Тухаринова.

Ещё в середине декабря прибыл в Кабул и был представлен Главному военному советнику полковник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба В.В. Колесник. С.К. Магомедов приказал ему организовать боевую подготовку отряда для охраны Дворца Тадж-Бек, резиденции Х. Амина. Но через несколько дней он снова вызвал полковника Колесника и в присутствии генерал-лейтенанта КГБ Б.И. Иванова проинформировал, что готовятся мероприятия по свержению режима Амина. «Разработайте свой план», – сказал Магомедов. Когда план был готов, Магомедов и Иванов тщательно изучили его и назначили Колесника руководителем операции. Затем Магомедов и Колесник поехали на переговорный узел, развёрнутый на стадионе неподалеку от американского посольства, позвонили в Москву и доложили начальнику Генштаба Н.В. Огаркову. Тот приказал подготовить и передать по ЗАС (засекречивающей аппаратуре связи) решение на штурм. Тут же на узле связи написали доклад, и к двум часам ночи шифровка была отправлена в Центр. Когда выходили из переговорной кабины, Магомедов сказал Колеснику: «Ну, полковник, теперь у тебя или грудь в крестах или голова в кустах!» [2; 27].

Однако окончательный план операции, выполненный В.В. Колесником на карте, генералы С.К. Магомедов и Б.И. Иванов подписывать отказались. Ограничились лишь устным одобрением [3; 20-22, 34-35].

27 декабря режим Х. Амина пал, он сам был расстрелян.

Уже в середине дня 28 декабря командование «мусульманского» батальона Главного разведывательного управления (ГРУ) Министерства обороны прибыло в советское посольство. Батальон состоял из солдат срочной службы – узбеков, туркмен и таджиков, прослуживших в армии полгода или год, которые прошли соответствующую военную и физическую подготовку. Сначала доложили генерал-полковнику С.К. Магометову и резиденту ГРУ о выполнении поставленной задачи, затем позвонили в Генштаб.

Когда В.В. Колесник прилетел в Москву с отчетом, он был принят Министром обороны Д.Ф. Устиновым. После подробного доклада полковника тот сказал: «Я понимаю, почему осторожный кавказец Магометов не поставил свою подпись на твоём плане. Но почему Иванов не расписался – понять не могу!» [4; 9].

«Сегодня, по прошествии многих лет, пережившие 10-летнюю афганскую войну, мы очень хорошо понимаем, почему они так поступили», – пишет член Союза писателей А.А. Суюнчев [5].

Вначале Солтан Магометов выполнил титаническую работу по размещению и снабжению прибывших из СССР войск. Позже принимал активное участие в подготовке и проведении сложных военных операций. Кроме того, все доклады военных в Москву шли через его руки.

Ему пришлось принимать непосредственное участие в подготовке и руководить проведением второго этапа Апрельской революции в Афганистане. При этом он проявил исключительную волю, настойчивость, широкий кругозор, высокие организаторские способности. Не раз он оказывался в сложных, критических и опасных для жизни ситуациях, он всегда действовал мужественно и хладнокровно.

О деятельности С.К. Магометова в этой должности подробно написал военный журналист, полковник Николай Иванов, опубликовавший ряд статей и большую книгу, посвященную этому вопросу. Эту задачу Солтан Магометов выполнил блестяще, так как к его голосу прислушивались глава правительства Амин и особенно министр обороны Афганистана полковник Якуб [6; 2].

С.К. Магометов, понимая бессмысленность данной войны, пытался доказать это высшему военному руководству СССР. Он докладывал о ситуации, предлагал подумать о дальнейших перспективах. Однако ему каждый раз отвечали: «Это решает Политбюро». Далее С.К. Магометов рассказывал, что «Афганские воинские части в военных операциях вместе с советскими войсками против бандформирований сначала принимали активное участие, а потом были пассивны. Ослабло влияние Народно-демократической партии Афганистана. Война принесла неоправданные людские потери и материальные затраты» [7].

Даже в такой обстановке Магометов делал все возможное для сохранения жизни солдат и офицеров: «В этих условиях я старался тщательно готовить военные операции, беречь жизни каждого нашего солдата и офицера. Разве они виноваты, что гибнут в чужой стране, исполняя волю горе-правителей? Единственный выход из тяжелого положения – немедленный отзыв контингента советских войск, положить конец бессмысленному кровопролитию. Это сейчас обязан сделать Горбачев. Таково мнение многих военных и мое твердое убеждение» [8].

С.К. Магометов о своем участии в афганских событиях рассказывал: «Основную задачу Главного военного советника в ДРА я видел в содействии стабилизации военной обстановки, а этого можно было добиться через афганскую армию,

которая имела большое значение в защите демократических преобразований в стране, в примирении противоборствующих сторон, этим я и занимался. Изучив на месте реальное положение, я пришел к выводу, что афганское общество в силу исторических устоев и уклада жизни, сильного влияния реакционных религиозных деятелей не подготовлено к демократическим реформам» [9; 25].

Помимо военных дел, С.К. Магомедов часто занимался и общественно-политическими вопросами. Он встречался с пришедшим к власти с помощью СССР главой Афганистана Бабраком Кармалем и другими руководителями страны. Вся его деятельность была тесно связана с посольством Советского Союза и лично с послом Ф.А. Табеевым, бывшим первым секретарем татарского обкома партии, который давал высокую оценку деятельности С.К. Магомедова в Афганистане.

Военный журналист Николай Иванов пишет: «В 1981 году нам, приехавшим в Афганистан при первой замене офицеров, «старички» насчет потерь говорили так: «Потерь не было не потому, что мы десантники, благодаря умным головам наших военных советников была сохранена жизнь многих».

И рассказывали случай. Когда был убран Амин, верные ему войска поднялись для марша к его резиденции. Однако не завёлся ни один танк. Оказалось, что накануне советники порекомендовали со всех боевых машин снять аккумуляторы для подзарядки. Последними словами Амина, узнавшего про это, были: «Голову Магомедова к моим ногам». Но стояли уже вокруг него не те, кто бросался выполнять любое его желание...» [6; 6].

Генерал-полковник Магомедов в ходе одной из военных операций получил тяжёлое ранение. Его самолетом доставили в военный госпиталь в Ташкент. На протяжении нескольких месяцев он лечился,

после госпиталя месяц отдыхал на Кавказе, в горах среди близких и родственников, а затем поехал в Москву.

Генерал-полковник С.К. Магомедов был отозван из Афганистана после тяжёлого ранения в 1980 г.

Ещё до получения ранения за деятельность в Афганистане Солтана Кёккёзовича Магомедова представили к званию Героя Советского Союза. Известный журналист Н. Иванов свидетельствует: «Когда на С.К. Магомедова было написано представление к званию Героя Советского Союза и документы принесли на подпись (главный-то советник – он, без его подписи ни одна бумага не уходила в Москву), Солтан Кёккёзович вычеркнул себя из списка представления к наградам. С.П. Тутушкину, принесшему документы, сказал: «Я солдат, а солдат на самого себя представление не подписывает. Надо будет – Родина наградит» [10; 21]. Но в верхах этого звания Солтану Магомедову так и не присвоили. За успешное выполнение специального задания партии и правительства по оказанию интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан, за мужество, профессионализм в 1980 г. он был Указом Верховного Совета СССР награждён орденом Ленина.

Не случайно Лев Толстой в свое время в своих дневниковых записках выделил карачаевцев как народ, «отличающийся своей верностью, красотой и храбростью» [11; 84].

Через четыре года после смерти С.К. Магомедова его соратник, полковник запаса, кандидат наук, доцент, инвалид Великой Отечественной войны Ерёмин в статье «Вечная память сыну Карачая!» пишет: «Уважаемые карачаевцы! Ваш земляк Солтан Кёккёзович – сын высоких эльбрусских вершин – достойно прожил на свете время, дарованное ему судьбой. Обратите внимание на то, что он и закрыл свои орлиные

очи на своей земле, среди родных гор, ущелий и равнин. Он пал на посту перед строением солдат и своих земляков, пал, как на поле боя. Вам лучше известно, чем мне, как писал народный поэт КЧР Азамат Суюнчев (г. Карачаевск), что орел, прощаясь с Родиной, делает последние круги в полете над своим гнездом. Так и Солтан Магомедов в дни пребывания на Родине объезжал родные края. Он побывал в родном ауле Хурзук, в городе Карачаевске и в гостях у многих своих земляков. Он как бы прощался с горами, долинами и лесами своей Родины. Он, как орел, умирая возвратился на свою этническую Родину. Как это символично! Не каждому это дано. Он как жил, так и умер достойно. Достойно своей Родине, своему народу. Он всегда помнил наказ своих дедов и прадедов: «Будь сыном отца и человечества». Как это важно для всех нас в наши дни.

Так сделаем все возможное, чтобы наши дети и внуки знали, что в народе Карачая были, есть и будут люди, с которых надо брать пример служения Родине, есть на кого равняться!» [12; 39].

«Поэты и писатели посвятили легендарному сыну кавказских гор

много произведений. Среди них особо выделяется поэма Кайсына Кулиева «Песнь моей любви». Благодаря им и народной памяти имя Солтана Магомедова никогда не будет предано забвению», – пишет в своей статье, посвящённой 90-летию со дня рождения генерал-полковника С.К. Магомедова, Назир Хубиев, народный поэт КЧР [13].

Таким образом, в 1979-1980 гг. на генерал-полковника Советской армии С.К. Магомедова Политбюро ЦК КПСС возложило очень ответственную задачу, назначив Главным военным советником главы Демократической Республики Афганистан во время ввода ограниченного контингента советских войск. Он обеспечил ввод и размещение советского контингента войск в Афганистане без происшествий и жертв. По заданию руководства был вынужден организовать свержение власти главы республики Х. Амина и назначить на эту должность Б. Кармала. Он понимал бесперспективность акта ввода войск в Афганистан, об этом не раз докладывал Генштабу Советской армии, но ему всегда отвечали, что этот вопрос решает Политбюро, а военные не обсуждают.

Примечания:

1. Ньюсуик. 1980. 11 февраля.
2. Эркенов В.Б. Боевой путь генерала Солтана Магомедова // Солтан Магомедов – военачальник, дипломат, гражданин: материалы. Карачаевск: Изд-во КЧГПУ, 2000.
3. Колесник В. «Шторм» в Кабуле. Специальные операции // Братишка. 2000. № 6.
4. Генерал-полковник Солтан Магомедов. Фотоальбом о военачальнике вооруженных сил СССР. Ставрополь: Бюро новостей, 2011.
5. Суюнчев А. Полководец. Штрихи к портрету генерала С. Магомедова // День республики. 2000. 21 декабря.
6. Иванов Н. Сын Эльбруса. Штрихи к портрету генерала Солтана Кёккёзовича Магомедова. Люди и судьбы // Вестник Кавказа. Ставрополь, 2000.
7. Воспоминания генерала Солтана Магомедова: рукопись. Из архива «Домашнего музея, писателя А.А. Суюнчева». Карачаевск, ул. Орджоникидзе № 2.
8. Артамонов А. Служение Отечеству // Ленинское знамя. 1990. 30 октября.
9. Койчуев А.Д. Сыны Карачаево-Черкесии в Великой Отечественной войне // Солтан Магомедов – военачальник, дипломат, гражданин: материалы юбилейной науч. конф. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкес. гос. пед. ун-та, 2000.

10. Ерёмин И.М. Пример служения Отечеству // Солтан Магоматов – военачальник, дипломат, гражданин: материалы юбилейной науч. конф. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкес. гос. пед. ун-та, 2000.

11. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – М., 1975. Т. 46.

12. Филипенко В. Сказание о генерале Солтане Магоматове. Черкесск, 1994.

13. Хубиев Н. Сын Эльбруса. Подвиги отцов – крылья сыновей // День республики. 2015. 13 августа.

References:

1. Newsweek. 1980. 11 February.
2. Erkenov V.B. The military path of General Soltan Magometov // Soltan Magometov, a military commander, diplomat, citizen. Materials. Karachaevsk: KChGPU Publishing house, 2000.
3. Kolesnik V. "Storm" in Kabul. Special operations // Bratishka. 2000. No. 6.
4. Colonel-General Soltan Magometov. Photo album about the military commander of the armed forces of the USSR. Stavropol: News Bureau, 2011.
5. Suyunchev A. The commander. Touches to the portrait of General S. Magometov // Day of the Republic. 2000. December, 21.
6. Ivanov N. The son of the Elbrus. Touches to the portrait of General Soltan Kyokkyozovich Magometov. People and destinies // Bulletin of the Caucasus. Stavropol, 2000.
7. Memories of General Soltan Magometov. (A manuscript). From the archives of the House-Museum of the writer A.A. Suyunchev. Karachaevsk, Ordzhonikidze Str., No. 2.
8. Artamonov A. Service to the Fatherland // Lenin's banner. – 1990. – October, 30.
9. Koychuev A.D. Sons of Karachaevo-Cherkessia in the Great Patriotic War // Materials of the anniversary scientific conference "Soltan Magometov, a military leader, a diplomat and a citizen." Karachaevsk: Publishing house of Karachay-Cherkess State Pedagogical University, 2000.
10. Eryomin I.M. An example of serving the Fatherland // Materials of the jubilee scientific conference "Soltan Magometov, a military leader, a diplomat and a citizen."
11. Tolstoy L.N. Complete collection of works. M., 1975. Vol. 46.
12. Filipenko V. The legend of General Soltan Magometov. Cherkessk, 1994.
13. Khubiev N. The son of Elbrus. The deeds of the fathers are the wings of their sons // Day of the Republic. 2015. August, 13.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.36
М 266

Н.А. Маркелов,

аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, тел.: +74997830264, e-mail: pl@balkan.ru

К ВОПРОСУ О МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОЛЯКОВ И БЕЛОРУСОВ НА БЕЛОСТОЧЧИНЕ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941-1944 ГГ.)

(Рецензирована)

Аннотация. Западная Белоруссия – полиэтничный регион, где на протяжении первой половины XX века продолжался конфликт между двумя основными народами: поляками и белорусами. Немецко-фашистская оккупация создала условия для развития и обострения межнациональных противоречий.

Ключевые слова: межэтнические отношения, Западная Белоруссия, Польша, немецко-фашистская оккупация, БССР, СССР, Великая Отечественная война.

N.A. Markelov

Post-graduate student at Foreign Languages and Regional Studies Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, ph.: +74997830264, e-mail: pl@balkan.ru

ON THE ISSUE OF INTERETHNIC RELATIONS BETWEEN POLES AND BELORUSSIANS IN THE BELASTOK REGION UNDER THE NAZI GERMAN (1941-1944)

Abstract. Western Belorussia is a polyethnic region, where the conflict between the two main peoples – the Poles and Belorussians was lasting during the first half of the 20th century. The German-Fascist occupation created conditions for the development and aggravation of interethnic contradictions.

Keywords: Interethnic relations, Western Belorussia, Poland, German Nazi occupation, Soviet Belorussia, USSR, Great Patriotic War.

Отношения между народами, традиционно проживающими на одной территории, – актуальный вопрос для современного мира. Культурные различия могут обогатить социально-экономическую жизнь региона или же стать основой межнационального конфликта. В современном мире, когда проблема этнической идентичности стоит особенно остро, представляет

интерес изучение опыта взаимодействия народов в кризисных условиях, когда принадлежность к тому или иному этносу становится условием выживания. Такая ситуация сложилась на территории Западной Белоруссии в 1941-1944 гг., в условиях немецко-фашистской оккупации. Межэтнические отношения в этот период определялись политикой оккупационного режима,

с одной стороны, и историческими региональными особенностями – с другой. На протяжении первой половины XX века рассматриваемая территория часто переходила из рук в руки: до начала Первой мировой войны она входила в состав Российской империи, в 1915 была оккупирована немцами, с 1918 по 1921 годы регион охвачен гражданской войной, в которой за господство на территории соперничают Белорусская Народная Республика, Польша, Литва и Советская Россия, в 1921 году территория закрепляется за Польшей, в 1939 году входит в состав СССР, но в 1941 – снова оказывается под немецкой оккупацией. Подобная нестабильность (условность) государственной принадлежности определила специфику межнациональных отношений в регионе: местное население («тутэйшыя») стремилось к объединению, в то время как новые жители – польские «осадники», советские «восточники», немецкая администрация – стремились к распространению в регионе мировоззрения того государственного образования, в составе которого оказывалась территория.

В основании идеологии Третьего Рейха лежала идея расового превосходства немцев, следовательно, национальный вопрос для оккупационных властей являлся ключевым. Еще в 1940 году рейхсфюрер СС Гиммлер, рассуждая о продвижении немецкого господства на восток, писал: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот – дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры» [1; 21]. Вероятно, реализацией этой модели объясняется дробление Западной Белоруссии, подчинение ее

территорий различным немецким администрациям. Так, Гродненщина была разделена на три части. Наибольшее количество земель было включено в состав генерального округа «Белоруссия». Западные районы были присоединены к особому округу «Белосток», который находился в юрисдикции администрации Восточной Пруссии. Северные территории вошли в состав генерального округа «Литва». Подобное административное разделение цельного региона нарушало систему внутренних социокультурных и экономических внутренних связей, на рассматриваемом этапе уже значительно ослабленных переходным периодом советского времени 1939-1941 гг.

Исследование межэтнических отношений в период немецкой оккупации необходимо предварить введением еще одной этнической группы: фольксдойче, т.е. различных категорий этнических немцев, а также членов их семей и «расово ценных элементов». Представители этой группы составляли привилегированную касту, «местные немцы были приравнены к рейхсдойче и имели разные привилегии: специальные продовольственные и промтоварные карточки, лучшие квартиры, нераспространение на них законов относительно местного населения и т.д.» [2; 429]. Статус фольксдойче предполагал присвоение одной из четырех категорий: *Volksdeutsche* – немцы по национальности, активно сотрудничавшие с Третьим Рейхом еще до начала войны; *Deutschstämmige* – аполитичные представители немецкой национальности, воспитанные в традициях немецкой культуры, носители немецкого языка; *Eingedeutsche* – местное население немецкого происхождения, представители которого утратили немецкий язык и не были воспитаны в русле немецкой культуры; *Rückgedeutsche* – представители местного населения, считавшиеся

расово ценными, т.е. лица, включенные в IV категорию фольксдойче, могли не иметь немецких корней, но, имея соответствующую расовым представлениям Рейха внешность, могли получить определенные привилегии в процессе сотрудничества с немецкой администрацией [3; 202]. Последние две группы получали временное гражданство Рейха [4; 415] и должны были доказать свое право на принадлежность к титульной нации. Таким образом, когда в воспоминаниях жителей оккупированных территорий речь идет о галицийских поляках, подразумеваются фольксдойче II, III или, что менее вероятно в начале оккупации, IV категорий. Власть на восточных территориях могла быть сосредоточена в руках ***deutsche, пусть даже прежде считавших себя поляками или белорусами. Эта политика особенно ярко проявлялась в окрестностях Белостока.

Округ Белосток отличался от генерального округа Белоруссия тем, что вопросы межнациональных отношений в нём скрывались и нивелировались немецкой администрацией под предлогом того, что данная территория не являлась ни польской, ни белорусской, но исключительно германской. Тем не менее, в 1941 году на территории Гродненщины были объявлены два официальных языка – немецкий и белорусский, кроме того, в первое время статус официального языка сохранял и язык польский [5; 68]. В дальнейшем планировалось «онемечить» эту территорию и полностью инкорпорировать её в Третий Рейх. Процессы германизации шли постепенно: с 1 января 1942 года была введена в качестве единственного платёжного средства рейхсмарка; с 1 ноября 1942 года введёно немецкое гражданское и уголовное судопроизводство, с организацией на местах судебных учреждений по общенемецкой модели и их подчинением Апелляционному суду в Восточной Пруссии,

с 1 мая 1943 года на территорию округа распространилось трудовое законодательство (для жителей немецкой национальности), а в ноябре 1943 года организован местный Гитлерюгенд. Однако, несмотря на всё это, административная граница между Третьим Рейхом и округом Белосток так и не была снята – для выезда требовалось специальное разрешение.

В первые месяцы немецкой оккупации состоялись чистки среди белорусского населения. В первую очередь, новая администрация была ориентирована на уничтожение коммунистического актива и убежденных сторонников советской власти. Эти задачи детерминировали широкое привлечение польского населения к управлению на белорусских территориях. Проводя такую политику, немецкие военные власти также хотели найти опору для своей власти в зажиточных слоях польского населения, создавая при этом внутринациональный конфликт среди поляков. Как пишет Е.Ф. Колубович, один из деятелей Белорусской Центральной Рады, коллаборационистской администрации, созданной немецкими оккупационными властями в пропагандистских целях, привлекавшейся для выполнения полицейских функций и обеспечения стабильности в регионе: «Во многих местах на смену большевикам пришли немцы, а вновь поляки, которым удалось удержаться на этой территории при советской власти. Немецким военным властям нужны были люди, знающие местные условия, для самоуправленческого аппарата. Поляки эти условия знали и, кроме того, имели почти весь административный аппарат готовым» [6; 15]. Итогом данной политики в первые же дни стали многочисленные доносы и последовавшие за ними расправы с «представителями белорусской интеллигенции» и «сознательным деревенским активом». Тот же автор замечает, что немецкое

командование воспользовалось поляками, «которые предложили им свои услуги» [6; 21].

Таким образом, изначально немцы заняли позицию возвращения на свои должности лиц, занимавших их до сентября 1939 г., то есть преимущественно поляков. Связано это было с тем, что поляки Белосточчины, по донесениям Представительства Правительства на Родине, тайного высшего органа административной власти в оккупированной Польше, образованного в 1940 году польским эмигрантским правительством – *Delegatura Rządu na Kraj*, однозначно радостно восприняли приход немецких войск: «Общий тогдашний < после 22 июня 1941 г. > настрой среди польского населения это радость» [7; 90], и поэтому немецкая пропаганда, используя старые тезисы «польского мессианства», попыталась вовлечь поляков в борьбу против СССР как в новый «общеевропейский крестовый поход». На Белосточчине имели место расправы с коммунистическими функционерами, часто евреями и белорусами. Однако немецкие власти с самого начала старались проводить политику по принципу *divide et impera* – разделяй и властвуй – и вместе с поддержкой полиции, набранной преимущественно из поляков, начали целенаправленно формировать полицейские подразделения из числа попавших в плен белорусских красноармейцев. Данные формирования должны были служить сдерживающим фактором для польской полиции [7; 92]. Немецкая администрация позволяла действовать белорусским комитетам в сфере организации кооперации кустарей и организации курсов белорусского и немецкого языков, что укрепляло позиции белорусского населения Белосточчины.

Предпосылки для возникновения межэтнического конфликта кажутся очевидными, однако непосредственных столкновений между

поляками и белорусами в регионе не происходит. Здесь необходимо сделать существенное уточнение, охарактеризовав представителей противостоящих националистических элит. Вот как характеризует польский контингент Б.Ф. Колубович: «Большинство из них при этом происходило из Галиции, где в свое время [они] оканчивали австрийские школы и потому в совершенстве владели немецким языком» [6; 21]. Галиция – территория в юго-восточной части II Речи Посполитой, в начале Первой мировой войны входила в состав Австро-Венгрии. Эти поляки, проживавшие, по словам Б.Ф. Колубовича, на территории Западной Белоруссии, являлись уцелевшими «осадниками», убеждения которых существенно отличались от взглядов на межэтнические отношения местных поляков.

Белорусский контингент, пришедший на смену польской пронацистской администрации, состоял из приехавших «вместе с немецкой армией белорусами, ушедшими в свое время на Запад» [6; 21]. Эмигранты являлись непримиримыми противниками советской власти, а также сохраняли враждебность по отношению к «панам». Они утверждали, что «только сотрудничество с нацистской Германией может обеспечить белорусам лучшее будущее» [8; 187]. Отчасти это подтверждалось деятельностью оккупационных властей: положение национальных меньшинств (в том числе и белорусов) на бывших территориях Польши поначалу было значительно лучше, чем у представителей титульной нации. Б.Ф. Колубович пишет, что «при выдаче продовольственных карточек все национальные меньшинства, имеющие удостоверения своих национальных комитетов, получали рацион точно такой же, как и все немцы. Поляки получали продовольственный паек значительно меньший и получали его значительно позже» [6; 21]. После того

как с 1 сентября 1941 года на этих землях военно-оккупационный режим сменился тыловым, генеральный комиссар В. Кубе предпочел опираться на белорусов [8; 189], которых в Рейхе считали наиболее безопасным элементом [1; 124], в то время как к полякам относились весьма настороженно. Как отмечалось в немецких аналитических докладах, «по своей враждебности и ненависти к немцам их [поляков] можно сравнить только с евреями» [9; 95].

С осени 1941 года польская администрация во многих местах заменяется белорусской. Белорусификация местных органов оккупационной администрации имела значительный размах, уже к 1943 г. была заменена практически вся местная администрация от района и ниже, взято под контроль народное образование и увеличена доля участия белорусов в управленческом аппарате с 30 до 80% [10; 136-138]. В полной мере деполонизировать полицию так и не удалось, по данным 1943 года, доля представителей белорусского населения в полицейских формированиях составляла около 60% [10; 138]. Такую оценку даёт этим событиям историк Т. Пиотровский: «Борьба за придание местной администрации и полиции «белорусского вида» была кульминацией того белорусско-польского конфликта, который имел место на территории генерального округа в 1941-1944 гг.» [11; 86-88]. Однако в полной мере реализации конфликта не произошло, поскольку новая администрация не всегда находила поддержку у местного населения.

В период немецко-фашистской оккупации открытых столкновений между поляками и белорусами на территории Гродненщины не происходило, однако определенная межэтническая напряженность существовала. В ее основе зачастую лежали еще довоенные конфликты. Тем не менее, в условиях сопротивления

общему врагу, поляки и белорусы оказались способны к организации эффективных совместных действий. Антифашистское сопротивление на Белосточчине развернулось в трех организованных формах: подпольные комитеты в городах, партизанские отряды, связанные с Красной армией, и формирования Армии Крайовой, действовавшие под руководством польского правительства, эмигрировавшего в Лондон после 1939 года.

Белостокское подполье состояло из местных жителей: белорусов, поляков, евреев, немцев. Они собирали и передавали разведданные, были проводниками, а также прятали враждебные оккупационной власти элементы: белорусов и раненых военных. Партизанские отряды образовывались из числа уцелевших солдат и офицеров 10-й советской армии и иных частей, в 1941 году принимавших участие в обороне Белостока. Сформированная из числа уцелевших в 1939 году польских офицеров Армия Крайова создана в феврале 1942 года польским эмигрантским правительством. Задачей партизанских отрядов, помимо освобождения региона от немцев, было восстановление советской власти, в то время как бойцы Армии Крайовой имели своей целью восстановление Речи Посполитой «от можа до можа», в границах Речи Посполитой 1772 года [12; 275]. Два этих направления борьбы вдохновлялись различными центрами. Взаимодействие между ними было неоднозначным: от совместных операций до открытой войны (1943-1944 гг.).

Подпольные ячейки Белостокского антифашистского комитета формировались по национальному признаку, однако весной 1943 года командование местной партизанской бригады создает в Белостоке «объединенный антифашистский комитет, куда вошли все подпольные группы Белостока: польская, белорусская, русская, немецкая ячейки

и еврейские девушки-связные» [13; 99]. Также необходимо отметить, что объединение в антифашистские группы по национальному признаку нередко инициировалось именно советским руководством. Так, в отчете о поездке на Украину советских партийных и военных деятелей содержится рекомендация относительно организации партизанского движения в Белоруссии: «выделение поляков из белорусских партизанских отрядов и формирование специальных польских партизанских соединений» [12, 278]. Антифашистская деятельность объединяла людей, заставляя временно забывать о национальных и политических разногласиях.

Необходимо при этом отметить, что антифашистские организации работали со всеми, передавая разведанные, снабжая солдат необходимыми припасами, медикаментами, документами и пр. Характерно, что среди поляков помощь советским партизанам оказывали даже бывшие «осадники». Например, объездчик Мацкевич, член советской партизанской бригады, утверждал, что «само польское население горит желанием борьбы с гитлеровцами. Даже зажиточная часть поляков (кулаки, помещики) готовы примириться с советской властью для борьбы с гитлеризмом» [12; 143]. Более того, «осадники», непосредственно связанные с деятельностью Армии Крайовой, оказывали материальную поддержку партизанским отрядам: «некоторые помещики, имеющие связь с этими организациями, даже передали хлеб и скот партизанским отрядам «Мститель» и «Борьба» [12; 143].

Как советские партизаны, так и Армия Крайова активно сотрудничали с местным Сопротивлением. Что касается взаимодействия между этими формированиями, противопоставленными по национальному и политическому признаку, то, несмотря на очевидные разногласия, случались и совместные

действия против немецких оккупантов. «Отношение Армии Крайовой к советским войскам и партизанам было неоднозначным: от проведения совместных операций до открытых вооруженных столкновений» [13; 84], – пишет А.М. Шепелевич. Кроме того, в эти отряды принимали «поляков и русских (главным образом, военнопленных). Украинцев и белорусов не принимают, объясняют это тем, что многие из них работают в полиции» [12; 143]. Однако присутствие белорусского элемента в составе оккупационной полиции являлось лишь одной из причин: националистически настроенные поляки, входившие в состав Армии Крайовой, считали белорусов предателями, поскольку в 1939 году те поддерживали вхождение региона в состав БССР [14]. Это подтверждает неоднородность национального состава партизанских отрядов. Как отмечают В.П. Верховь и В.А. Неделько, «в партизанских формированиях Гродненщины, кроме белорусов, а их было большинство, были русские, украинцы, поляки, евреи, татары и представители других национальностей» [15; 11]. М.А. Шепелевич также подчеркивает, что, помимо русских и белорусов, к отрядам присоединялись также поляки и евреи, в том числе и переброшенные советским командованием из восточных районов [13; 96]. Поляков в партизанских отрядах Белоруссии насчитывалось 700 человек [12; 391]. Таким образом, деятельность соединений Армии Крайовой, в том числе и в сфере межэтнических отношений, определенно выражает взгляды части польского населения, однако отношения поляков и белорусов в рассматриваемый период были гораздо более многогранными и осложнялись не только немецкой политикой в отношении народов оккупированных территорий, но и национально-политическими противоречиями,

накопившимися в результате изменения государственной принадлежности региона.

Так, взаимодействие поляков и белорусов на территории Белосточчины осуществлялось в сферах сотрудничества с немецкой администрацией и организации антифашистского сопротивления. В первом случае очевидно открытое межнациональное соперничество, во втором – можно говорить о выраженной склонности к консолидации, несмотря на исторические противоречия (в первую очередь, вопрос государственной принадлежности территории после войны). Большинство активных сторонников немецкой администрации составляли среди поляков бывшие «осадники». Среди белорусов – эмигранты, целью которых было создание независимой Белорусской Республики.

Антифашистское сопротивление строилось по национальному признаку, это касалось как местных комитетов, так и вооруженных формирований – партизанских отрядов и Армии Крайовой. В партизанских отрядах формирование подразделений по национальному признаку было рекомендовано командованием, в том числе и по причине обоснованного недоверия к полякам. Тем не менее, существовали

и смешанные партизанские отряды. Подразделения Армии Крайовой не принимали в свои ряды белорусов, обвиняя всю нацию в сотрудничестве с немцами, а также следуя указаниям эмигрантского правительства, линией которого был крайний национализм. Местное население, в первую очередь – польское, поддерживало любую антифашистскую деятельность. Так, городской комитет передавал информацию как партизанам, так и соединениям Армии Крайовой, а зажиточные поляки, в том числе из числа «осадников» и священнослужителей, снабжали партизанские отряды провизией.

Межэтнический конфликт поляков и белорусов на Белосточчине в условиях немецко-фашистской оккупации выразился в противостоянии националистических элит, как лояльных к оккупационной администрации, так и действовавших против нее. Можно, однако, утверждать, что большинство поляков и белорусов проявили склонность к консолидации, объединившись для борьбы с общим противником. Учитывая размытую государственную идентичность в регионе, подобный способ взаимодействия многонационального местного населения был наиболее эффективным методом выживания.

Примечания:

1. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941-1944: Документы и материалы. Минск: Беларусь, 1965. 464 с.
2. Соловьев А.В. Фольксдойче и их взаимоотношения с нацистскими организациями в Рейхскомиссариате Украины // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X международной конференции. 18-21 ноября 2003. М.: ЗАО «МСНЖ-пресс», 2004. С. 426-433.
3. Gawryszewski A. Ludność Warszawy w XX wieku. Warszawa: Pan IG, i PZ, 2009. 417 s.
4. Воропаев С., Егазаров А. Энциклопедия Третьего Рейха. М.: Локид – Миф; 1996. 592 с.
5. Соболевская О.А. Западная Беларусь в условиях немецко-фашистской оккупации: этнический контекст (1941-1944) // Історичні і політологічні дослідження. 2011. № 1-2. С. 64-72.
6. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник // Сост. К.М. Александров. СПб: Скрипториум, 2011. 608 с.

7. Mironowicz E. Białorusini w Polsce 1944—1949. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. 489 s.

8. Романько О.В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941-1945. М.: Центрполиграф, 2013. 479 с.

9. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн.: Беларусь, 1993. 236 с.

10. Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941-1944 гг.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2006. № 25. S. 116-167.

11. Piotrowski T. Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918-1947. Jefferson, NC: Mac Farland, 1998. 204 s.

12. Русский архив: Великая Отечественная. Том 14. СССР и Польша. М.: ТЕРРА, 1994. 492 с.

13. Шепелевич М.А. Путь девушки из Гродно: еще одно восхождение. Гродно: ЮрСаПринт, 2015. 216 с.

14. «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Кн. 1. Верасень 1939 г. – 1941 г. / склад.: У.І.Адамушка, М.Г.Жылінскі і інш. Мінск: Беларуская навука, 2009. 340 с.

15. Верхось В.П., Неделько В.А. Гродненщина в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.). Гродно: ГГАУ, 2009. 39 с.

References:

1. Prestupleniya nemetsko-fashistskikh okkupantov v Belorussii. 1941-1944: [Dokumenty i materialy / [Tsentr. gos. arkhiv Oktyabr'skoi revolyutsii i sots. stroitel'stva BSSR. In-t istorii Akad. nauk BSSR. In-t istorii partii pri TsK KPB-filial In-ta marksizma-leninizma pri TsK KPSS]; Predisl. I. P. Khovratovich i G.N. Shevela. Mn: Belarus', 1965]. 464 s.

2. Solov'ev A.V. Volksdeutsche i ikh vzaimootnosheniya s natsistskimi organizatsiyami v Reikhskomissariate Ukrainy // Klyuchevye problemy istorii rossiiskikh nemtsev: materialy X mezhdunarodnoi konferentsii. 18-21 noyabrya 2003, Moskva. S. 426-433.

3. Gawryszewski A. Ludnosc Warszawy w XX wieku. Warszawa: Pan IG i PZ: 2009. 417 s.

4. Voropaev S., Egazarov A. Entsiklopediya Tret'ego Reikha. M.: Lokid – Mif; 1996. 592 s.

5. Sobolevskaya O.A. Zapadnaya Belarus' v usloviyakh nemetsko-fashistskoi okkupatsii: etnicheskii kontekst (1941-1944) // Istorichni i politologichni doslidzhennya. 2011 . № 1-2. S. 64-72.

6. Pod nemtsami. Vospominaniya, svidetel'stva, dokumenty. Istoriko-dokumental'nyi sbornik / Sost. K. M. Aleksandrov. SPb: Skriptorium, 2011. 608 с.

7. Mironowicz E. Białorusini w Polsce 1944-1949. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. 489 s.

8. Roman'ko O.V. Belorusskie kollaboratsionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941-1945. M.: Tsentrpoligraf, 2013. 479 s.

9. Turonak Yu. Belarus' pad nyametskai akupatsyyai. Mн.: Belarus', 1993. 236 с.

10. Grybouski Yu. Pol'ska-belaruski kanflikt u General'nai akruze «Belarus'» (1941-1944 gg.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2006. № 25. S. 116-167.

11. Piotrowski T. Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918-1947. Jefferson, NC: Mac Farland, 1998. 204 s.

12. Russkii arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. Tom 14 (3-1). SSSR i Pol'sha. M.: TERRA, 1994. 492 с.

13. Shepelevich M.A. Put' devushki iz Grodno: eshche odno voskhozhdenie. Grodno: YurSaPrint, 2015. 216 с.

14. «Ty z Zakhodnyai, ya z Uskhodnyai nashai Belarusi...». Verasen' 1939 g. – 1956 g.: dokumenty i materyyaly. U 2 kn. Kn. 1. Verasen' 1939 g. – 1941 g. / sklad.: U.I.Adamushka, M.G.Zhylinski i insh. Minsk: Belaruskaya navuka, 2009. 340 s.

15. Verkhos' V.P., Nedel'ko V.A. Grodnenshchina v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (1941-1944 gg.). Grodno: GGAU, 2009. 39 s.

УДК 94(470.621)”17/18”

ББК 63.3(2Рос.Ады)5

Ц 30

З.А. Цеева,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79094711010, e-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЛАНДШАФТА НА СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ГОРНЫХ АДЫГСКИХ ОБЩЕСТВАХ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

(Рецензирована)

Аннотация. В работе характеризуются так называемые «демократические» общества Черкесии в XVIII-XIX вв., особенности их географической локализации, причины территориального и демографического роста, проблемы влияния ландшафта на социально-политическую ситуацию в горных адыгских обществах, исследуются формы демократических институтов, отличительные черты военной организации горцев, связанные с вовлеченностью свободных общинников в военные акции на суше и на море, что, в свою очередь, создает устойчивую базу для функционирования демократических институтов. Отмечается существование общих для большинства горных обществ Старого Света черт: запаздывание процессов централизации, существование демократических институтов, аналогичных структурам античных полисов.

Ключевые слова: Черкесия, Западный Кавказ, «демократические» субэтносы, «аристократические» субэтносы, натухайцы, шапсуги, абадзехи, демократия.

Z.A. Tseeva,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of History and Culture of Adyghes, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79094711010, e-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

LANDSCAPE IMPACT ON FORMATION OF DEMOCRATIC INSTITUTES IN THE ADYGHE MOUNTAIN SOCIETIES: STATEMENT OF PROBLEM

Abstract. This work describes so-called “democratic” societies of Circassia in the 18-19th centuries, features of their geographical localization, reasons of a territorial and demographic increase, and influence of a landscape on a socio-political situation in the Adyghe mountain societies. The paper explores forms of democratic institutes, distinctive features of the military organization of mountaineers connected with an involvement of free community members into military actions by land and by sea that, in turn, creates steady base for functioning of democratic institutes. General lines typical for most mountain societies of the Old World are noted: delay of processes of centralization, and existence of the democratic institutes similar to structures of antique policies.

Keywords: Circassia, Western Caucasus, “democratic” subethnoses, “aristocratic” subethnoses, Natukhais, Shapsugs, Abadzekhs, democracy.

Во второй половине XVIII в. на Северном Кавказе самым многочисленным автохтонным этносом являлись адыги (черкесы). Они занимали обширные территории на западе и в центральной части этого региона. Историческая Черкесия, земля адыгов, включала в себя ряд областей, где сложились две разные формы властных структур. В таких областях, как Кабарда, Темиргой, Бесленей, Бжедугия, Хатукай, и в ряде других земель высшая власть принадлежала верховным феодалам-князьям. В Натухае, Шапсугии и Абадзехии общество управлялось народным собранием. В исторической литературе утвердились особые названия для двух этих типов обществ: «аристократические» и «демократические» [1; 123].

Одной из важнейших особенностей «демократических» обществ, которые рассматриваются как особые субэтнические группы адыгов, являлась географическая локализация. Местом их образования служили горные области южного и северного склонов водораздельного хребта, граничащие с морем. «Аристократические» же общества (субэтноты) занимали в основном равнинные и предгорные территории Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья.

Проблема истории возникновения в горной зоне Черкесии указанных субэтнических подразделений до настоящего времени полностью не раскрыта и носит дискуссионный характер. Источники не позволяют исследователям дать ответ на вопрос о точном времени появления этнонимов «шапсуги», «абадзехи» и «натухайцы» среди населения Западного Кавказа. Следует отметить, что субэтнические образования с «демократическим» управлением разместились на территориях

издревле существовавших здесь горных обществ [2; 99].

Сведения о натухайцах появляются в 30-х гг. XVIII в. Первые упоминания о шапсугах фиксируются в турецких источниках начала XVIII в. Кроме того, русские источники начинают сообщать об этом образовании с 40-х гг. XVIII в. [3; 25]. Так, документ 1743 г., составленный на основе информации выходцев с Северного Кавказа, свидетельствует, что «народ Шапсо, соседственный с абазе, имеет особый язык и такое же правление». Подчеркивание этой «особливости» подтверждает отличие социальной системы у шапсугов от общественного устройства образований с верховенством княжеской власти.

Однако достаточно позднее появление сведений о шапсугах в источниках вовсе не означает, что это было новое субэтническое образование, возникшее только к XVIII в. на данной территории. По данным лингвистики, именно шапсугский диалект адыгского языка является самым древним как по звуковому и лексическому составу, так и по морфологическим особенностям [4; 193]. Фольклорные и этнографические материалы, собранные в Шапсугии, как правило, отмечены инвариантностью. Кроме того, у шапсугов получили развитие такие формы хозяйствования (в частности полиструктурное садоводство с выходом на уникальную форму – лесосады), которые не зафиксированы ни у большинства других адыгских субэтносов, ни у родственных абазин и абхазов. Всё это дает основание считать шапсугов субэтносом гораздо более древним, чем письменные свидетельства о нем. Ведь к жизни в горах люди приспособивались тысячелетиями, и, по словам французского исследователя – представителя исторической

школы «Анналов» Ф. Броделя, им приходилось рассчитывать в основном на самих себя, производить все самим. Земледелие в горах – это тяжкий и неустанный труд многих поколений. «Здесь приходится обрабатывать каменистую почву вручную, удерживать землю, которая оседает и сходит вниз по склонам... складывать для нее загородки из камней... Если остановиться, горы вернутся к своему первобытному состоянию и все придется начинать сначала» [5; 50]. Сами природные условия гор диктуют людям образ жизни. «Общество, цивилизации, экономика – все здесь носит консервативный... характер» [5; 40]. Опираясь на эти утверждения, можно предположить, что адыги-горцы, в частности шапсуги, имеют наиболее древние корни в своем географическом пространстве.

Следует отметить, что в XVIII в. впервые источники упоминают абадзехов тоже как «вольных черкесов», т.е. у них не было института княжеской власти [1; 123], как у шапсугов и натухайцев. Абадзехи как субэтнос, скорее всего, уже существовали до XVIII в., возможно, под другим названием, или же о них просто не знали иностранные авторы, писавшие об адыгах в более раннее время. Отсутствие сведений об абадзехах может объясняться их расселением в труднодоступных горных местах и замкнутом образом жизни. Есть мнение, что иностранные путешественники и торговцы боялись углубляться в горы и поэтому, очевидно, не были знакомы с их жителями – абадзехами. На самом деле горы отгораживают население от внешнего мира. Горы, отмечает Ф. Бродель, «внушают равнине уважение, но одновременно и суеверный страх. Путешественник пытается обойти препятствие, двигаться по мере возможности по ровному месту, от долины к долине...» [5; 37, 38, 46]. И даже если ему приходится рано или поздно проходить через горы, порой пользующиеся

дурной славой, он старается не задерживаться там. То же самое, по мнению этого французского автора, происходит и с историками [5; 37, 38]. Поэтому отсутствие ранних письменных источников о горных субэтнических группах адыгов не может прямо указывать на их позднейшее формирование.

Укрытые неприступными скалами и лесами, западнокавказские горные общества имели достаточно устойчивую возможность для сравнительно безопасного (насколько это было достижимо в условиях Черкесии) развития. Отстаивая свою независимость в горах с большим успехом, чем их собратья на равнине, местные общества создали мощный анклав со значительными людскими ресурсами. Источники свидетельствуют о серьезном усилении демографического и военного потенциала данных этнических подразделений. И одним из факторов такого роста представляется природно-географический. Л. Люлье подчеркнул особенность их исторического развития, отмечая, что «ежели частые наводнения народов имели влияние на переселения племен северного ската Кавказского хребта, то обитавшие на южном, будучи защищены неприступным хребтом, находились вне этого влияния» [6; 23].

Черкесы из равнинных обществ подвергались большей опасности при нападении враждебных соседей. В противоположность им общества, находившиеся в состоянии естественной изоляции в горах, могли значительно быстрее наращивать собственный потенциал, постепенно расширяя зону своего влияния. Очевидно, в XVIII столетие горные группы адыгов вступили, уже имея статус демократических обществ. Ни в одном из известных источников XVII – начала XVIII вв. нет прямых указаний на наличие в рассматриваемых областях института княжеской власти. Редкие путешественники, побывавшие здесь,

говорят лишь о каких-либо лидерах, обозначая их термином «бей».

Выход демократических обществ за пределы своих прежних этнических границ осуществлялся в двух направлениях: на северо-запад – к Тамани и на юг – в Абхазию. Причем эта экспансия носила не столько этнический, сколько социальный и идеологический характер.

В отличие от Кабарды, Бесленея, Темиргоя, Бжедугии, Хатукая, в которых вся земля была разделена между высшими сословиями, а символами централизованной власти были аристократические законодательные собрания во главе с князьями, области Натухай, Шапсугия и Абадзехия представляли собой совокупность множества мелких самоуправляемых общин, в которых земля передавалась по наследству и принадлежала тем, кто ее обрабатывал [7; 139, 152-153]. До определенного периода свободные крестьяне (тфокотли) «демократических» адыгских обществ были вынуждены считаться с политическим доминированием собственного дворянства, имевшего более высокие (по сравнению с крестьянскими массами) права в сфере общественного управления, военного руководства, уголовного права и этикета. Однако и здесь они временами переходили в наступление, ограничивая прерогативы своей феодальной аристократии. У абадзехов, по некоторым источникам, это произошло еще в XVII в., когда они истребили свою знать [7; 139, 152-153].

Автор XIX в. Н.Л. Каменев отмечал, что к абадзехам примкнуло много крестьян из других адыгских субэтнических групп, а также абазинских крестьян [8; 107]. Именно отсутствие княжеской власти способствовало массовому бегству в Шапсугию крестьян из соседних адыгских и абазинских обществ, спасавшихся от притеснения феодалов [9; 241]. Благодаря приему множества беглецов численность

шапсугов значительно возросла [1; 327].

Согласно обычаям Черкесии, любой странник, желавший укрыться в каком-либо адыгском обществе, должен был заручиться патронатом со стороны известного и авторитетного лица из числа местного населения. Также этой личностью мог выступить любой из свободных членов общины. В этом случае при необходимости покровитель мог обращаться за помощью к членам своего рода или клана. Существовавшая в Натухае и Шапсугии система союзов между вольными кланами и аристократами автоматически влекла за собой мощную военную поддержку дополнительными силами. Адыгский автор XIX в. С. Хан-Гирей высказал собственный взгляд на процессы, происходившие в шапсугском обществе. Он отмечал, что народ принимал в свой круг каждого пришельца и, так сказать, усыновлял его: пришелец присягал быть верным клану, к которому он приставал, а тот, со своей стороны, также клялся охранять безопасность своего члена. Таким образом, клан увеличивался и, соединенный в одно целое общими выгодами и клятвами, составлял один союз, каждый член которого приобрел силу с помощью соприсяжников; следовательно, клан не мог подвергнуться совершенному раздроблению на части и расслоению в своем составе. «Здесь-то и должно искать причину развития понятий народа о свободе, следствием которого был упадок влияния и власти дворянства» [10; 468]. Очевидно, популярность социальных доктрин, провозглашаемых «демократическими» горными сообществами, выходила за их пределы и привлекала к ним все новых сторонников.

Ряд исследователей полагают, что формированию демократических общественных структур способствует именно горный ландшафт. Так, Ф. Бродель подчеркивал

особое демократизирующее влияние гор: «Во многих местах Старого Света горы не только естественные преграды, но одновременно социальный барьер, убежище, где нивелируются слои общества, приют народоправства и крестьянских «республик» [5; 46-47].

Возможно, именно массовое бегство крестьян из равнинных «аристократических» обществ в горные «демократические» становилось одной из важных причин противостояния этих двух общественных укладов. Борьба горных и равнинных образований была одной из главных составляющих внутривосточной борьбы двух последних столетий существования независимой Черкесии до ее вхождения в состав Российской империи. Адыгские княжеские династии «аристократических» обществ, контролировавшие главным образом равнинные территории Западного и Центрального Кавказа, стремились встроить во властную пирамиду и горские общества. Однако подчинить себе западнокавказских адыгов-горцев князьям так и не удалось. Свободное крестьянство (тфокотли) Натухая, Шапсугии и Абадзехии ревниво оберегало свою независимость и традиции самоуправления от покушения равнинных князей. Адыгские «демократические» сообщества неоднократно оказывали ожесточенное сопротивление феодальным дружинам. Отголосками этой борьбы являются старинные песни и предания, в частности об Ощнауской битве (ОщнэІу зао) – «ОщнэІу заом итхыд», «ОщнэІу заом иорэд» [11; 52-56]. В них повествуется о сражении между абадзехами и войском кабардинских князей, пытавшихся навязать абадзехам свою власть. Предание сообщает о победе свободолюбивых абадзехов, не желавших подчиняться князьям. Исследователи адыгского фольклора датируют предание и песню об этой битве не позднее, чем XVII веком [12; 77-78].

Таким образом, источником силы упомянутых обществ являлись их социальная доктрина и система ценностей, позволившие объединить разрозненные кланы горцев и новых пришельцев с равнин в несколько крупных образований с элементами демократического общественного устройства в горной зоне Западного Кавказа. Однако сама по себе констатация факта демократизирующего влияния гор на общественное устройство еще не объясняет причин данного явления.

Исследователь В.А. Коротаяев отмечает, что почти во всех концах света в доиндустриальную эпоху горские общества имеют ряд сходных черт. «Первое, что бросается в глаза при знакомстве с их политической организацией, – это удивительное сходство некоторых базовых характеристик большинства горских сообществ в самых разных концах Ойкумены Старого Света. Действительно, – отмечает этот автор, – возьмем ли мы древних горцев Йемена или Греции, средневековых швейцарцев или басков, горцев Албании и Черногории средних веков или нового времени, «вольные общества» Кавказа, многих афганских горцев... и т.п., повсюду при естественном многообразии политических форм мы находим некоторый горский «общий знаменатель» [13; 19].

Одной из важнейших характеристик горских обществ этот исследователь считает более позднее (по сравнению с большинством равнинных сообществ) включение в процессы политической централизации относительно процессов общекультурной эволюции. Другими словами, для горских сообществ, находившихся по многим базовым культурным и экономическим параметрам примерно на одном уровне развития с жителями равнинных территорий, в большинстве своем характерен существенно менее высокий уровень политической

централизации. Как правило, их отличает гораздо более высокий уровень общинной автономии. Зачастую с этим фактором тесно связана более высокая степень развитости и сложности самих общинных структур. Нередко это суверенные общины с развитой внутренней структурой, объединенные зачастую в разного рода «рыхлые» конфедерации [13; 19]. Именно такую картину, как уже было отмечено выше, мы наблюдаем у горцев Черкесии [7; 139].

Другая важнейшая характеристика этого «горского знаменателя» – относительный «демократизм» горских сообществ. Политическое развитие здесь нередко идет не за счет эволюции надобщинной управляющей подсистемы, становящейся все более самовластной, системы централизованной редистрибуции и т.п., в ходе чего масса общинников утрачивает какой-либо реальный контроль над политическим центром, превращается в «подданных», а совсем иным путем. Прimitивная демократия не вырождается, не сходит на нет, а, наоборот, получает дальнейшее развитие, выходя уже совершенно определенно за рамки примитивности. Масса полноправных общинников не теряет контроль над политическим центром, а совершенствует этот контроль, превращаясь в «граждан» [13; 19].

Условия, определившие развитие демократических институтов в горах Западного Кавказа, имели основу, прежде всего, в особенностях военной организации этих адыгских субэтнических образований. Без солидной доли военного опыта у свободных общинников не могло быть и речи о демократических тенденциях в указанных обществах. Противопоставление военной силы широких слоев свободного крестьянства горных обществ профессиональным воинам-дворянам из этих же сообществ создавало известный баланс сил, не позволяющий

аристократам удерживать безусловное политическое лидерство в горских обществах. Как говорил Бенджамин Франклин, демократия – это пространство договоренности свободных вооруженных мужчин. Свободные горцы-общинники – пешие и конные воины и пираты – составляли ту силу, которая могла бросить вызов феодальной военной аристократии.

В «аристократических» адыгских субэтнических социумах военно-политическое руководство обществом осуществляла дворянская элита, состоявшая из воинов-всадников разных степеней знатности во главе с князем. Жизнь черкесского дворянина строго регламентировалась кодексом рыцарской чести «Уорк-хабзэ». Всякого рода отступления от этих жестких норм могли безвозвратно уронить авторитет воина в глазах окружающих. Так, согласно представлениям адыгского дворянства, занятие торговлей и сельским хозяйством было недостойно человека благородного происхождения. Допускалась лишь продажа пленников. Поэтому экономическое положение некоторых (особенно низших) категорий дворянства было не очень стабильным. Со стороны аристократии позволялся лишь патронат над лицами, осуществлявшими торговые операции, а также военное сопровождение караванов и т.п. Черкесский дворянин, живущий за счет прибавочного продукта, добытого военной силой или созданного его вассалами, во многом зависел от успехов своих походов и положения своих подданных. Аристократ не мог копить богатства, а, наоборот, обязан был раздавать их с возможной щедростью [14; 73].

И в то же время всадническая дворянская элита «аристократических» сообществ ревностно относилась к попыткам крестьян профессионально заниматься военным делом. Например, источники фиксировали факты насильственного

изъятия дворянами лошадей у крестьян, дабы они не занимались всаднической подготовкой. Взамен крестьянам давали быков, как наиболее соответствующих их статусу простолюдина [15; 47]. Таким образом всадническая элита стремилась закрепить свою монополию на военное лидерство, лишая крестьян знакового и престижного воинского атрибута – боевого коня.

Тем не менее, по мнению Э.Х. Панеш, в черкесском обществе протекали процессы, приведшие к унификации системы традиционной социализации [16; 199], ставшей фундаментом для адыгской системы воспитания мужчин в качестве воинов во всех свободных слоях общества. Взяв за основу стереотипы поведения и нормы этикета военной элиты, свободные крестьяне приспособили систему ценностей аристократии к собственным понятийным категориям. Нормы поведения, сформированные в «демократических» сообществах, характеризовались некоторой размытостью военных привилегий аристократии в силу наличия мощной вооруженной оппозиции из числа иных, лично свободных членов социума.

Тип военной организации горных социумов позволял их рядовым членам с успехом самостоятельно участвовать в силовых акциях без санкции аристократии. С одной стороны, для этого необязательно было иметь верхового коня. Условия горной местности не позволяли в полной мере использовать здесь кавалерию в качестве ударной силы всаднической аристократии, притязавшей на главенство в обществе. Весьма эффективными среди неприступных скал могли быть и горцы-пехотинцы, успешно оборонявшиеся от конных воинов и навязываемых ими принципов. С другой стороны, как показывают источники, крестьяне демократических горных обществ не были

ограничены в праве владеть верховым конем, в отличие от крестьян аристократических сообществ.

У причерноморских адыгов существовали военные сообщества как аристократии, так и общинников, заключавших между собой корпоративные договоры о военном сотрудничестве (т.н. соприсяжные братства). Данный военно-социальный механизм мог достаточно успешно нести возложенные на него функции, имея дублирующие корпорации воинов.

Функционирование системы договорных обязательств, доминирующих над родственными, по видимому, нашло свое отражение в способе военной организации адыгских демократических обществ, отмеченном авторами XVIII-XIX вв. Этим способом был специфический род договоров о военной взаимопомощи между различными фамилиями и кланами. Но особенным являлось то, что они облачались в форму искусственного родства. Это было внешнее проявление внутренней потребности к поддержанию баланса сил в масштабе социума, находящегося на данной территории. Сами адыги говорили о древности существования подобных институтов [17; 560].

В частности, англичанин Дж. Лонгворт, пребывавший среди адыгов Черноморского побережья, отмечал, что когда черкесы «...объединяются для похода или набега – они собираются под знаменем не какого-либо племени или рода, а под знаменем какой-либо округи или источника, вблизи которого живут воины. Дворяне, вместо того, чтобы возглавить их, как это полагают некоторые писатели, объединяются в сообщества (так же, как и вольноотпущенники), все они различны, хотя иногда их объединяет общая клятва. Такого рода объединения не являются каким-либо исключением; общество дворян, именуемое Чипакво, присоединяется к могущественному обществу

токавов (земледельцев) Наткво, и именно благодаря этому объединению оно имеет ту власть, которой пользуется в области натухаев» [17; 562-563].

Сам Дж. Лонгворт во время своих поездок по горским обществам неоднократно встречался как с военными лидерами из числа аристократов, так и с простолюдинами... Одного из них по имени Дазик Оглу Шупац он охарактеризовал следующим образом: «Редко случалось, чтобы его в компании всадников не признавали по общему молчаливому согласию предводителем...» [17; 553]. Есть сведения, что имела место конкуренция военной элиты и незнатных командиров [18; 357-450], что говорит о высоком авторитете последних.

Кроме того, дополнительным фактором демократизации являлось занятие морским разбоем, перманентно фиксировавшимся у жителей горной зоны Черноморского побережья Западного Кавказа с античных времен. Пиратские рейды осуществляли многие народы, жившие в подобной географической зоне, где горы вплотную подходили к морю [2; 99-100]. Т. Лапинский, пребывавший среди адыгов, так описывал географию черкесского побережья: «Эти берега как будто созданы для контрабандной торговли и для пиратов» [19; 51]. Примерно такую же характеристику адыгским берегам дал француз де Монпере, описывая район Джубги [20; 8-9, 17].

Горцы-мореходы, ходившие по морю на гребных галерах, вместе разделяли все опасности в пути. Это сплачивало и уравнивало морских воинов, будь они даже из разных социальных слоев: пираты вместе гребли навстречу неизвестности. К тому же перемещение по морю требовало «подбора корабельного экипажа по функциональным признакам» [21; 234], что приводило к вовлечению в ряды корсаров лиц с более низким социальным

статусом, но с большими практическими умениями, столь нужными в морском деле. Рядовому горцу-пирату не нужен был боевой конь в качестве символа принадлежности к элитной воинской касте. Он, как и его собратья по промыслу, не нуждался в разрешении «сверху» для начала своих экспедиций. Показывая себя в походах в качестве удачливого разбойника, он способствовал повышению собственного престижа и социальной значимости [2; 101].

Вовлечение все большего числа рядовых членов горских сообществ в морские набеги приводило к размыванию влияния аристократии в среде данных объединений. Кооперация равноправного пиратского экипажа на море, с одной стороны, приводила к влиянию подобной военной организации на общественное устройство западнокавказских горцев. С другой стороны, демократические принципы горцев находили свое дальнейшее развитие в организации пиратских рейдов.

Таким образом, создались условия, при которых социальный опыт горской военной демократии получал дополнительную поддержку. По словам Тойнби, «...на суше, как и на море, дружба оказывается более существенным элементом, чем родство, а приказы избранного и наделенного полномочиями лидера – более авторитетными, чем подсказка обычая и привычки. Фактически, из группы судовых экипажей, объединившихся для завоевания..., родились городской магистрат и идея городского самоуправления» [21; 235], то есть демократические институты.

Морские набеги были, пожалуй, самым доступным для небольших сообществ способом контроля над прилегающей к их владениям морской акваторией с целью защиты своей независимости [2; 101]. Редкие сведения иностранных, в частности турецких, авторов XVI-XIX вв. о ситуации в горных областях

Причерноморской Черкесии объясняются неспособностью османов подорвать суверенитет местного населения. Это при том, что Османская империя контролировала все остальные участки вокруг Черноморского побережья. П.С. Паллас, исследовавший северокавказский регион, в отношении шапсугов отмечал следующее: «Турки в отчаянии от их набегов, которые они доводят до окрестностей Анапы» [22; 216]. Собственно турецкие документы содержат донесения о черкесских вторжениях в пределы Османской империи со стороны моря [23; 97]. Морские набеги черкесов можно расценивать как ответные или превентивные меры, направленные на сдерживание экспансии Порты.

Подобные сведения наглядно демонстрируют высокую степень милитаризации горных причерноморских сообществ адыгов. Но, вместе с тем, активное участие адыгов побережья в морских набегах не являлось доминирующим видом их повседневной деятельности. Именно мирный крестьянский труд на долгие века сделал земли горной зоны Западного Кавказа контактной торгово-экономической зоной и источником пополнения пищевых ресурсов для соседних регионов Средиземноморья [24; 194-195, 202-203]. Личность адыгского свободного общинника в горах Черкесии была в некотором роде универсальна. Он мог активно участвовать в военных акциях на суше и на море, а возвращаясь домой, включаться в земледелие, скотоводство, ремесло и торговлю [10; 521-524]. Подобным же образом в сообществах викингов мужчины в перерывах между морскими экспедициями занимались сельскохозяйственным трудом [25; 187]. Рядовые члены горского общества более свободно, в отличие от дворян, распоряжались полученным прибавочным продуктом. Такие разнообразные формы деятельности образовывали весьма активных субъектов социума. Они

имели как возможности для наращивания своего экономического потенциала, так и основания для отстаивания своих прав на более свободную жизнь, насколько это было вообще возможно в феодальную эпоху. Претензиям аристократии на часть личной собственности общинник мог противопоставить силу собратьев по «мечу и оралу», объединенных в вольные общества, а также труднодоступность горных селений.

В результате подобных явлений в горах Черкесии образовались сообщества, способные к установлению нового социального порядка. Княжеская власть, по сути, была нивелирована общинниками – умелыми воинами и состоятельными крестьянами. Опираясь на собственную военную силу, вольные крестьянские сообщества не позволили дворянству монополизировать военную сферу, чем и подорвали основы княжеской власти. Именно указанные факторы, на наш взгляд, определили отсутствие княжеского правления у натухайцев, шапсугов, абадзехов и развитие у них демократических общественных институтов.

Причем данная форма организации, по-видимому, существовала в предшествующие эпохи, так как базой для ее функционирования служили вышеперечисленные условия военно-социального характера, также являвшиеся константными на протяжении веков.

Очевидно, подобные процессы совершенствования демократических институтов имели место и в других горских сообществах, многие из которых, по сути, превращались в полисы. В отечественной науке к такому выводу пришел дагестанский политантрополог Мамайхан Агларов, сопоставивший политическую организацию «вольных обществ» Нагорного Дагестана и греческих полисов и показавший их существенное сходство по ряду важнейших показателей. Этот

вывод тем более убедителен, если подобное сопоставление проводить не с наиболее известными полисами, типа Афин и Милета, а с более «дикими» (и более многочисленными) полисами Аркадии, Фокеи, Локриды, Ахейского союза. Конечно, если сопоставить типичный дагестанский джамаат с классическими Афинами, то существенных различий наберется предостаточно. Но если Гидатлинское или Чиркейское «вольное общество» сопоставить, скажем, с Ахейским Союзом, то таких различий будет ощутимо меньше [13; 20]. Этот ряд можно вполне дополнить Шапсугским, Натухайским или Абадзехским «вольными обществами».

Существенное сходство многих горских сообществ, с одной стороны, между собой, с другой – с греческими полисами, не представляется удивительным. Здесь стоит вспомнить известное наблюдение Монтескье, полагавшего, что республиканский образ правления свойственен преимущественно мелким государствам, монархия – средним и деспотия – огромным государственным образованиям. Современная политическая практика не всегда соответствует этой схеме, однако Монтескье сделал вполне корректное обобщение известного ему эмпирического материала. Действительно, подавляющее большинство известных нам демократий доиндустриальной эпохи были небольшими по размеру [13; 20].

Механизм действия этого социологического закона, на взгляд А.В. Коротаяева, лежит на поверхности. В доиндустриальную эпоху, при общем крайне низком уровне развития средств коммуникации, сколько-нибудь эффективный контроль «граждан» над политическим центром возможен лишь в рамках небольшого по размерам, «точечного» социального организма. А в крупных образованиях основная масса членов социального организма проживает далеко от

центра политической системы. Поэтому возможность контроля над властью исчезает, а управляющая подсистема становится фактически самовластной. Таким образом, демократические политические тенденции, наблюдавшиеся в наиболее полном виде в античных полисах, в той или иной мере присущи «точечным» обществам (прежде всего – горским обществам Большой Евразийской Ойкумены), где в ходе восходящей культурной эволюции общины сохраняют свой суверенитет или крайне высокую степень автономии, совершенствуя внутриобщинные политические механизмы [13; 20].

Горы препятствовали политической централизации и способствовали, тем самым, развитию полисных и квазиполисных форм политической организации. Вместе с тем горы оказывали и определенный изолирующий эффект на защищенные ими общины, во многом препятствуя превращению их в центр локальной цивилизации [13; 20-21]. Так, Ф. Бродель, рассматривая социальные очертания горных районов Средиземноморья (куда он включал и Черноморский регион), отмечал их защищенность и стабильность в обеспечении продуктами и полезными ископаемыми [5; 40]. Это замечание вполне справедливо и для горных обществ Черкесии, локализованных в долинах небольших горных рек. Каждое сообщество, ограниченное ущельем, по которому протекает речка, было, по сути, автономным социальным организмом. Жители горных районов до определенного периода не испытывали необходимости в активных контактах с внешним миром.

Сопоставление политической организации горцев Евразии с классическим полисом неизбежно порождает вопрос, почему же горские общества не дали миру такого же непревзойденного культурного расцвета, который породили античные полисы Эллады? При всех

выдающихся культурных достижений кавказских горцев, они кажутся несопоставимыми с античным вкладом в мировую культуру. Но в то же время эти выдающиеся культурные достижения античного мира были созданы горсткой приморских полисов; культурные же достижения основной массы греческих полисов вполне сопоставимы по своей значимости с подобными же достижениями прочих развитых горцев Большой Евразийской Ойкумены. Уникальность же географических условий Древней Греции заключается во многом в том, что это не просто горная страна, а горная страна, «погруженная в море» в непосредственной близости от важнейших центров древних цивилизаций. В результате Греция улавливала исходившие отсюда культурные и экономические импульсы.

А.В. Коротаев полагает, что возможны и другие предпосылки естественного характера для развития демократических структур полисного варианта. Но наиболее благоприятной средой для полного развития

«полисных» структур оказывается, видимо, не просто горная страна, а горная страна, «погруженная» в море, или максимально изрезанное побережье подобной горной страны [13; 21].

Таким образом, фактор ландшафта, когда территория расположена на стыке моря и горной системы, породил сходные социальные последствия в удаленных друг от друга частях Старого Света. Пример западнокавказских горских обществ, где получили определенное развитие демократические общественные институты, подтверждает такие наблюдения. Горы, круто обрывающиеся в море, обусловили не только особенности хозяйственного уклада причерноморских обществ, но и повлияли на социальные и политические отношения. На наш взгляд, именно данный тип ландшафта создавал условия, порождавшие особый психотип горцев – трудолюбивых крестьян и свободолюбивых воинов, который препятствовал установлению монархического типа управления в своих обществах.

Примечания:

1. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. 331 с.
2. Цеева З.А. Социокультурные аспекты западнокавказского военного мореходства в античную эпоху // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2015. Вып. 2. С. 97-104.
3. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX вв. М., 1974. С. 25.
4. Керашева З.И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка // Керашева З.И. Избранные труды и статьи. Т. 1. Майкоп, 1995. С. 193-336.
5. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
6. Люлье Л.Я. Историко-этнографические статьи. Киев: Укрвузполиграф, 1991. 56 с. Кажаров В.Х. Адыгский феодализм (XVI – XVIII вв.) // Адыгская (черкесская энциклопедия). М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С. 130-168.
7. Кажаров В.Х. Адыгский феодализм (XVI – XVIII вв.) // Адыгская (черкесская энциклопедия). М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. С.130-168.
8. Каменев И. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. Екатеринодар, 1867. № 14.
9. Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / сост., ред. пер., введ. и вступ. ст. В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 653 с. Далее: АБКИЕА С. 235-280.

10. Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп, 2009. С. 468.
11. Адыгэ орэдыжъхэр / зэхэз. Т. КӀэрэщэ. Мыекъуапэ: Адыгнациздат, 1946. 157 н. = Старинные адыгские песни / сост. Т.М. Керашев. Майкоп: Адыгнациздат, 1946. 157 с.
12. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков. Нальчик: Эльбрус, 1973. 228 с.
13. Коротаев А.В. Горы и демократия: к постановке проблемы // Восток. 1995. № 3. С. 19-22.
14. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов // Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик: Эльбрус, 2011. 232 с.
15. Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКННН. С. 43-52.
16. Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб: Европейский Дом, 1998. 304 с.
17. Лонгворт Дж. Год среди черкесов // АБКННН. С. 531-584.
18. Губжоков М.Н. Культура адыгов // История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Майкоп, 2009. Т. I. С. 357-450.
19. Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик: Эль-фа, 1995. 463 с.
20. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Т. I. Сухуми: АБГИЗ, 1937. 180 с.
21. Тойнби А.Д. Постигение истории. М.: Прогресс: Культура, 1991. 736 с.
22. Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 г. // АБКННН. С. 214-224.
23. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Истор. записки. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3 С. 72-129.
24. Короленко П.П. Записки о черкесах // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Нальчик, 2001. Т. 2. С. 194-195.
25. Гуревич А. Я. Походы викингов. М.: Наука, 1966. 187 с.

References:

1. Gardanov V.K. The social system of the Adyghe peoples. M.: Nauka, 1967. 331 pp.
2. Tseeva Z.A. Social and cultural aspects of the Western Caucasus military navigation in ancient times // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Region studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. Maikop, 2015. No. 2. P. 97-104.
3. Volkova N.G. Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – beginning of the 19th century. M., 1974. P. 25.
4. Kerasheva Z.I. Features of the Shapsug dialect of the Adyghe language // Kerasheva Z.I. Selected works and articles. Maikop, 1995. Vol. 1. P. 193-336.
5. Braudel F. The Mediterranean Sea and the Mediterranean world in the age of Philip II. M.: Languages of Slavic Culture, 2002. 496 pp.
6. Lyulye L.Ya. Historical and ethnographic articles. Kiev: Ukrvuzpoligraf, 1991. 56 pp.
7. Kazharov V.Kh. Adyghe feudalism (16th – 18th centuries.) // Adyghe (Circasian) encyclopedia. M.: Fund of B.Kh. Akbashev, 2006. P. 130-168.
8. Kamenev I. Basin of the Psekups river // Kuban military statements. – Ekaterinodar, 1867. No. 14.
9. Klaprot G.Yu. Journey through the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808 // Adyghes, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th -19th centuries. / Comp., ed., transl. and introd. art. by V.K. Gardanov. Nalchik: Elbrus, 1974. 653 pp. Further: АБКННН. P. 235-280.

10. Khan-Girey. Selected works and documents. Maikop, 2009. P. 468.
11. Old Adyghe Songs / Comp. by Kerashev T.M. Maikop: Adyghenatsizdat, 1946. 157 pp. P. 52-56.
12. Autleva S.Sh. Adyghe historical and heroic songs of the 16th-19th centuries. Nalchik: Elbrus, 1973. 228 pp.
13. Korotaev A.V. Mountains and democracy: on the statement of the problem / Vostok. 1995. No. 3. P. 19-22.
14. Bgazhnokov B.Kh. Essays on the ethnography of Adyghes' communication // Bgazhnokov B.Kh. Ethnography of the Adyghes. Nalchik: Elbrus, 2011. 232 pp.
15. Interiano J. Life and the country of the Zikhs, called Circassians. A remarkable narration // ABKIEA. P. 43-52.
16. Panesh E.Kh. Ethnic psychology and interethnic relations. Interaction and features of evolution (based on the Western Caucasus). SPb: European House, 1998. – 304 pp.
17. Longworth J. A year among the Circassians // ABKIEA. P. 531-584.
18. Gubzhokov M.N. Culture of the Adyghes // History of Adygheya from the earliest times to the beginning of the 20th century. Maikop, 2009. Vol. I. P. 357-450.
19. Lapinsky T. Highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians. Nalchik: El-fa, 1995. 463 pp.
20. Frederic Dubois de Monpere Travel around the Caucasus. Among the Circassians and Abkhazians, in Colchis, in Georgia, in Armenia and in the Crimea. Sukhumi: AbGIZ, 1937. Vol. I. 180 pp.
21. Toynbee A.J. A Study of History. M.: Progress. Culture, 1991. 736 pp.
22. Pallas P.S. Notes on the travels to the southern vicegerency of the Russian state in 1793 and 1794 // ABKIEA. P. 214-224.
23. Zevakin E.S., Penchko N.A. Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the 13th and 15th centuries // Histor. notes. M.: Publishing house of the AS of the USSR, 1938. Vol. 3 P. 72-129.
24. Korolenko P.P. Notes on Circassians // Russian authors of the 19th century about the peoples of the Central and North-Western Caucasus. Nalchik, 2001. Vol. 2. P. 194-195.
25. Gurevich A.Ya. Travels of the Vikings. M.: Nauka, 1966. 187 pp.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316:61
ББК 60.561.6
Г 16

К.А. Галкин,

аспирант Высшей школы экономики, г. Санкт-Петербург, тел.: +79117815229, e-mail: kagalkin@hse.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕДИЦИНСКИХ ПРОФЕССИЙ: БИОМЕДИЦИНСКАЯ ПАРАДИГМА VS ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

(Рецензирована)

Аннотация. В современной социологии и социологии медицины существуют различные подходы к определению профессии современного врача. Классический подход к определению медицинских профессий строится в рамках биомедицинской парадигмы и охватывает представления о профессии врача с точки зрения профессиональной этики, высокой коллективной ответственности, сплоченности и беспристрастного подхода к пациенту. С точки зрения биомедицинской парадигмы, профессия врача представляет собой обособленный род человеческой деятельности, который характеризуется высокой коллективной ответственностью, упором на научные исследования и развитием коллективного подхода к формированию профессиональной идентичности в медицине. Медицинская профессия, с точки зрения биомедицинского подхода, – это профессия, которая сочетает в себе три основных ключевых компонента: коллективность, беспристрастность и ориентир на научность. Однако в последнее время активно развивается индивидуальный подход к социологическому исследованию профессий в медицине. Ключевыми элементами анализа в данном случае выступает сам индивид – врач, в контексте повседневных практик и повседневного взаимодействия.

Ключевые слова: медицинская профессия, социологические подходы к изучению медицинских профессий, биомедицинский подход, индивидуальный подход.

K.A. Galkin,

Post-graduate student of Higher School of Economics, St. Petersburg, ph.: +79117815229, e-mail: kagalkin@hse.ru

EVOLUTION OF SOCIOLOGICAL APPROACHES IN MEDICAL PROFESSION RESEARCHES. BIOMEDICAL PARADIGM VS INDIVIDUAL APPROACH

Abstract. In contemporary sociology and sociology of medicine there are various approaches to definition of a profession of the contemporary doctor. Classical approach to definition of medical professions is based within a biomedical paradigm and covers ideas of a profession of the doctor from the point of view of

professional ethics, high collective responsibility, unity and impartial approach to the patient. From the point of view of a biomedical paradigm, the profession of the doctor represents the isolated sort of human activity which is characterized by high collective responsibility, an emphasis on scientific research and development of collective approach to formation of professional identity in medicine. The medical profession, from the point of view of biomedical approach, is a profession which combines three main key components: a collectivity, impartiality and a scientific research orientation. However, recently individual approach to sociological research of professions in medicine has intensely been developed. The key element of the analysis in this case is the individuality of the doctor, in the context of daily practices and daily interaction.

Keywords: Medical profession, sociological approaches to studying medical professions, biomedical approach, individual approach.

Традиционный социологический взгляд на медицинские профессии обусловлен классическими работами Т. Парсонса и П. Старра. Данный подход представляет собой социологический взгляд на медицинские профессии с точки зрения использования понятийного аппарата и теоретических основ биомедицинской парадигмы. Данный подход определен отношением к медицинским профессиям как к профессиям, имеющим высокий социальный статус в обществе, с одной стороны, а также аккумулирующим в себе высокую коллективную ответственность, с другой стороны. Т. Парсонс определяет профессию врача как профессию, состоящую из следующих ключевых категорий:

- специфичность, высокий уровень специальных знаний и профессионализма;
- экспертность – знания и умения, которые находятся на стыке науки и обыденных повседневных рабочих практик;
- эмоциональная нейтральность, беспристрастность;
- объективность при лечении различных заболеваний, высокая доля коллективной ответственности и коллективного участия и обязательства поставить благополучие пациента выше своих личных обязательств и стремлений [1].

Медицинские профессии в классическом понимании – это профессии, где индивидуумы-профессионалы обладают определенными

формальными знаниями, с помощью которых возможно решать различные проблемы со здоровьем, возникающие у пациентов.

Исследователь Поль Старр описывает медицинские профессии как профессии, имеющие важные социальные функции для индивидуумов. П. Старр включает в профессию врача такие компоненты, как коллективная ответственность, отсутствие эмоциональной окраски в контексте различных действий врача, а также «умение излагать простые проблемы на языке науки» [2]. Именно «научность», по мнению Старра, является основополагающей в контексте медицинских профессий. В контексте биомедицинской парадигмы, медицинская профессия представляет собой скорее коллективную деятельность в ограниченных этических нормах и кодексами рамках. Личность врача, в данном случае, выступает неким агентом множественного механизма коллективных действий, направленных на достижение моральной ценности – помощи пациенту.

Однако в последнее время активно развивается индивидуальный подход к исследованиям медицинских профессий, который рассматривает их не только с точки зрения их идеализации и понимания, высокой социальной и общественной значимости, но и с индивидуальной точки зрения. Сам индивид, врач, становится в

этом случае одним из ключевых акторов в профессиональной деятельности. Профессии в сфере медицины понимаются не как идеализированные и оторванные от повседневности, а как включенные в ее контексты [3, 4]. Трудности и проблемы, с которыми сталкивается врач во время своей работы, являются структурными компонентами комплексного понятия медицинской профессии [5, 6].

Индивидуальный подход к исследованиям медицинских профессий включает в себя микросоциальный взгляд на проблематику профессионализма, профессиональной коммуникации и профессиональных взаимодействий в медицине. В медицинские профессии, с точки зрения индивидуального подхода, включены такие компоненты, как коммуникация и взаимодействия с пациентами, клинические практики и различные взаимодействия с коллегами, а также коммуникация вне рабочей среды [6]. При этом ядром всех медицинских повседневных практик выступает коммуникация между врачом и пациентом. Другие немаловажные элементы, которые формируют медицинскую

профессию, – это общение и взаимодействие в семье, роль семейного бэкграунда на профессиональный выбор индивидуума, повседневная коммуникация врача и коллег в рабочей обстановке.

Медицинские профессии, с точки зрения индивидуального подхода, определены как флюидные концепты. На сегодняшний день в большинстве случаев на первый план выходит депрофессионализация и постепенная интеграция врачей в другие профессии. Повседневность и контексты взаимодействий между врачом и пациентом, врачом и коллегами становятся структурными единицами определения концепта профессии исходя из ее индивидуальных особенностей. На основании этого становится актуальным вопрос об исследовании профессии врача с точки зрения молодых врачей, в контексте повседневности, повседневных практик, интеракций и взаимодействий. При этом широкое распространение получают именно качественные методы социологического исследования профессии врача в рамках повседневности и повседневных взаимодействий.

Примечания:

1. Parsons T. *Illness and the role of the physician: A sociological perspective* // *American Journal of orthopsychiatry*. 1951. Т. 21, №. 3. С. 452-460.
2. Starr P. *The Social Transformation of American Medicine*. N. Y., 1982.
3. Bourdieu P. *The logic of practice*. Stanford University Press, 1990.
4. Lupton D. *Doctors on the medical profession* // *Sociology of Health & Illness*. 1997. Т. 19, №. 4. С. 480-497.
5. Monrouxe L. V. *Negotiating professional identities: dominant and contesting narratives in medical students' longitudinal audio diaries* // *Current Narratives*. 2009. Т. 1, №. 1. С. 41-59.
6. Clandinin D.J., Cave M.T. *Creating pedagogical spaces for developing doctor professional identity* // *Medical education*. 2008. Т. 42, №. 8. С. 765-770.

References:

1. Parsons T. *Illness and the role of the physician: A sociological perspective* // *American Journal of orthopsychiatry*. 1951. Vol. 21. No. 3. P. 452-460.
2. Starr P. *The Social Transformation of American Medicine* (Basic, New York). 1982.
3. Bourdieu P. *The logic of practice*. Stanford University Press, 1990.
4. Lupton D. *Doctors on the medical profession* // *Sociology of Health & Illness*. 1997. Vol. 19. No. 4. P. 480-497.

5. Monrouxe L. V. Negotiating professional identities: dominant and contesting narratives in medical students' longitudinal audio diaries // *Current Narratives*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 41-59.

6. Clandinin D.J., Cave M.T. Creating pedagogical spaces for developing doctor professional identity // *Medical education*. 2008. Vol. 42. No. 8. P. 765-770.

УДК 316.32
ББК 60.545.1
Д 26

А.К. Дегтярев,

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79885697325, e-mail: rse1985@mail.ru

А.В. Лубский,

доктор философских наук, профессор, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79281662733, e-mail: n_lav@mail.ru

В.П. Войтенко,

кандидат философских наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79281509309, e-mail: leravvp@mail.ru

ЦЕННОСТНАЯ ПОЛИТИКА В США И ФРГ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

(Рецензирована)

Аннотация. Недостаточная эффективность административной модели национальной политики в российском обществе предполагает переход к новым парадигмальным основаниям управленческих практик в сфере межэтнических отношений, в том числе и с учетом возможности имплементации зарубежного опыта ценностной политики. В статье раскрываются сложности, возможности и перспективы имплементации опыта ценностной политики в США и ФРГ в российских условиях. Делается вывод о том, что ценностная политика позволяет избавиться от административного синдрома в российском обществе, преодолеть ограниченность только правовых «механизмов» регулирования межэтнических отношений и перейти к коммуникативной модели национальной политики.

Ключевые слова: межэтнические отношения, национальная политика, ценностная политика, публичные ценности, национальный диалог, локальные сообщества, этнические группы, имплементация зарубежного опыта.

А.К. Degtyarev,

Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79885697325, e-mail: rse1985@mail.ru

A.V. Lubsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79281662733, e-mail: n_lav@mail.ru

1 Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

V.P. Voitenko,

Candidate of Philosophy, Senior Scientist of Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79281509309, e-mail: leravvp@mail.ru

VALUE POLICY IN THE USA AND GERMANY IN THE INTERETHNIC RELATIONS: POSSIBILITIES OF IMPLEMENTATION OF FOREIGN EXPERIENCE IN THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract. Insufficient efficiency of administrative model of national policy in the Russian society assumes transition to the new paradigm basics of the administrative practices in the sphere of the interethnic relations, including taking into account a possibility of implementation of foreign experience in value policy. The paper discloses the difficulties, opportunities and prospects of implementation of the USA and Germany experience in value policy in Russia. The conclusion is drawn that the value policy allows the Russian society to get rid of an administrative syndrome, to overcome limitation only of legal “mechanisms” of regulation of the interethnic relations and to pass to the communicative model of national policy.

Keywords: Interethnic relations, national policy, value policy, public values, national dialogue, local communities, ethnic groups, migrants, implementation of foreign experience.

В середине 90-х гг. прошлого века в научном дискурсе появилось понятие глокализации [1], которое стало использоваться для характеристики новой конфигурации «мироцелостности», сложившейся в эпоху позднего модерна. В рамках этой конфигурации исследователи выделяют два глобальных мегатренда развития – глобализацию, бросающую серьезный вызов национальным различиям, и локализацию, благодаря которой этнические сообщества приобретают возможность реконструировать свою идентичность [2] и стать активными культурными и политическими субъектами. Поэтому глокализация в условиях усиления миграционных потоков в мире сопровождается актуализацией проблематики, связанной с межэтническими отношениями в странах со сложной этнокультурной структурой.

В России в условиях реконструкции этнических идентичностей и усиления миграционных потоков сегодня остро стоит проблема повышения эффективности

государственной политики в сфере межэтнических отношений. Существующие управленческие практики в этой сфере пока не дают желаемых результатов, отсюда появляется потребность в новых парадигмальных основаниях национальной политики, в том числе и с учетом возможности имплементации зарубежного опыта ценностной политики в этой сфере.

Российские ученые, изучая ценностную политику как особый вид управленческой деятельности в зарубежных странах, обращают внимание на то, что эта политика, в частности в США и ФРГ, основывается, прежде всего, на гражданско-государственном партнерстве, обеспечивающем реальное участие гражданского общества в регулировании межэтнических отношений [3].

Национальная политика в современной России является предметом многочисленных интеллектуальных дискуссий и научных исследований [4]. Анализ научной литературы показывает, что,

положительно оценивая такие целевые ориентиры национальной политики в России, как укрепление общероссийского гражданского самосознания и сохранение этнокультурного многообразия, ряд исследователей обращают внимание на отсутствие должной проработки механизма обеспечения взаимосвязи общероссийского гражданского самосознания и этнокультурного многообразия, которые рассматриваются как самостоятельные и независимые друг от друга явления, и в итоге доминирующим выступает первое из них [4]. В связи с этим некоторые исследователи считают, что «эффективность современного государственного курса в проведении национальной политики зависит и от того, насколько эффективно общегражданская идентичность будет сочетаться с этнической идентичностью и развитием этнических культур» [5; 59].

Ученые обращают внимание также на то, что в российской национальной политике не был отчетливо сформулирован основной вектор этнонационального развития [6], и поэтому отмечают неэффективность существующих в России институтов этнонациональной политики [7; 223]. Помимо этого, исследователи выделяют ряд негативных аспектов законодательной базы Российской Федерации в сфере национальной политики, которые препятствуют эффективному государственному управлению в сфере межэтнических взаимодействий [8]. Дискуссионным является также вопрос о степени государственного участия в сфере регуляции межэтнических отношений в современной России. Одни исследователи считают, что наиболее важным фактором государственного регулирования межэтнических отношений является формирование ценностно-нормативной базы межэтнического диалога и солидарности [9]. Другие, наоборот, полагают, что степень участия государства в

регуляции межнациональных отношений в современной России должна быть значительно выше [10].

В последнее время среди российских ученых обнаружился интерес к возможностям использования принципов ценностной политики в сфере государственного управления в России [11, 12]. При этом некоторые исследователи ценностную политику в российском обществе, в котором переплетаются традиционные и современные ценности, сводят к рациональным практикам морального консенсуса [13; 254]. Другие исследователи акцентируют внимание на возможностях ценностной политики как средства «nation-building» и национальной интеграции [14], а также формирования гражданских интегративных ценностей в рамках реального этнического разнообразия в России [15]. Предметом научных исследований уже стали также отдельные аспекты ценностной политики в сфере межэтнических отношений: национального диалога государства, политических сил и гражданских организаций по поводу согласования общенациональных и этнокультурных ценностей [16]. Однако возможности имплементации зарубежного опыта развитых стран в этой сфере в российских условиях еще не стали предметом специальных научных исследований.

В связи с этим в статье рассматриваются сложности, возможности, а также перспективы имплементации опыта ценностной политики в сфере межэтнических отношений в США и ФРГ в российском обществе с учетом его политической и этнокультурной специфики.

В качестве идеальных типов национальной политики как управленческой деятельности в сфере межэтнических отношений можно выделить административную и коммуникативную ее модели. В рамках административной модели, актором которой является государство, регулирующее этнические

взаимодействия «сверху», доминируют институциональные практики принуждения или согласия. Институциональные практики принуждения представляют собой различные репертуары легального насилия органов государственной власти с помощью соответствующих правовых институтов.

Коммуникативная модель национальной политики, акторами которой, наряду с государством, выступают граждане, базируется на институциональных практиках солидарности, которые в полиэтнических государствах, с одной стороны, дают возможность разным этническим группам сохранять свою этнокультурную самобытность, с другой – предполагают, что эти группы интегрируются в национальные сообщества на базе определенных общенациональных ценностей.

В странах со сложной этнокультурной структурой переход к коммуникативной модели национальной политики возможен только в условиях проведения ценностной политики в сфере межэтнических отношений. В этом смысле ценностная политика как особый вид управленческой деятельности, направленной на регуляцию этнических взаимодействий, опирается на такие публичные ценности, по поводу которых в обществе существует ценностный консенсус. Если же такого консенсуса нет, то основная задача ценностной политики состоит в формировании с помощью символического капитала власти в национальном сообществе публичных ценностей в диалоге государства, гражданских организаций и этнических сообществ. Поэтому для обеспечения ценностной политики специалисты в области государственного управления должны быть способными идентифицировать и обосновывать соответствующие публичные ценности в сфере межэтнических отношений. Помогая создавать публичные ценности,

они должны обладать также способностями разрешать ценностные конфликты, предотвращая в обществах со сложной этнокультурной структурой «ценностный провал». Цели и задачи ценностной политики в сфере межэтнических отношений должны проходить предварительную апробацию как на уровне экспертного сообщества и гражданской общественности, так и на уровне различных этнических групп.

После распада СССР в Российской Федерации начались процессы суверенизации ее национально-территориальных образований, сопровождаемые реконструкцией этнических идентичностей, всплеском периферийного национализма, этнополитическим, в том числе вооруженным, сепаратизмом. В таких условиях национальная политика в России в 90-х гг. прошлого века носила преимущественно административный характер, направленный на снижение межэтнической конфликтности и преодоление сепаратистских тенденций в стране.

В настоящее время вектор национальной политики в России изменился: произошел переход от антисепаратистской ее направленности к этноконсолидационной [17; 174]. В условиях сохранения в российском обществе факторов межэтнической напряженности, а также деятельности международных террористических организаций, представляющей угрозу национальной безопасности, национальная политика в России, с одной стороны, вынуждена сохранять административно-правовой характер, базирующийся, однако, не только на практиках легального принуждения, но и на легитимных практиках согласия большинства национального сообщества, в том числе и различных этнических групп. С другой стороны, необходимость решения задач, связанных с консолидацией полиэтнического российского общества,

сегодня предполагает переход к коммуникативным практикам национальной политики.

Необходимость такого перехода усиливается в связи с тем, что в настоящее время обнаружилось расхождение между доктринальными основаниями принятой в 2012 г. «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», направленной на укрепление государственного единства и целостности России, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, сочетание общегосударственных интересов и интересов народов России [18], и практиками ее реализации, особенно в национальных республиках. В связи с этим появляется потребность в новых парадигмальных основаниях государственного управления межэтническими отношениями в современном российском обществе, в том числе и с учетом возможности имплементации опыта ценностной политики в странах со сложной этнокультурной структурой, таких, например, как США и ФРГ.

Изучение опыта ценностной политики в сфере межэтнических отношений, в частности в США, позволяет сделать вывод о том, что она реализуется в условиях перехода от практик добровольной сегрегации к практикам либерального мультикультурализма. Мультикультуральные практики ценностной политики в США проявляются, во-первых, в поддержании этнокультурных различий и институциональных «механизмов» предотвращения и нейтрализации этнокультурной дискриминации, определяющих возможность для американцев выстраивать индивидуальную стратегию интеграции в американское общество на основе этнокультурных различий; во-вторых, в праве этнических групп на коллективную идентичность, совместное проживание и удовлетворение этнокультурных потребностей, прежде всего, в частной сфере.

Сложнее обстоит дело с проявлением этничности в политической и экономической сферах американского общества. С одной стороны, этнические группы в США имеют возможность заявлять о своих политических и экономических правах. Однако, с другой стороны, эти права могут быть реализованы не через этнические, а политические или экономические организации, и при этом в контексте приоритета национальных, а не этнических интересов и ценностей. Тем самым, ценностная политика в США накладывает определенные ограничения на проявление этничности как символического ресурса в политической и экономической сферах, и поэтому этнические группы в американском обществе на практике не обладают экономическими и политическими атрибутами [19]. Кроме того, в рамках ценностной политики заслуживает внимания роль американской правовой традиции, основанной на принципе «судократии», отдающей приоритет в разрешении этнических коллизий в американском обществе органам судебной власти.

Опыт ценностной политики в сфере межэтнических отношений в США свидетельствует о том, что в этой сфере действует также правило ценностного консенсуса. Поэтому этнокультурный плюрализм поддерживается и одобряется в той степени, в какой он соответствует гражданскому кодексу поведения в американском обществе, определяющим, каким образом «внутренние другие» могут считаться «своими». В этом случае ценностная политика как политика публичных ценностей позволяет перевести проблему прав этнических групп в различных сферах жизнедеятельности американского общества в плоскость выяснения того, в какой степени ценности этих групп обладают потенциалом для интеграции в американское общество. В связи с этим, как отмечают исследователи,

ценностная политика в США направлена на создание условий для интеграции этнических групп в американское общество с учетом не только их ценностных установок, но и их интеграционного потенциала [20].

Важным аспектом ценностной политики в США является ее направленность на то, чтобы публичные ценности воспринимались не как приоритетные по отношению к этническим, а как такие, по поводу которых в обществе сложился добровольный консенсус. В этом плане американский опыт позволяет уйти в трактовке публичных ценностей от формулы их обязательности [21].

Опыт ценностной политики в США представляет также практический интерес в плане определения того, кто является субъектом этой политики, тем более что в Российской Федерации, несмотря на появившиеся в последнее время практики предварительного публичного обсуждения различного рода нормативных документов, основным субъектом национальной политики выступают органы государственной власти федерального уровня, которые разрабатывают эту политику, как правило, без учета общественного мнения и сложившейся этнополитической ситуации в регионах. Американский опыт ценностной политики в этом плане базируется на принципах трипартизма, предполагающего обсуждение основных целей и направлений этой политики в рамках диалога государства, национального сообщества и этнических групп в контексте приоритета национальных интересов и ценностей.

В дискурсе ценностной политики в ФРГ прослеживаются две тенденции. Одна из них соответствует либеральным традициям, базирующимся на доктринально-нормативном регулировании межэтнических отношений в рамках Европейского Союза. Это регулирование основано

на принципах этнической толерантности и легальной возможности идентификации этнических групп в общеевропейском ценностном пространстве. Однако эти принципы и основанная на них структурная интеграция мигрантов в германское общество в настоящее время подвергаются критике, прежде всего, в контексте рассогласования общенациональных (гражданских) и этнических ценностей. Поэтому другая тенденция в дискурсе ценностной политики в ФРГ, непосредственно связанная с практиками межэтнического взаимодействия, базируется на концепции «коммунитарного мультикультурализма». Стратегия этой концепции, ориентируясь на практики прагматического управления межэтническими отношениями, предполагает конструирование публичных ценностей как основы гражданской солидарности, прежде всего, на муниципальном уровне и в сфере повседневного межэтнического взаимодействия. Эта стратегия, направленная на социальную интеграцию этнических мигрантов, предполагает также установление для них определенных этнокультурных ограничений с целью сохранения основ этой солидарности [22].

Выделение американской и германской моделей ценностной политики в сфере межэтнических отношений позволяет выделить как общие, так и особенные их черты. Общим является то, что эти модели базируются на равноправном диалоге государства, гражданского общества и этнических групп по поводу ценностного консенсуса в межэтнических взаимодействиях [23]. При этом американская модель предполагает расширение самостоятельности субъектов ценностной политики, однако предпочтение отдается, прежде всего, гражданским инициативам в контексте приоритета национальных интересов. В ФРГ, где ценностная политика воспринимается как альтернатива политической модели взаимодействия

государства и общества, приоритет отдается местным сообществам, которые воспринимаются как субъекты автономного действия в сфере саморегуляции межэтнических отношений. В этом плане германский опыт неформальных институциональных практик в сфере межэтнических отношений в рамках локальных сообществ вызывает особый интерес, поскольку в российском обществе уже оформился запрос на выработку «механизмов» саморегуляции межэтнических отношений на местном уровне [23], где наиболее значимыми являются повседневные практики взаимодействия представителей различных этнических групп. Кроме того, именно на уровне локальных сообществ обнаруживается эффективность муниципальных программ, реализуемых при финансовой поддержке региональных органов государственной власти и частных фондов, направленных на структурную интеграцию мигрантов в принимающее сообщество. Эти программы, охватывающие трудовую занятость представителей этнических групп, а также вопросы образования и культурного взаимодействия, должны быть направлены на преодоление всех видов и форм этнической дискриминации и способствовать реализации проектов по межэтническому сотрудничеству.

Деконструкция опыта ценностной политики в сфере межэтнических отношений в США и ФРГ обнаруживает сложности его имплементации в российских условиях, где основным субъектом национальной политики выступают органы федеральной государственной власти, а привлечение ее других субъектов во многом еще носит декларативный и, в лучшем случае, совещательный характер. Поэтому в России диалог государства, общества и этнических групп как основа ценностной политики пока с трудом пробивает себе «дорогу» в толще этатистского общественного

сознания и этнического недоверия, порожденного травматическим опытом межэтнических отношений 90-х гг. прошлого века. Кроме того, сложности имплементации зарубежного опыта ценностной политики обусловлены трудностями поиска легитимных публичных ценностей, по поводу которых в российском обществе может быть достигнут ценностный консенсус.

Вместе с тем деконструкция опыта ценностной политики в сфере межэтнических отношений в США и ФРГ позволяет выявить возможности имплементации в российских условиях некоторых ее идей и практических рефлексий. В связи с этим надо отметить, что национальная политика в Российской Федерации опирается в основном на административные и правовые ресурсы, что вполне оправдано в экстремальных ситуациях, но обнаруживает недостаточную эффективность в нормальных условиях. В этом плане возможность имплементации зарубежного опыта ценностной политики связана, прежде всего, с расширением диалогового пространства межэтнических отношений в России за счет усиления роли, с одной стороны, региональных органов государственной и муниципальной власти, с другой – политических, гражданских и этнических организаций, публичных лидеров как выразителей общественного мнения, а также ученых и экспертов.

Усиление этой роли должно проявляться как на стадии обсуждения доктринальных оснований ценностной политики, так и на стадии ее реализации на региональном и муниципальном уровнях с учетом специфики сложившихся в них межэтнических отношений. При этом важно подчеркнуть, что доступ этнических групп к национальному диалогу по проблемам межэтнических отношений в российском обществе, в том числе и в плане поиска легитимных публичных

ценностей, является важным фактором противодействия этнической анклавизации и этнополитическому сепаратизму.

Для России поиск публичных ценностей, направленных на консолидацию российского общества, связан с рисками, обусловленными как травматическим опытом межэтнического взаимодействия в прошлом, так и наличием в современном сознании этнических групп опасений по поводу того, что эти ценности могут стать основой их мягкой «русификации». В таких условиях ценностная политика должна быть «площадкой», открытой для дискуссий о соотношении национального и этнокультурного в развитии российского общества в контексте общности исторической судьбы народов Российской Федерации и ее территориальной целостности.

В плане формирования публичных ценностей в российском обществе может быть полезен опыт США, где в качестве таковых выступают нормы правовой культуры и идеи американской национальной исключительности. В российском государственно-организованном обществе существует дефицит правовой культуры, восполнить который можно с помощью ценностной политики, направленной на трансформацию рефлексивных структур ментальных программ социального поведения [24; 331-359]. Что касается идеи национальной исключительности, то эта идея, возникая в национальном самосознании, является атрибутом любой нации как экстравертного национального сообщества. Идеи национальной исключительности в России базируются, прежде всего, на представлении об особой ее духовной миссии в мире и стремлении к справедливости.

Опыт ФРГ, где в качестве публичных ценностей долгое время фигурировали ценности гражданского общества и демократической культуры, в настоящее время

нуждается в критическом осмыслении в связи с тем, что в условиях усиливающегося потока этнических мигрантов эти ценности перестали быть эффективным средством, препятствующим дезинтеграции германского общества. Однако гражданские ценности, понимаемые в российском обществе как ценности служения гражданина общему делу (национальной идее) [25], вполне могут стать публичными для различных этнических групп, связанных общей исторической судьбой и длительным совместным проживанием в рамках единого государства.

Возможности имплементации зарубежного опыта ценностной политики в сфере межэтнических отношений в российских условиях связаны также с необходимостью перехода от декларативной риторики дружбы народов к практическим действиям по осуществлению реальных программ межэтнического сотрудничества с учетом региональной и муниципальной специфики. Важным является также американский опыт, связанный с ограничениями на использование этничности как символического ресурса в политической и экономической сферах. Для России этот опыт полезен в том плане, что этнизация экономической и политической деятельности является обычным явлением в полиэтнических регионах [26].

Переход к ценностной политике в сфере межэтнических отношений в российском обществе предполагает формирование нового корпуса региональных и муниципальных управленцев, которые из проводников идей и исполнителей решений, спускаемых сверху, должны стать реальными субъектами национальной политики. Управленцы новой формации должны быть способными осуществлять диагностику и мониторинг межэтнических отношений, выявлять факторы этнической конфликтности, минимизировать риски межэтнической

напряженности, генерировать публичные ценности и формировать диалоговое пространство в сфере межэтнических взаимодействий, разрабатывать программы и организовывать неформальные институциональные практики межэтнического сотрудничества. В России для этого уже сложились благоприятные субъективные условия, поскольку на уровне ее высшего руководства в последнее время высказывается озабоченность тем, что в стране явно недостает профессионально подготовленных, грамотных специалистов в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений [27]. Особенно ценный опыт в этой области накоплен в ФРГ, где отлажена система подготовки таких специалистов на региональных и муниципальных уровнях [3; 274-293].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Деконструкция зарубежного опыта ценностной политики, акторами которой в сфере межэтнических отношений выступают государство, национальное сообщество и этнические группы, показала сложности его имплементации в российских условиях. Эти сложности связаны с тем, что основным субъектом национальной политики в России выступают органы федеральной государственной власти, а привлечение ее других субъектов пока еще носит ритуально-декларативный характер. Кроме того, диалогу государства, национального сообщества, этнонациональных образований и этнических групп препятствует этатистское общественное сознание и синдром этнического недоверия, связанного с травматическим опытом межэтнических отношений в российском обществе в 90-х гг. прошлого века. Сложности имплементации зарубежного опыта ценностной политики обусловлены также трудностями формирования публичных ценностей, легитимных не только для национального

сообщества, но и различных этнических групп.

В этом плане ценностная политика в российском обществе должна стать пространством формирования публичных ценностей в контексте, с одной стороны, общности национальных интересов и исторической судьбы народов России, с другой – возможности идентификации в качестве публичных ценностей норм правовой и гражданской культуры, а также идеи национальной исключительности.

Возможность имплементации зарубежного опыта ценностной политики в сфере межэтнических отношений предполагает переход в российском обществе от риторических деклараций к практическим действиям по осуществлению реальных программ сотрудничества в сфере межэтнических отношений, прежде всего, в локальных сообществах, направленных на преодоление различных форм этнической дискриминации, связанных, в том числе, с практиками этнизации экономической и политической сфер деятельности.

Переход к ценностной политике в сфере межэтнических отношений в российском обществе должен быть обеспечен подготовкой компетентных кадров, специалистов на региональном и муниципальном уровнях, а также системой постоянного мониторинга межэтнических отношений в региональных и локальных сообществах.

В целом выявление возможностей имплементации зарубежного опыта ценностной политики в сфере межэтнических отношений в российском обществе позволяет избавиться от административного синдрома, осознать ограниченность только правовых «механизмов» регулирования межэтнических отношений и перейти к коммуникативной модели национальной политики. Эта политика, расширяя диалоговое пространство межэтнических отношений, предполагает усиление

роли всех ее субъектов, как в ходе принятия доктринальных оснований ценностной политики, так и в процессе ее реализации на региональном и муниципальном уровнях с учетом специфики сложившихся в локальных сообществах межэтнических отношений. В этом плане доктринальные основания ценностной политики выступают рамочным концептом институциональных практик в локальных сообществах. Тем самым ценностная политика в сфере межэтнических отношений будет способствовать преодолению противоречий между задачами, с одной стороны, связанными с национальной интеграцией,

с другой – направленными на поддержание и развитие этнокультурного многообразия в российском обществе.

Ценностная политика в сфере межэтнических отношений, предполагающая активное вовлечение всех ее субъектов в разработку и реализацию национальной политики в России с учетом специфики этих отношений на местном уровне, обеспечит повышение взаимной ответственности органов государственной и муниципальной власти, а также локальных сообществ, в том числе и входящих в них этнических групп, за состояние межэтнических отношений.

Примечания:

1. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995.
2. Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations // *International Socialogy*. 1999. Vol. 13, No 1. P. 25-40.
3. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. 316 с.
4. Вялых Н.А. Национальная политика в современной России как предмет научных исследований // *Гуманитарий Юга России*. 2016. № 6. С. 159-168.
5. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (Российской нации) // *Вестник БИСТ*. 2013. № 5 (21).
6. Кузиванова О.Ю. Национальная политика России: институциональное измерение // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2014. № 6 (72). С. 111-113.
7. Шабаев Ю.П., Садохин А.П. Стратегические вызовы и локальные модификации в реализации государственной национальной политики Российской Федерации // *Вестник Российской нации*. 2014. № 6.
8. Виноградова Е.А., Носова Н.П. Реализация современной национальной политики в Российской Федерации: проблемы и противоречия // *Academy*. 2016. № 6. (9). С. 106-109.
9. Тинкуев М.Н. Формирование и регулирование межнациональных отношений: на примере Республики Дагестан: дис. ... канд. социол. наук. М., 2012.
10. Гранин Ю.Д. От самосознания к идентичности. Проект «Российская нация» должен быть завершен // *Независимая газета*. 2017. 23 марта. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-03-29/11_6960_nacia.html
11. Волкова А.В. Публичные ценности и система государственного управления в России. СПб: СПбГУ, 2013.
12. Коровникова Н.А. Аксиологические аспекты государственного управления // *Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник*. М.: ИНИОН РАН. 2013. Вып. 8 (часть 2).
13. Ильинская С.Г. Толерантность. М., 2007.
14. Лубский А., Посухова О. Проекты нациестроительства и модели национальной интеграции в России // *Власть*. 2016. № 8. С. 39-47.

15. Придатыко Е.П. Миграционная политика и межэтнические отношения США и Канады как важные составляющие мультикультурализма // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2011. № 2. С. 45-48.

16. Денисова Г.С. Ценностная политика Российской Федерации в сфере гармонизации межэтнических отношений // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 7. С. 164-170.

17. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012.

18. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>.

19. Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Политика мультикультурализма в США: оценка эффективности и возможности имплементации в российских условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 146-152.

20. Sanneh L. Disciples of all Nations. New Haven, 2008.

21. Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. 2012. № 4-5.

22. Achkasov V., Rozanova M. Migrant's Adaptation and Cultural Integration into Urban Multicultural Society: a Case Study of St. Petersburg // OMNES. 2013. Vol. 4, No 1. P. 1-31.

23. Лубский А.В. Методология социального исследования. М.: ИНФРА-М, 2017. 54 с.

24. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. 392 с.

25. Лубский А.В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 42-59.

26. Лубский А.В. Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.

27. Заседание Совета по международным отношениям. 31 октября 2016 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173>.

References:

1. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Ed. By M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995.

2. Robertson R., Knondker H. Discourses of globalization: Preliminary considerations // International Sociology. 1999. Vol.13. No 1. P. 25-40.

3. Value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in economically developed countries with a complex ethno-cultural structure: a monograph / ex. ed. by Yu.G. Volkov. Rostov-on-Don: Science and Education Fund, 2015. 316 pp.

4. Vyalykh N.A. National policy in modern Russia as a subject of scientific research // The Humanitarian of the South of Russia. 2016. No. 6. P. 159-168.

5. Zorin V.Yu. The Strategy of the State National Policy of the Russian Federation: Traditions and new approaches to strengthening the unity of the multinational people of Russia (the Russian Nation) // Bulletin of BIST, 2013. No. 5 (21).

6. Kuzivanova O.Yu. National policy of Russia: an institutional dimension // Ethno-society and interethnic culture. 2014. No. 6 (72). P. 111-113.

7. Shabayev Yu.P., Sadokhin A.P. Strategic challenges and local modifications in the implementation of the state national policy of the Russian Federation // Bulletin of the Russian Nation, 2014. No. 6.

8. Vinogradova E.A., Nosova N.P. Realization of modern national policy in the Russian Federation: problems and contradictions // Academy. 2016. No. 6. (9). 106-109.
9. Tinkuev M.N. Formation and regulation of interethnic relations: based on the Republic of Dagestan: Diss. for the Cand. of Sociology degree. M., 2012.
10. Granin Yu.D. From self-consciousness to identity. The project of “The Russian Nation” should be completed // Nezavisimaya gazeta. 03/29/2017. [Electronic resource]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-03-29/11_6960_nacia.html.
11. Volkova A.V. Public values and the system of public administration in Russia. SPb: SPbSU, 2013.
12. Korovnikova N.A. Axiological aspects of public administration // Russia: trends and prospects for development: a yearbook. Iss. 8 (Part 2). M.: INION RAS. 2013.
13. Ilinskaya S.G. Tolerance. M., 2007.
14. Lubsky A., Posukhova O. Projects of national construction and models of national integration in Russia // The Power. 2016. No. 8. P. 39-47.
15. Pridatko E.P. Migration policy and interethnic relations between the USA and Canada as important components of multiculturalism // Bulletin of Yaroslavl State University of P.G. Demidov. 2011. No. 2. P. 45-48.
16. Denisova G.S. The value policy of the Russian Federation in the sphere of harmonization of interethnic relations // Social and humanitarian knowledge. 2016. No. 7. P. 164-170.
17. Popov F.A. Geography of secessionism in the modern world. M.: New chronograph, 2012.
18. Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025. [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512>.
19. Posukhova O.Yu., Serikov A.V., Chernous V.V. Politics of multiculturalism in the USA: assessment of the effectiveness and possibility of implementation in Russian conditions // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. No. 11. P. 146-152.
20. Sanneh L. Disciples of all Nations. New Haven, 2008.
21. Drobizheva L.M. Russian identity and consent in interethnic relations: the experience of 20 years of reforms // Bulletin of the Russian Nation. 2012. No. 4-5.
22. Achkasov V., Rozanova M. Migrant's Adaptation and Cultural Integration into the Urban Multicultural Society: a Case Study of St. Petersburg. Petersburg // OMNES. 2013. Vol. 4. N 1. P. 1-31.
23. Lubsky A.V. Methodology of social research. M.: INFRA-M, 2017. 154 pp.
24. Mental programs and models of social behavior in the Russian society: a monograph / ex. ed. by A.V. Lubsky. Rostov-on-Don: Science and Education Fund, 2016. 392 pp.
25. Lubsky A.V. Civil patriotism: the compatibility of patriotism and civic consciousness in the Russian society // Humanitarian of the South of Russia. 2017. No. 1. P. 42-59.
26. Lubsky A.V. Conflictogenic factors in the South of Russia: Methodology of research and social realities / ex. ed. by V.V. Chernous. Rostov-on-Don: Publishing house of SKNTs VSh, 2005.
27. Meeting of the Council on Interethnic Relations. October 31, 2016. [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173>.

УДК 316.334.5:81
ББК 60.562.5
К 89

А.В. Кузнецова,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной литературы Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79034060614, e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

И.А. Петрулевич,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79034060614, e-mail: iapetrulevich@sfedu.ru

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГОРОДСКОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ МИФА

(Рецензирована)

Аннотация. Городской текст рассматривается гуманитарной парадигмой в различных ракурсах, которые позволяют утверждать, что он способен описывать языковое, ономастическое, архитектурное, ментальное, социокультурное пространства. Избранный исследовательский вектор диктует обращение к какому-либо из заявленных пространств, однако рядовой горожанин имеет дело с комплексом городских текстов, оперирующих различными семиотическими системами. Семиотические коды требуют достаточной компетентности для декодирования городских текстов, в том числе и в координатах мифологизации. Семиозис городского текста определяют две конститутивные сферы: город как пространство (топос) и город как имя. Городской текст приобретает признаки мифа в двойственности мироотношения. Интертекстуальность и интердискурсивность городского текста манифестированы в его семантической структуре и культурных кодах, благодаря которым индивид реинтерпретирует значимую для него информацию. Вербализация городского текста осуществляется на различных уровнях: организация городского пространства основана на опознаваемости и вычленении различных объектов топоса, лингвокогнитивный уровень позволяет структурировать когнитивную схему такого пространственного объекта. Образы улиц и других архитектурных объектов представляют в данном случае «смысловые» узлы городского текста, которые, в частности, репрезентированы с помощью предлогов и наречий в характеристике ориентирования в городском пространстве.

Ключевые слова: городской текст, мифологизация, концентрический тип, эксцентрический тип, постмодерн, мифопоэтическая структура, гипертекст, семиозис.

A.V. Kuznetsova,

Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of National Literature, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79034060614, e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

I.A. Petrlevich,

Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Special Historical Disciplines and Document Science, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79034060614, e-mail: iapetrlevich@sfedu.ru

REINTERPRETATION OF THE CITY TEXT IN ASPECT OF THE MYTH

Abstract. The city text is regarded by a humane paradigm in various aspects which allow claiming that it is capable to describe language, onomastic, architectural, mental and sociocultural spaces. The chosen research vector dictates the address to any of the declared spaces, however, the ordinary citizen deals with a complex of the city texts operating with various semiotics systems. Semiotics codes demand sufficient competence for decoding city texts, including in mythologization coordinates. Semiosis of the city text is defined by two constitutive spheres – the city as space (topos) and the city as a name. The city text gets myth signs in duality of the attitude to the world. The intertextuality and an interdiscursivity of the city text are demonstrated in its semantic structure and cultural codes thanks to which the individual reinterprets information, significant for him. Verbalization of the city text is carried out at various levels: the organization of city space is based on recognition and exarticulation of various objects of topos, and lingual cognitive level allows structuring and fixes the cognitive scheme of such spatial object. Images of streets and other architectural objects represent in this case “semantic” knots of the city text which, in particular, are represented by means of prepositions and adverbs in the characteristic of orientation in city space.

Keywords: City text, myth, mythologization, concentric type, eccentric type, archetype, postmodern, mythopoetic structure, hypertext, semiosis.

Социокультурный процесс рубежа XX-XXI вв. характеризуется постепенной утратой значимости оппозиции *бытие – сознание*, следствием чего становится утверждение приоритетности представлений о тексте как первичном феномене, а поиск границ текста и реальности актуализирует эвристический потенциал существующих концепций социологии, культурологии, филологии и других гуманитарных наук. Эпоха постмодерна предлагает радикальное решение данной проблемы: всё, что в социальном опыте позиционировано как реальность, является текстом, который и есть несомненная реальность.

Теоретическую значимость в русле постмодернистских теорий и эстетических практик приобретает активное осмысление мифа и процесса мифологизации. Отметим в этой связи правомерность тезиса, выдвинутого Ю.М. Лотманом и З.Г. Минц и отчасти объясняющего такой «культурный мифоцентризм»: «узко специальные работы по изучению мифа и обряда в этнологии и фольклористике <...> или анализ

мифолого-ритуальной природы искусства в литературоведении оказались и порождением общей «неомифологической» устремленности культуры XX века, и стимуляторами всё новых обращений к мифу в искусстве» [1; 51].

Теория мифа, интенсивно развивающаяся в гуманитарной парадигме [2-12], формирует и интерес к мифопоэтическим структурам как в эстетической когнициии, так и в координатах лингвокультур и социальной деятельности. Благодаря развитию ритуально-мифологической школы в критике и литературоведении осуществляется обратное влияние теорий мифа и архетипа на гуманитарные науки в целом в плане маркирования универсалий духовной культуры, прежде всего, вследствие их освобождения от трансперсональной психологической семантики.

Мифопоэтическими структурами по своей природе являются различные виды гипертекстов как актуальные объекты исследования современных наук культурологического и социологического циклов.

Отметим в этой связи, что таким гипертекстом представляется и городской текст. Целью исследования является рассмотрение городского текста в аспекте мифа; методология определяется объектом и предметом исследования и представляет собой синтез методов наблюдения, лингвистического эксперимента, культурологического анализа и сравнительно-сопоставительного, дедуктивно-индуктивного методов. Источником исследования служит реинтерпретация городского текста на рубеже XX-XXI вв. в культурологическом и социолингвистическом аспектах на материале его функционирования в современной гуманитарной парадигме и обыденном языковом сознании говорящих.

Семиозис городского текста формируется двумя конститутивными сферами, в которых город осмысливается как пространство (топос) и как имя. Таким образом, город рассматривается как текст, приобретающий мифологические черты в развитии собственного пространства в двойственности мироотношения. Процесс мифологизации осуществляется в топосе городского текста двух типов – концентрическом и эксцентрическом городах. Первый – это город на горе, он вечен, не имеет конца [13; 9] и является «моделью» Вселенной. Второй характеризуется окраинным местоположением в культурном пространстве. Именно второй тип активизирует реинтерпретацию городского текста в аспекте мифа, эсхатологического в своей основе, т.к. центр такой мифологии составляет идея обреченности города. В эксцентрическом городском тексте стихия и культура оппозитивны, т.к. он амбивалентен в своей основе: «...Концентрические структуры тяготеют к замкнутости, выделению из окружения, которое оценивается как враждебное, а эксцентрические – к разомкнутости, открытости, культурным контактам» [14; 291]. Так, московский городской текст имеет

концентрический характер, тогда как Санкт-Петербург – эксцентрический город. Однако существуют и города, имеющие признаки обоих типов городских текстов. На наш взгляд, городской текст Ростова-на-Дону сочетает в себе оба типа, с одной стороны, «вечный», постоянно возрождающийся, имеющий особую витальность в социокультурном процессе, с другой – трактуемый как обреченный, постоянно противостоящий неблагоприятному климату, явлениям природы (степные ветры, пыльные бури, неблагоприятная экология, связанная с бурным развитием городской экономики, расположенные близко к поверхности водоносные слои, препятствующие строительству в произвольно выбранной точке городского пространства без грамотно проведенной геодезической разведки и т.п.). Такая «двойная призма» сообщает необходимость обоснования существования городского текста Ростова-на-Дону посредством мифологизации: «...реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в генератор новой информации. Источником таких семиотических коллизий является не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно» [13; 14-15].

Проблематика изучения городского текста продиктована трансформацией национального

самосознания, которая приводит, в конечном счете, к осмыслению города как категории культуры и целостного семиотического пространства. Городской текст в таком аспекте впервые рассматривается Н.П. Анциферовым применительно к образу Петербурга [15; 14]. Исследователь акцентирует внимание на особом воздействии городского текста как живого организма на жизненный сюжет горожан. Научно-поэтический исследовательский метод, предложенный Н.П. Анциферовым, позволяет изучать петербургский текст как многоуровневый феномен, имеющий провиденциальный смысл для русской культуры. Координаты петербургского текста включают петроградский и ленинградский подтексты, которые обусловлены контекстом эпохи, что, в свою очередь, детерминирует индивидуальные картины мира, культурогенез и прочие значимые явления. Отечественная культурология обращается к изучению различных городских текстов – московского, северного, лондонского и пр.

Филология изучает городской текст как феномен вербальной культуры [13, 14]. Городской текст представляет собой в самом общем виде то, «что город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. Эти тексты составляют особый круг. Они самодостаточны: их составители знают, что нужное им не может быть передоверено официальным текстам «высокой» культуры» [14; 368]. В.Н. Топоров указывает, что «срок жизни этих текстов короток, и время поглощает их – сразу же, если сказанное не услышано и не запомнено. <...> Лишь немногие классы этих текстов могут рассчитывать на годы, десятилетия или даже столетия существования. <...> Но скоротечность

жизни подобных текстов в значительной степени уравнивается тем, что время не только стирает тексты, но и создает и репродуцирует новые, так или иначе восстанавливающие учитываемые образцы, или же если эти тексты, хотя бы и не вполне адекватно, успевают быть схвачены на лету литературой» [14; 368].

Н.Г. Самарина определяет структуру городского текста, включающую следующие компоненты: городской топонимика; городская инфраструктура; экономика, транспортная система; архитектурные сооружения, локусы (структурные составляющие городского топонима); достопримечательные и памятные места и события; городское население в совокупности их социокультурных характеристик; значительные в культурном, экономическом отношении личности горожан; городская мифология; городской фольклор [16; 82]. Особая динамика означаемого и означающего в семиозисе городского текста, по мнению Л.Е. Трушиной, позволяет говорить о сложном характере их взаимодействия, когда «означающие начинают создавать потоки смысла, а означаемые расщепляются и сами становятся означающими» [17]. Изучая дискурс мегаполиса, Э. Соья именуется новые тенденции в архитектуре города радикальным терминологическим сочетанием «конец географии» [18].

Отметим, что семиозис городского текста имеет интертекстуальный характер, что само по себе продуцирует условия мифологизации: семиосфера города, включающая отдельные городские тексты, продуцирует имплицитную интертекстуальность, которая фиксирует культурную память о предшествующих контекстах: таковы маркеры архитектурных стилей и изменений конструкции в облике зданий, многочисленные перекрестные отсылки к прецедентным феноменам, свойственным конкретному городу

(городская топонимика, дискурсивные практики горожан и пр.).

Городской текст также интердискурсивен: различные семиотические системы в своем взаимодействии продуцируют новые связи и устанавливают новые отношения, формирующие, в конечном счете, мифологическую модель современного городского текста. Процесс интердискурсивности характеризуется совокупностью значимых признаков: открытость, процессуальность, динамичность, нелинейность.

По мнению К. Линча, автора работ по теории зрительного восприятия города, читаемость, вообразимость и целостность образа города детерминированы когнитивными свойствами субъекта восприятия и качеством архитектурно-планировочных решений по организации предметного облика города. Исследователь выдвигает совокупность условий, продуцирующих «работающий образ»: 1) опознаваемость объекта, предполагающая его различие среди других; 2) пространственная соотнесённость объекта с наблюдателем или другими объектами; 3) значение объекта, включающее прагматическое отношение и эмоциональное переживание индивида по поводу воспринимаемого фрагмента городской среды [19; 20]. Данные условия должны характеризовать как субъект, так и объект восприятия.

Вербализация городского текста характеризуется наличием различных уровней. Так, опознаваемость и вычленение различных объектов топоса организует пространство города в целом, а языковое сознание индивида фиксирует когнитивную схему такого пространственного объекта. «Смысловыми» узлами в данном случае выступают образы улиц и других архитектурных объектов, что вербализуется посредством предлогов и наречий при характеристике ориентирования в городском пространстве. По результатам

лингвистического эксперимента, проведенного в ходе настоящего исследования, коренной ростовчанин употребляет наречия «вниз» и «вверх», ориентируясь в центре города по отношению к реке Дон: по направлению к реке, на юг – вниз, обратное направление, в город, на север – вверх. Те же наречия употребляются в ориентировании по отношению к железнодорожному вокзалу и в обратном направлении: в первом случае – вниз, во втором – вверх. Оба примера употребления обусловлены перцептивным опытом горожан: Ростов-на-Дону расположен на правом высоком берегу реки Дон, а вокзал находится на более низком уровне по отношению к горизонтальной линии центра города, что также обусловлено его расположением в месте течения реки Темерник, притока Дона. Для городского текста, продуцируемого сознанием индивида как представителя социо- и лингвокультурного коллектива, важно также представление некоей ядерной структуры, центр которой составляет объект, наиболее значимый в культурном и личностном отношении. Такие объекты представляют собой культурные доминанты города (для Ростова-на-Дону это Кафедральный собор Рождества Пресвятой Богородицы (архитектор К.А. Тон), монумент первоконникам (скульптор Е.В. Вучетич), Гвардейская площадь, памятник «Тачанка-ростовчанка» (руководитель коллектива А.А. Скнарин), памятник Стачке 1902 года (скульптор А.А. Скнарин) и т.п.). Собственная мифология города манифестирована, прежде всего, в том, как горожанин воспринимает свой город, в том числе и в сопоставлении со столицами – Москвой и Петербургом. Так, ростовчане именуют свой город «Парижем юга России», «Воротами Кавказа», подчеркивая его культурную и стратегическую значимость в общероссийском пространстве (при закреплённости,

разумеется, за Ростовом-на-Дону одиозного «Ростов-папа»).

Универсальные базовые когнитивные доминанты вербализации городского текста манифестируют внешнее и внутреннее пространства, а также пространственные координаты «верх – низ», «впереди – сзади – сбоку», «лево – право», которые, в свою очередь, помогают интерпретировать городской текст, а также продуцировать миф города как универсальную онтологическую модель.

Город воспринимается как текст, декодирование которого происходит как на основе восприятия пространственных форм и их взаимоотношений, так и в результате реинтерпретации городского текста

в аспекте мифа, который создается и функционирует в сознании горожан. Семиозис городского текста осуществляется в когнитивной сфере индивида, который, к тому же, является представителем социо- и лингвокультурного коллектива. Перцептивный опыт позволяет горожанам структурировать топос городского текста, культурные нормы и их эмоционально-оценочное переживание создают фундамент транслирования городского текста и его модифицирования в процессе мифологизации. Воспринимая действительность через культурные тексты, индивид действует согласно результатам интерпретации и реинтерпретации таких семиотических систем.

Примечания:

1. Лотман Ю.М., Минц З.Г. Литература и мифология // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 546. Труды по знаковым системам - 13. Тарту, 1981. С. 35-55.
2. Фрейд З. Толкование сновидений. Минск: Харвест, 2004. 216 с.
3. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М.: АСТ: Neoclassic, 2012. 587 с.
4. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
5. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск: Харвест, 2005. 400 с.
6. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. СПб: Питер, 2002. 352 с.
7. Юнг К.Г. Психология бессознательного: пер. с англ. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
8. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточ. лит., 1996. С. 6-73.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
10. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
11. Фрай Н. Анатомия критики. М.: Директ-Медиа, 2007. URL: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36199> . На рус. яз.
12. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 528 с.
13. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Таллин: Александра, 1992. 478 с.
14. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 623 с.
15. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга [Репринтное воспроизведение изданий 1922, 1923, 1924 гг.]. М.: Книга, 1991. 328 с.
16. Самарина Н.Г. Науки о культуре. М.: МГПИ, 2010. 132 с.
17. Трушина Л.Е. Интерпретация визуальных текстов городского пространства. URL: <http://anthropology.ru>

18. Соля Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6. С. 133-150.

19. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

References:

1. Lotman Yu.M., Mints Z.G. Literature and mythology // Proceedings of Tartu University. Iss. 546. Proceedings on sign systems – 13. Tartu, 1981. P. 35 55.

2. Freud Z. Interpretation of dreams. M.: Harvest, 2004. 216 pp.

3. Freud Z. Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion. M.: AST, Neoclassic, 2012. 587 pp.

4. Jung. K.G. Archetype and symbol. M.: Renaissance, 1991. 304 pp. (Series of Pages of Philosophical Thought).

5. Jung C.G. Soul and myth. Six archetypes. M.: Harvest, 2005. 400 pp.

6. Jung C.G. The problems of the soul of our time. SPb: Piter, 2002. 352 pp. (Series of Psychology and Classics).

7. Jung C.G. Psychology of the unconscious / Transl. from English. 2nd ed., M.: Kogito-Center, 2010. 352 pp.

8. Durkheim E., Moss. M. On some primitive forms of classification // Moss M. Societies. Exchange. Person: Works on social anthropology. M.: Eastern Literature, RAS, 1996. P. 6-73

9. Levy-Bruhl L. Primitives and the Supernatural. M.: Pedagogika-Press, 1994. 608 pp.

10. Levi-Strauss K. Primitive thinking. Transl., introductory. art. and references by A.B. Ostrovsky. M.: Republic, 1994. 384 pp.: illustrated. (Thinkers of the 20th century).

11. Frye N. Anatomy of criticism. M.: Direct-Media, 2007. URL: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=36199>. In Russian.

12. Frazer J. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion / Transl. from English by M.K. Rykhlin. M.: TERRA-Book Club, 2001. 528 pp.

13. Lotman Yu.M. Selected articles: In 3 vol. Tallin: Alexandra, 1992. Vol. 2. 478 pp.

14. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic: Selected works. M.: Progress-Culture, 1995. 623 pp.

15. Antsiferov N.P. The soul of Petersburg. Petersburg of Dostoevsky. The facts and the myth of Petersburg [Reprinted reproduction of publications in 1922, 1923, 1924]. M.: Kniga, 1991. 328 pp.

16. Samarina N.G. The sciences of culture. M.: MSPI, 2010. 132 pp.

17. Trushina L.E. Interpretation of visual texts of urban space [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.ru>

18. Soya E. Postmetropolis. Critical studies of cities and regions // Logos. 2003. No. 6. P. 133-150.

19. Lynch K. The image of the city / transl. from English by V.L. Glazychev; comp. by A.V. Ikonnikov. M.: Stroyizdat, 1982. 328 pp.

УДК 316.34(470.47)
ББК 60.524.56(=64)
Н 88

А.М. Нуксунова,

*аспирант Института социологии Российской академии наук, г. Москва,
тел.: +79275963627, e-mail: October83@list.ru*

«ТВЕРДЫЕ» И «ТЕКУЧИЕ» ТИПЫ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫХ КАЛМЫКОВ

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье анализируются особенности формирования «твердых» и «текучих» типов идентичности молодых калмыков. Акцентируется внимание на том, что изучение взаимоотталкивающихся/взаимопроникающих тенденций в становлении идентичности молодых калмыков возможно при анализе «сферы между» культурой и обществом.

Ключевые слова: «твердый» тип идентичности, «текучий» тип идентичности, молодые калмыки, этнокультура, «сфера между».

A.M. Nuksunova,

*Post-graduate student of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences,
Moscow, ph.: +79275963627, e-mail: October83@list.ru*

“FIRM” AND “FLUID” IDENTITY TYPES OF YOUNG KALMYKS

Abstract. This paper analyzes features of formation of “firm” and “fluid” identity types at young Kalmyks. The author shows that the mutually repelled / interpenetrating tendencies in formation of identity at young Kalmyks can be studied at the analysis of “spheres between” culture and society.

Keywords: “Firm” type of identity, “fluid” type of identity, young Kalmyks, ethnoculture, “the sphere between”.

Проблема сохранения этнической идентичности малочисленных народов в условиях ускорения энтропийного эффекта глобализационных процессов обретает особое значение для всех социальных категорий, однако в первую очередь затрагивает молодежь. И как справедливо замечают современные социологи, в начале XXI века в мире наблюдается нарастание хаотизации, турбулентности, нелинейности социальной жизни [1]. Это подтверждается появлением новых акцентов в интерпретации идентичности и процессов самоидентификации людей, которые сводятся к следующим тезисам:

– изменения идентичности возможны только в рамках изменения социальных структур и социальной эволюции (Ю. Хабермас [2]);

– устойчивый характер идентичности и противоречивость процесса обретения утраченной идентичности (А.Б. Гофман [3]);

– необходимость сочетания концепта гражданской идентичности с идеей развития этнических культур и идентичностей, формулируя проблему их интерактивной динамики (Л.М. Дробижева [4]);

– нарастающая актуальность полиидентичности (З.Т. Голенкова [5]);

– динамика самоидентификации в условиях восходящей и нисходящей мобильности (М.Ф. Черныш [6]);

– самоотжественность личности и ее способность изменить свою самоидентификацию в новых условиях (Э. Гидденс [7]);

– обоснование понятия «текучности» современного социального, консьюмеризм как контекст формирования самоидентификации личности в условиях «текучей» современности (З. Бауман [8]);

– незавершенность процесса самоидентификации в современных условиях в силу его постоянной подверженности воздействию внешних факторов, а также социальной травме и ее последствиям (П. Штомпка [9]);

– идентичность как предмет микросоциологии, которая изучает малые группы (Г. Тэджфел, Дж. Тернер [10]);

– обоснование понятия «процессуальности» как «непрерывного процесса нахождения «смысла себя», процессуальное сохранение самоотжественности и отличия от других, поиска смысла жизненных ориентаций» (Н.Н. Федотова [11]);

– тесная связь идентичности и доверия при решении задачи консолидации российского общества (П.М. Козырева, А.И. Смирнов [12]).

С 1991 г. в социологическом изучении идентичности калмыков развиваются направления, связывающие возрожденческие процессы с их «твердой» и «текучей» формами. Изучение этих форм позволяет выявить противоречивый способ формирования идентичности молодых этнических калмыков. Это противоречие является признаком транслокальности возрожденческих процессов в Калмыкии и является мощным двигателем социокультурного развития республики. Оно способствует развитию гражданского диалога между культурой и обществом, находится в

менталитете каждого калмыка и проявляется в различных формах самоорганизации.

Ракурс исследования этих типов как способов формирования идентичности основан на:

– изучении «сферы между» подавлением калмыцкой этнокультуры советской властью и идеализацией возрожденческих процессов – сложного и противоречивого социокультурного и смыслового пространства, в котором нарастают как линейные, так и нелинейные процессы [13];

– изучении противоречивого единства современной идентичности молодых калмыков, полюсами которой являются, с одной стороны, стабильные идентичности с линейной динамикой, а с другой стороны – нестабильная, меняющаяся, процессуальная идентичность (поздний Э. Гидденс, З. Бауман, Н.Н. Федотова), размывающая «твердую» идентичность как абсолют. Это противоречивое единство возникает как социокультурная альтернатива и тенденции русификации калмыцкой культуры, и ее этнокультурной изоляции.

«Твердая» идентичность молодых калмыков рассматривается как исторически сложившаяся форма калмыцкой культуры и как заданная самой историей калмыцкого народа. Доминирование этого типа идентичности действительно ведет к реконструкции в менталитете калмыцкой молодежи древних культурных стереотипов (добуддийских религиозных обрядов, старокалмыцкого языка, противопоставления калмыцкого патриотизма российскому), но по существу ограничивает возможности этнических молодых калмыков интегрироваться в демократические процессы в России и адаптироваться к современной рыночно-демократической мировой культуре.

Формирование идентичности – это непрерывный процесс нахождения «смысла себя», процессуальное

сохранение самотождественности. Отсюда «текущую» идентичность можно понять как процессуальную (Н.Н. Федотова). Логика формирования идентичности ведет молодого калмыка к более устойчивому отождествлению себя с членом новой социальной группы, в которой доминирует неустойчивая, изменчивая, формирующаяся, «текущая» социальная идентичность. Новое направление не отменяет традиционного, но существенно его дополняет. «Текущий» тип идентичности стремится объединяться в таких молодежных организациях, которые стараются адекватно отвечать требованиям современности (публичности, конкуренции, диалогичности). Изучение «текущей» идентичности основано на представлении о нелинейной социальной динамике.

Логика формирования идентичности молодых калмыков также формируется под влиянием двойственной природы исторически сложившихся культурных факторов, выражающихся через оппозиции «Я калмык – Я россиянин» и «Я калмык – Я гражданин мира». Она обусловлена также влиянием двух тенденций в развитии современного калмыцкого общества: через оппозицию «твердая» идентичность – «текущая» идентичность. «Твердая» идентичность определяется как традиционная, не изменяемая, нацеленная на сохранение исторически сложившихся форм калмыцкой культуры, а «текущая» – как изменяемая, «процессуальная», по Н.Н. Федотовой, нацеленная на возрождение калмыцкой культуры в современных быстро меняющихся формах.

В настоящее время назрела острая необходимость диагностировать сопутствующие проблемы, угрозы, которые в целом несут позитивные попытки этнокультурного и гражданского синтезов – усиление этнокультурного локализма, этноцентризма, опасности

национализма. Это может мешать молодым калмыкам интегрироваться в российское общество и мировую культуру.

Существуют взаимоотталкивающиеся/взаимопроникающие тенденции в формировании идентичности этнических молодых калмыков: *этнокультурная*, замыкающая калмыка на языковой и религиозной специфике этноса, и *общечеловеческая, гражданская*, выводящая калмыка за пределы своего этноса и идентифицирующая его с общероссийскими и общечеловеческими ценностями.

Этнокультурная составляющая происходит из потребности социокультурного саморазвития молодых калмыков. Гражданская составляющая происходит из конституционного права калмыков говорить на родном языке и пользоваться им в повседневности, осуществлять свободное вероисповедование, свободно организовываться в гражданские организации. Это право зафиксировано в Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ, Декларации ООН по правам человека 1948 г. и Степном Уложении Республики Калмыкия. Предложенный комплексный подход исходит из того, что этнокультурная составляющая идентичности молодых калмыков подпитывает ее гражданскую составляющую [14; 32].

Этнокультурная составляющая идентичности калмыцкой молодежи формируется, в том числе, благодаря ее участию в граждански ориентированных программах самоорганизации населения в возрожденческих процессах, где идентичности «я – житель Калмыкии» (96%), «я – гражданин РФ» (82%) и «я – калмык» (97%) [14; 20] находят общую базу проводимой региональной политики.

Различия в этих трех самоопределениях сегодня по существу довольно размыты, что не способствует развитию возрожденческих процессов в Калмыкии.

Овладение калмыками родным и позволят Калмыкии и Российской Федерацией успешно модернизировать процесс взаимопроникновения этих самоопределений на новом основании.

Примечания:

1. Кравченко С.А. Куда идет развитие мировой социологии? // Социс. 2007. № 1. С. 6-13.; Он же. К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социс. 2008. № 2. С. 3-9; Он же. Кризис: пересмотр инструментария для определения вектора изменений (к итогам XI конференции социологов Европы) // Социс. 2014. № 4. С. 148-151.

2. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практика, 2010. С. 18.

3. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 241-254.

4. Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.; Она же. Российская идентичность и межэтническая толерантность // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф, 2010; Она же. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: РОССПЭН. 2013.

5. Голенкова З.Т. Полиидентичность в условиях трансформирующегося общества // Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы междунар. науч. симпозиума, г. Москва, 27-28 ноября 2012 г. М.: Издательский дом МЭИ, 2012. С. 60-67.

6. Черныш М.Ф. Социальная идентификация претерпевающих восходящую и нисходящую мобильность // Социальная идентификация личности. М.: Институт социологии РАН, 1993.

7. Гидденс Э. Социология: учебник. Челябинск, 1991. С. 15-19.

8. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 113-120.

9. Штомпка П. Социальные изменения как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.

10. Tajfel H., Turner J.C. The social Identity Theory of Inter-Group Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986.

11. Федотова Н.Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: Культурная революция, 2012. 200 с.

12. Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф, 2010. С. 160-199.

13. Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М.: Мысль. 2012; Он же. Социокультурный анализ социальной динамики России (Предмет и основы методологии). М.: Гуманитарий, 2012.

14. Нуксунова А.М. Отчет социологического исследования «Современная калмыцкая молодежь: формирование идентичности». Элиста; М., 2015. 120 с.

References:

1. See Kravchenko S.A. Where is the development of world sociology going on? // Socis. – 2007. – No. 1. P. 6-13; The same author. Towards the results of the 8th conference of the European Sociological Association: thematic, theoretical and methodological innovations // Socis. – 2008. – No. 2. P. 3-9; The same author. Crisis: revision of the instrumental means for determining the vector of changes (on

the results of the 11th conference of European sociologists) // *Socis.* – 2014. – No. 4. P. 148-151.

2. Habermas Ju. The problem of legitimization of late capitalism. M.: Praxis, 2010. P. 18.

3. Gofman A.B. In search of the lost identity: traditions, traditionalism and national identity // *Issues of social theory*, 2010. Vol. IV. P. 241-254.

4. Drobizheva L.M. Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience of 20 years. M.: New chronograph, 2013; The same author. Russian identity and interethnic tolerance // *Social factors of consolidation of the Russian society: a sociological dimension*. M.: New chronograph, 2010; The same author. Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today and tomorrow. M.: ROSSPEN. 2013.

5. Golenkova Z.T. Polyidentity in the conditions of the transforming society // *Civilization. Modernization. Identity: proceedings of the international scientific symposium (Moscow, November 27-28, 2012)*. M.: Publishing house of MEI, 2012. P. 60-67.

6. Chernysh M.F. Social identification of those who undergoes ascending and descending mobility // *Social identification of the individual*. M.: Institute of Sociology of the RAS, 1993.

7. Giddens E. *Sociology: a textbook*. Chelyabinsk, 1991. P. 15-19.

8. Bauman Z. *An individualized society*. M.: Logos, 2002. P. 113-120.

9. Sztompka P. Social changes as a trauma (article one) // *Sociological studies*. 2001. No. 1 P. 6-16. (Transl. by A.Yu. Moiseev, N.V. Romanovsky).

10. Tajfel H., Turner J.C. *The social identity of the Inter-Group Behavior // Psychology of Intergroup Relations* // Chicago: Nelson-Hall, 1986.

11. Fedotova N.N. *The study of identity and contexts of its formation*. M.: Cultural revolution, 2012. 200 pp.

12. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Trust and its role in the consolidation of the Russian society // *Social factors of consolidation of the Russian society: a sociological dimension*. M.: New chronograph, 2010. P. 160-199.

13. Davydov A.P. *Non-political liberalism in Russia*. M.: Mysl. 2012. The same author. *Sociocultural analysis of the social dynamics of Russia (Subject and foundations of methodology)*. M.: Humanitarian, 2012.

14. Nuksunova A.M. Report of the sociological research of “The modern Kalmuk youth: the formation of identity.” Elista-Moscow. 2015. 120 pp.

УДК 316.322
ББК 60.524.225
П 14

В.М. Палий,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79184379923, e-mail: palyvitaly@gmail.com

ФРАГМЕНТЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК К ИССЛЕДОВАНИЮ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИОЛОГИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье исследуются возможности оценки эффективности властных отношений на основе традиционной и современной методологии анализа их места в системе структурообразующих признаков. Предпринята попытка объяснения трансформационной коммуникации власти и общества в традициях и стереотипах научного познания. Рассмотрены актуальные для современной социологии варианты комплексного применения методологии общественнознания в причинно-следственных зависимостях формирования и оценки человека, общества, института власти.

Ключевые слова: социология, философия, научная методология, социальная структура, социальная трансформация, власть, человек, общество.

V.M. Paly,

Candidate of Law, Senior Lecturer of Department of Penal Law and Criminology, Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, ph.: +79184379923, e-mail: palyvitaly@gmail.com

FRAGMENTS OF METHODOLOGICAL PREREQUISITES TO A RESEARCH OF THE RELATIONS OF POWER IN SOCIOLOGY

Abstract. The paper is concerned with the possibilities to assess efficiency of the relations of power on the basis of traditional and contemporary methodology of the analysis of their place in system of structure-forming signs. An attempt is made to explain transformational communication of the power and society in traditions and stereotypes of scientific knowledge. Options of complex application of methodology of social science, urgent for modern sociology, are considered in cause and effect dependences of formation and assessment of the person, society, and institute of the power.

Keywords: Sociology, philosophy, scientific methodology, social structure, social institute, social transformation, power, person, society.

История общественнознания в высочайшей степени насыщена идеями и проектами грядущего совершенствования человеческого общества. Наиболее часто научный и практический эффект обретения новых социально значимых ценностей связан с идеями трансформации общества, преобразования его структур и институтов. Здесь

несомненна актуальность поиска вариантов решения задач, обусловленных новыми формулировками и смыслами феномена человека, его призвания, роли в общественном устройстве и познании окружающего мира. Наряду с этим, концепции и конструкции целостности и универсальности требуют постоянного обновления методологических возможностей в исследовании трансформируемого общества и структур власти. Для социологии общественных трансформаций актуальны разнонаправленные фрагменты научного поиска, образующие исторический фон современной методологии исследования реального всеединства научной теории и эмпирии для обозначения перспектив проблемной коммуникации власти и общества. Так, в установках метафизики мы встречаем значительное количество вариантов аргументации дуализма божественного и земного в сознании и бытии человека. В то же время в истории культуры и общества примеры разной степени успешности «обожествления» власти, отдельных её носителей встречаются достаточно часто.

В своё время, рассматривая человеческое общество в трактовках его идеальности и гармонии, В.С. Соловьёв выделяет в социальном пространстве динамику трёх основных сил, определяющих его историю и перспективы развития. Классик философии всеединства отмечает, что, «Первая стремится подчинить человечество во всех сферах и на всех ступенях его жизни одному верховному началу, в его исключительном единстве стремится смешать и слить всё многообразие частных форм, подавить самостоятельность лица, свободу личной жизни... Вместе с этой силой действует другая, прямо противоположная; она стремится... дать везде свободу частным формам жизни, свободу лицу и его деятельности. Всеобщий эгоизм и анархия, множественность отдельных единиц без всякой внутренней

связи – вот крайнее выражение этой силы... Необходимо присутствие третьей силы, которая даёт положительное содержание двум первым, освобождает их от исключительности, принимает единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов, созидает таким образом целость общечеловеческого организма...» [1; 20].

Таким образом, размышляя о возможностях преодоления крайних форм социальной организации, а именно тоталитарного насилия и высвобожденной анархии, В.С. Соловьёв устанавливает их кризисную конкуренцию и содержательно определяет первые две в статусе «отрицательных сил». Соответственно третья сила рассматривается в динамике рациональной социальной организации, комплексного вектора, обеспечивающего приоритеты гуманистических ожиданий и ценностных установок. В контексте нашей темы – для гармонизации отношений власти и общества в условиях трансформации.

Исследования истории государств, стран и народов позволяют аргументировать выделенное исходное классическое предположение достаточным количеством фактического и теоретического материала на примерах от древнейших до современных цивилизаций. Так, ранние общества принято рассматривать в формате структурной целостности и взаимной зависимости. Но при этом здесь определяется высокая степень подверженности рискам различного масштаба и интенсивности кризисного давления. В свою очередь, последующие эпохи обращены к новому пониманию перспектив выживания и плодотворного развития общества и населения. Современные установки массового сознания прямо связаны с актуальной динамикой возвышения собственных интересов каждого индивида. По указанным обстоятельствам нарастает

понимание позитивных перспектив по специфическому запросу к формату гражданских свобод, сопровождаемых эмпирическими определениями по факту новых достижений в культуре, экономике, в науке и технике. Очевидно, что по условиям трансформирующегося общества рассматриваемым процессам препятствует объективная непропорциональность развития основных сфер жизни как глобального, так и региональных социумов. Однако идеологии индивидуальной свободы, гражданской ответственности, как ожидания новых горизонтов социальной справедливости и уверенности, развиваются активно и устойчиво закрепляются в массовом сознании. Это достаточно отчётливо наблюдается в современных научных, правовых, хозяйственных, религиозных и национально ориентированных установках социальной динамики и трансформации.

В представлениях ранее цитируемого автора поступательное развитие культуры, воплощённой в многообразии социальных институтов, должно привести к возникновению «идеального общества». Однако за успех такого варианта развития человечеству придётся расплатиться утратой идеологии бесконечности перспектив, поскольку идеальное состояние общества станет воплощением достигнутой окончательной цели развития. Впрочем, мы можем предположить, что такая установка В.С. Соловьёва не отражает глубину и масштабы идей автора, так как не представлена в дальнейших разработках классика. Тем не менее, анализируемый подход к выдвиганию и методологическому осмыслению проблемы институциональной трансформации допускает, что несовершенство общества, определяемое условиями и спецификой его структурирования, имеет длительную и довольно неясную перспективу преодоления. Тем самым прогностическое содержание в исследовании общества,

его институтов остаётся наполненным актуальными смыслами, предстающими в формате выбора путей преодоления ограничений, обусловленных обособлением сфер его жизнедеятельности.

По нашему мнению, актуальность такого подхода для современных установок развития трансформирующегося общества очевидна в высокой степени научного институционального прогнозирования. В своё время В.С. Соловьёв рассматривал историческое обоснование несовершенства общества по признакам противостояния друг другу фрагментов духовного бытия и религиозного осмысления мира. Развивая этот подход, мы полагаем, что современные акценты в определении социальной реальности значительно усилены противостоянием власти и социальных институтов, даже с учётом того, что власть, управление и администрирование имманентно склонны институционализироваться и изыскивать варианты поддержания целостности и комфортной для себя стабильности, неизменности.

Тем не менее, общим контекстом для аргументированной научной оценки власти в структуре социальных институтов трансформирующегося общества остаётся специфическая солидарность, формирующая сферу общественного союза, сферу знания и сферу творчества (В.С. Соловьёв). Таким установкам, по мнению классика, в наибольшей степени соответствуют воля, мышление и чувства, как основные и наиболее действенные слагаемые социализации индивида для общественной жизни.

Позже российский философ Г.Г. Шпет развивает актуальную для рассматриваемой проблемы теорию личностного начала как абсолютно конкретного, противоположного всеобщему и абстрактному понятию субъектности. Признание реальности конкретного личностного начала обязывает

власть, общество и науку рассматривать индивида в его самодостаточности, то есть в комплексе подлежащих обязательному удовлетворению гуманитарно ориентированных свобод, ожиданий, гарантий права на самореализацию. Соответствующая аргументация предполагает, что «...всякое Я... не есть, по крайней мере, только единство переживаний и сознания, а есть скорее то, что отличается единство сознания от другого единства» [2; 106].

Вероятностные подходы мы полагаем актуальными в статусе методологических предпосылок к исследованию разнообразия вариантов взаимоотношений власти и институтов трансформирующегося общества. В сфере «общественного союза», который В.С. Соловьёв также иногда называл «сферой практической деятельности», принято выделять экономическое общество, политическое общество и духовное (священное) общество (церковь) [3; 203]. Такой подход позволяет В.С. Соловьёву аргументировать «троичность», предполагающую феноменальность положительной (позитивной) науки, философии и теологии. Соответственно, по установкам постоянного обновления научного знания и опыта как в методологии, так и в конструкциях сферы знания. В сфере творчества классик выделяет такие составляющие, как «техническое искусство», «изящное искусство» и мистику как чувственное восприятие человеком высшего начала. Отметим, что такая систематизация позволяет рассматривать состав элементов общества в конструкциях структурных связей различной интенсивности. Для нашей темы в выделенных классических подходах непосредственный методологический интерес представляет прогностический вывод о свободном и органичном синтезе самостоятель-

ных «цельных» (В.С. Соловьёв) форм жизни общества.

В современных трактовках эта концепция позволяет развить классическую идею, оформленную следующим тезисом: «...в идеальном обществе все члены общества составляют не границы друг для друга, а внутренне восполняют друг друга в свободном единстве... в обществе духовном» [4; 588]. Признание специфики социальной «разделённости» осмысливается в современной методологии социологического исследования институциональных трансформаций как сущностный комплексный признак причинности, позитивности, оригинальности в динамике формирования и изменения общества, его институтов, в том числе института власти, для современного осмысления которого мы находим у В.С. Соловьёва указание на «источник зла», моделируемый в непропорциональной материальной разделённости объектов социального мира. Соответственно, актуальные для современных исследований власти и общества представления и выводы предыдущих учений предполагают обращение к идеальным построениям в распределении методологических усилий по условиям обеспечения достоверности результатов социологического анализа институциональных трансформаций. И несмотря на то, что объективно человеческая история даёт мало оптимизма для веры в возможность преодоления материальной, интеллектуальной, статусной, ролевой разделённости людей.

Тем не менее, признание окончательной утопичности идеи о перспективах стирания материальных границ не рассматривается как окончательное. В стремлении к развитию современных ему традиционных концепций познания, С.Л. Франк предлагает оригинальные варианты нового объяснения и понимания таких направлений,

элементов, как натурализм, идеализм, ощущения, идеи, понятия, трансцендентности акта познания в целом. По Франку, всеединство абсолютного бытия обращено не менее чем к двум направлениям в преодолении скрытых противоречий научного познания и духовного творчества. С одной стороны, это мистицизм отвлечённого знания. С другой – реальность нашего мира, само бытие [3; 374]. Уместно предположить, что в перспективах методологии социологического исследования властных отношений, трансформация общества охватывает конкретное, ограниченное пространство жизни и деятельности, передаваемое человеку в его опыте. Здесь акт соединения личности с бытием разворачивается в процессуальной последовательности трансцендентальных и имманентных характеристик институциональной сферы общества. Соответственно, методологические установки познания в рассматриваемой сфере должны быть подчинены совокупности предметно обособленных определённости, которые формируют рациональные, логические подходы в сфере актуального знания. «Понятие как таковое есть определённость... Всякая определённость означает часть и даёт часть, даже если она охватывает целое; ибо частный характер её лежит не в её содержании, а в самой её форме...», – пишет С.Л. Франк [5; 243].

Так, классик полагает, что общество нельзя однозначно объяснить через процессы трудовой коммуникации, производственных или обменных отношений, как и отношений собственности (К. Маркс). Также критику со стороны С.Л. Франка вызывают стихийные процессы в содержании закономерностей психического взаимодействия на уровне индивидов или групп (Г. Зиммель). Не удовлетворяют классика русской философии и подходы Г. Спенсера, объяснявшего

общество через органическую взаимосвязь и единство индивидов в проекциях единства органов, обеспечивающих существование и развитие любого живого организма. Актуальная для нашей темы методологическая идея С.Л. Франка состоит в обосновании социальной природы через проблемы в соотношении отдельной личности и духовной целесообразности общества. Главным образом через развёртывание диалектики индивидуального и всеобщего.

Таким образом, современная социология в исследовании институтов трансформирующегося общества достаточно легитимно опирается на методологический базис, составленный конструкциями общественных явлений, позволяющими систематизировать отношения личности и общества, индивида с другими людьми и группами. «Общество, – пишет С.Л. Франк, – есть... подлинная целостная реальность, а не производное объединение отдельных индивидов; более того, оно есть единственная реальность, в которой нам конкретно дан человек» [6; 53].

Как отмечает И.И. Евлампиев: «Например, власть как общественный феномен выражается, по Франку, в том, что люди в своём общении принимают некоторую модель отношений, которой они следуют в своей жизни; если все члены общества по какой-то причине внезапно отвергают эту модель, этот образец поведения, то власть в то же мгновение уничтожается, и общество оказывается в состоянии безвластия» [3; 59].

В качестве комплексного вывода по данному материалу отметим, что изменения в институциональных трактовках социальных перемен затрагивают не только формальные параметры этого процесса, но и содержательные характеристики в перспективах отношений власти, общества, человека.

Примечания:

1. Соловьёв В.С. Три силы // Собр. соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Правда, 1989.
2. Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Издательская группа Прогресс, 1994. 376 с.
3. Евлампиев И.И. История русской метафизики в 19-20 веках. Русская философия в поисках абсолюта. Часть 1. СПб: Алетейя, 2000. 414 с.
4. Соловьёв В.С. Критика отвлечённых начал // Собр. соч. в 2-х т. Т. 1. М.: Правда, 1989.
5. Франк С.Л. Предмет знания. М.: Наука, 1995. 656 с.
6. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.

References:

1. Solovyov V.S. Three powers // Solovyov V.S. Coll. of works in two volumes. – M., 1989. Vol. 1.
2. Shpet G.G. Philosophical sketches. – M.: Progress Publishing Group. 1994.
3. Evlampiev I.I. History of the Russian metaphysics in the 19th – 20th centuries. Russian philosophy in search of the absolute. Part 1. – SPb: Aleteya, 2000.
4. Solovyov V.S. Criticism of abstract principles // Solovyov V.S. Coll. of works in 2 vol. – M., 1989. Vol. 1.
5. Frank S.L. The subject of knowledge. – M.: Nauka, 1995.
6. Frank S.L. Spiritual foundations of the society. – M.: Respublika, 1992.

УДК 316.7
ББК 60.563.0
П 30

В.Н. Петров,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, тел.: +79181580222, e-mail: vlad socio2007@rambler.ru

ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН – О КРИЗИСЕ ЧУВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА

(Рецензирована)

Аннотация. Статья тематически ориентирована на изучение богатейшего творческого наследия российско-американского социолога – Питирима Александровича Сорокина. В качестве конкретного направления исследовательского внимания определена теория кризисов в ее приложении к социальным явлениям и процессам. Раскрыты общетеоретические компоненты теории кризисов, показаны структурные и процессуальные характеристики этого явления в работах П.А. Сорокина. Конкретное проявление кризисных явлений, их глубина и разрушительная сила, переход в катастрофы и дальнейший выход социокультурной системы в новое состояние изучены на материале широкомасштабных теоретических построений и доказательных фактических данных в основополагающих научных работах П.А. Сорокина.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, творческое наследие, теория социальных кризисов, социокультурные суперсистемы, чувственная культура.

V.N. Petrov,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of Department of Sociology, Kuban State University, Krasnodar, ph.: +79181580222, e-mail: vlad socio2007@rambler.ru

PITIRIM ALEKSANDROVICH SOROKIN ABOUT CRISIS OF SENSUAL CULTURE OF THE WESTERN SOCIETY

Abstract. The paper focuses thematically on studying the rich creative heritage of the Russian-American sociologist – Pitirim Aleksandrovich Sorokin. The theory of crises in its annex to the social phenomena and processes is defined as the specific direction of research. General theoretical components of the theory of crises are disclosed, and structural and procedural characteristics of this phenomenon in P.A. Sorokin's works are shown. Specific manifestation of the crisis phenomena, their depth and destructive force, transition to accidents and a further way of sociocultural system to a new state are studied on the basis of material of large-scale theoretical constructions and evidential factual data in fundamental scientific works of P.A. Sorokin.

Keywords: Pitirim Aleksandrovich Sorokin, creative heritage, theory of social crises, sociocultural supersystems, sensual culture.

П.А. Сорокин, изгнанный в 1922 г. из России Советской властью и возвеличивший Родину в США, страстный публичный социолог, блестящий ученый и организатор науки, великий мыслитель и пророк XX века, оставил богатейшее творческое наследие в виде оригинальных теоретических концептов. В данной статье предлагается исследование одного из направлений неисчерпаемого разнообразия творческих идей научной социологической мысли П.А. Сорокина – теория кризиса чувственной культуры в современном ему западном обществе. Источником изучения методологических обоснований этой теории и ее эмпирической характеристикой стали его работы, обращенные к проблематике данного социального феномена: «Социальная и культурная динамика», «Кризис нашего времени», «Человек и общество в бедствии»; «СОС: значение нашего кризиса», «Листки из русского дневника», «Долгий путь» и другие.

Общие положения теории кризисов П.А. Сорокина. Социальный кризис рассматривается П.А. Сорокиным как появление и развитие различных деформаций социальных явлений, их состояний и специфических процессуальных изменений. Сами по себе деформации проявляются в искажении, полной или частичной утрате заданных социальных свойств и качеств, в ценностной дезориентации, в нарастании дисфункциональности социальных институтов и интенсификации явлений дезорганизации. Эти изменения могут быть поняты как нарушение и отклонение от сложившегося и устоявшегося нормативного и причинно обусловленного порядка. Деформации происходят на уровне личностей, групп и общностей людей, в социально-институциональном пространстве, в экономике, политике, в социокультурной сфере. Деформации социальной реальности становятся

характеристикой определенного социального времени («смутное время» – в начале XVII в).

Исследуя современную ему общественную ситуацию, П.А. Сорокин указывает на бесконечное многообразие непрекращающихся больших и малых кризисов: политических, аграрных, финансовых, промышленных, кризисов производства и распределения, моральных и религиозных, кризисов в науке и искусстве, собственности, государства, семьи, предпринимательства, республики и монархии, автократии и демократии, диктатуры и самоуправления, капитализма и социализма, фашизма и коммунизма, национализма и интернационализма, пацифизма и милитаризма, консерватизма и радикализма, наконец, кризис всей системы ценностей нашей культуры. «Каждый из этих кризисов являл собой, так сказать, часть большой ужасающей симфонии, и каждый был замечателен своей силой и интенсивностью» [1; 787].

С присущей ему литературно-художественной образностью П.А. Сорокин вводит понятие «кризисные фестивали», указывает на их оркестры и хоры. Этот фестиваль, считал он, в XX веке начался с 400-миллионного китайского оркестра в 1911 г., затем продолжился кризисами режимов и стран в Европе, а с конца 1929 г. разразился в США. Оглушительный военный марш был исполнен духовым оркестром из многих сот наций в Первой мировой войне. Не успел еще закончиться этот фестиваль, как русский оркестр в составе почти 160 миллионов виртуозов разыграл свою собственную вариацию под названием «коммунистическая революция» [1; 787].

Совокупность кризисных явлений, достигших пика своей разрушительной силы, квалифицируется П.А. Сорокиным как катастрофа. Осмысливая революционные события в России 1917 года, он хорошо

понимает, что российское общество, не успев толком выйти из катастрофического кризиса, вызванного падением царского самодержавия, сразу же погружается в пучину кризиса, создаваемого двоевластием. Один за другим следуют кризисы, вызванные беспомощностью и бездействием Временного правительства, его откровенными просчетами и ошибками в политике и действиях. Эти кризисы углубляются и масштабируются: неопределенностью будущего государственного устройства России; разлагающейся и выходящей из повиновения армией, требующей мира; растущим напряжением в среде крестьянства, мечтающим получить землю; усугублением продовольственного снабжения; радикализацией требований и действий большевиков, подкрепленных созданием Военно-революционных комитетов в воинских полках и вооруженных формирований в виде красногвардейских отрядов [2; 82 -112].

Вместе с тем общественные кризисы и происходящие в результате их разрушительной силы катастрофы не являют собой конец истории ни человечества в целом, ни его отдельных общностей и групп. Кризисы представляют собой особые переходные состояния социальной реальности, в которых резко проявляется острота противоречий между отжившим и уходящим, отмирающим старым и становящимся новым, а также противоречий в самом становящемся новым.

Периоды перехода от одной фундаментальной формы культуры и общества к другой, когда рушится здание старой культуры, а новая структура еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся почти полностью «атомизированными» и конфликт между ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым, неизбежно порождает борьбу особой интенсивности, отмеченную широчайшей вариативностью форм.

В рамках общества она принимает в дополнение к другим конфликтам форму роста преступности и жестокости наказаний, особенно взрыва бунтов, восстаний и революций. В ряде обществ она проявляет себя в виде международных войн. Еще одним следствием переходных периодов является рост душевных болезней и самоубийств. Неизбежным следствием кризисных процессов является рост дезинтеграции и дезорганизации во всей общественной системе [3; 358].

Кризис чувственной культуры – фаза в процессах флуктуации базовых ценностей культурных суперсистем. Одной из центральных проблем научного поиска П.А. Сорокина стала теоретическая разработка теории флуктуации определенных состояний культуры. На огромном историческом и современном фактическом материале он детальнейшим образом исследовал, типологизировал и классифицировал содержание и формы культурной ментальности. Отвергая линейный подход в исследовании социальных явлений и процессов, на множестве конкретных фактов и примеров он доказал, что флуктуация культур – это исторический процесс, в котором происходит утверждение, распространение и практическая реализация выделенных им типов культуры (чувственная, идеациональная и промежуточная им – идеалистическая).

Каждая из базирующихся на этих культурных основах суперсистем обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом «святости», собственными представлениями правого и недолжного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими нравами, законами, кодексом поведения, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической

организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением [4; 258].

Культурная ментальность рассматривается П.А. Сорокиным как сфера внутреннего опыта, включающая разум, ценности и смысл [1; 56]. Определяющее влияние на формирование и существование базовых ценностей культурной ментальности идеационального и идеалистического вида оказывают религиозные учения. Связывая созидательный альтруизм (Любовь) с идеациональной культурой, ученый подчеркивал: «Если на один момент мы представим христианство устраненным из исторической жизни, социальных институтов и культуры Запада; конфуцианство, даосизм и буддизм — из жизни и культуры Китая; индуизм, буддизм и джайнизм — из социокультурного универсума Индии — только хаотическая масса развалин останется от культуры, социальных институтов и исторической жизни этих стран. Без этико-религиозных систем вся история становится непонятной» [1; 251].

Смена состояний флуктуационной синусоиды, процессы перехода от одного качественного содержания к другому неизбежно находят свое выражение в совокупности явлений, свидетельствующих о кризисе уходящей культуры и трудностях становления и утверждения идущей на смену.

В теории П.А. Сорокина кризис, переживаемый в современную ему эпоху, практически глобального масштаба — это «кризис чувственной культуры, которая господствовала в западном мире в течение последних пяти столетий и ныне достигла состояния перезрелости. Вместе с тем это кризис тесно связанного с ней договорного (капиталистического) общества» [1; 786]. Рассматривая противоречия, порожденные чувственной культурой, в качестве источника современного

кризиса, П.А. Сорокин, тем не менее, подчеркивал, что его теория «не предрекает ни неизбежной смерти, ни упадка западной культуры и общества. Признавая закат нынешней чувственной фазы и вероятность мучительного перехода, она вместе с тем показывает и возможность рождения новой величественной идеациональной или идеалистической культуры, нового общества и человека» [1; 793]. «Возможность упадка, — заключал П.А. Сорокин, — нынешней культурной фазы не наполняет меня пессимизмом. Каким бы глубоким ни был современный кризис — а он значительно глубже, чем думают большинство людей, — после трудного переходного периода смутно видится не пучина смерти, а горная вершина жизни, с которой открываются новые горизонты созидания и обновленный вид вечных небес» [1; 29-30].

Указывая на перспективы выхода из кризиса, П.А. Сорокин обозначил их в названии одной из глав «Социальной и культурной динамики» так: «Сумерки нашей чувственной культуры и ближайшие перспективы. Кризис... Катарсис... Харизма... И Воскресение» [1; 880-887]. Поскольку, по убеждению ученого, это способ, посредством которого была преодолена большая часть предыдущих великих кризисов, данный путь должен увенчаться благополучным исходом. Наступит время, когда «народы Запада войдут в конструктивный период новой, более интегралистской суперсистемы». Что касается сроков реализации своих прогнозов, то Сорокин был уклончив в их определении. Часто употребляемое им понятие «age» переводится как время, эпоха, век, но конкретно ответа на вопрос, сколько будет длиться эта переходная эпоха, эпоха кризиса, и какое время еще предстоит проявляться негативным кризисным последствиям, в работах ученого нет.

П.А. Сорокин теоретически и на прочном фундаменте эмпирических фактов обосновал глобальной значимости вывод о кризисе, переживаемом современными ему модернизированными обществами: «Человечество должно быть благодарно чувственной культуре за ее замечательные достижения. Но теперь, когда она пребывает в агонии, когда ее продукт – это скорее отравляющий газ, чем свежий воздух, когда, благодаря своим достижениям, она вручила человеку ужасающую власть над природой, обществом и культурой, не обеспечив его при этом ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами, инстинктами, – теперь в руках такого человека со всеми достижениями ее науки и техники, она становится чрезвычайно опасной и для самого человека, и для всех его ценностей» [1; 793].

Ученый-пророк в своей глубоко проникнутой конкретикой теории предрекал: наступление царства умственной, моральной, эстетической и социальной анархии; нарастание атомизации чувственных ценностей; падение значения «общественного мнения» и «мирового сознания»; утрату в договорах и соглашениях остатков обязывающей власти; превращение грубой силы в право и, как результат этого, масштабные социальные конфликты, потрясения и катастрофы; вырождение свободы и превращение ее в миф, лишение неотъемлемых прав; кратковременные правительства создадут условия для замены: бомбы вместо хлеба, смерть вместо свободы, насилие вместо закона, разрушение вместо созидания; продолжение распада семьи; превращение чувственной суперсистемы культуры в базар, где она станет «местом культурного демпинга». Место настоящих мыслителей и ученых займут посредственности, одна вульгарнее другой; количественная гигантомания вытеснит

качественную утонченность; мышление заменится «поиском информации»; величайшие культурные ценности прошлого подвергнутся унижению; творческие способности чувственной ментальности станут убывать; уменьшится безопасность жизни и имущества; произойдет раскол среди населения на гедонистов, аскетов и стойков [1; 880-883].

Надежду на выход из общественного кризиса П.А. Сорокин связывал с новым человеком, носителем идеациональной и идеалистической культур, которому «можно будет доверить то стоящее, что создано чувственной культурой. При современном уровне развития техники он сумел бы построить культуру и общество менее бедное и несчастное, не знающее ни личной, ни сословной ненависти, более благородное, справедливое, человеческое и более благочестивое, чем наше чувственное общество в его нынешней фазе» [1; 794]. Правда, при этом, в сорокинской теории остается без ответа вопрос: как в процессе катарсиса явится миру и станет доминирующим в нем этот новый человек? Он искал его в примерах жизни «добрых соседей», в богослужебном подвижничестве святых и священномучеников, в собственном кредо отношения к другим и тому, что стало судьбой. «Чтобы ни случилось со мной в будущем, – заключал он написание «Листков из русского дневника», – я уверен, что три вещи останутся навсегда убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни была она тяжелой, – это самая прекрасная, удивительная и чудесная вещь в мире. Только посвятив ее служению долгу, можно сделать ее счастливой и, тем самым, наполнить душу необоримыми силами, чтобы служить идеалам – таково мое второе убеждение. И, наконец, в-третьих, я убежден, что жестокость, ненависть и несправедливость никогда не были и никогда не будут способны построить на земле Царство Божие» [5; 233-234].

Примечания:

1. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
2. Сорокин П.А. Долгий путь: автобиографический роман: пер. с англ. Сыктывкар: СЖ Коми ССР: Шыпас, 1991. 304 с.
3. Сорокин П.А. Кризис нашего времени (Глава VI) // Американская социологическая мысль / под общ. ред. В.И. Добренкова. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. 557 с.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 349 с.
5. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2015. 848 с.

References:

1. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics / Pitirim Alexandrovich Sorokin: transl. from English, introductory article and comments by V.V. Sapov. M.: Astrel, 2006. – 1176 pp.
2. Sorokin P.A. A Long Journey: an autobiographical novel: transl. from English. Syktyvkar: SZh Komi SSR, MP “Shypas”, 1991. 304 pp.
3. Sorokin P.A. The crisis of our age (Chapter VI) // American sociological thought. M., 1996.
Texts / transl.; general ed. by I.N. Dobrenkov. M.: Intern. University of Business and Management, 1996. 557 pp.
4. Sorokin P.A. Person. Civilization. Society / general ed., comp. and introductory article by A.Yu. Sogomonov: Transl. from English. M.: Politizdat, 1992. 349 pp.
5. Sorokin P.A. Leaflets from the Russian diary. Sociology of Revolution / Comp., prep. of the text, introd. art. and comments by V.V. Sapov. Syktyvkar: LTD Anbur, 2015. – 848 pp.

УДК 316.77:364.4-053.2

ББК 60.524.224.67

П 87

Е.Б. Птущенко,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры прикладной математики, информационных технологий и информационной безопасности Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184261863, e-mail: shavilova@mail.ru

Р.Р. Батмитова,

магистрант факультета социальных технологий и туризма Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79182269008, e-mail: shavilova@mail.ru

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

(Рецензирована)

Аннотация. Информационные технологии сформировали новую сложную техническую, технологическую, информационную и культурную реальность в образовании. Использование данных технологий позволяет успешно социализироваться детям с особыми нуждами в современном мире. Целью статьи является проведение аналитического обзора использования информационных технологий и эффективных методов социальной работы с детьми с ограниченными возможностями. Рассмотрен ряд общих и специальных технологий обучения детей с ограниченными возможностями для их социальной адаптации в информационном обществе. Выделены основные принципы дистанционного обучения. Показана главная его особенность – дифференцированное обучение. Представлены современные интерактивные информационные технологии дистанционного обучения, их полная открытость и позитивные возможности в повышении интереса учащихся к изучаемому предмету, с применением электронных информационных ресурсов: книг, учебников, мультимедиа-энциклопедий, пособий, сборников, исторических источников. Данные ресурсы облегчают и ускоряют работу в обучении, помогают более оперативно и объективно руководить обучающим процессом. В результате выявляется, что информационные, компьютерные, сетевые и интерактивные технологии способны быть для детей с ограниченными возможностями не только источником динамической цифровой информации, но и комфортным средством обучения и познания.

Ключевые слова: информационные технологии, дистанционное обучение, программно-технические средства, интерактивные технологии, кейс-технологии, сетевые интернет-технологии, модульные технологии, электронный информационный ресурс.

Е.В. Ptuschenko,

Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Applied Mathematics, Information Technologies and Information Security, Adyge State University, Maikop, ph.: +79184261863, e-mail: shavilova@mail.ru

R.R. Batmitova,

Master's Degree Student of Faculty of Social Technologies and Tourism, Adyge State University, Maikop, ph.: +79182269008, e-mail: shavilova@mail.ru

EXPEDIENCY OF MAKING USE OF ADVANCED INFORMATION AND COMPUTER TECHNOLOGIES IN SOCIAL WORK WITH CHILDREN WITH DISABILITIES

Abstract. Information technologies have created new complex technical, technological, information and cultural reality in education. Use of these technologies allows children with disabilities to be successfully socialized in the modern world. This paper aims to carry out the state-of-the-art review of information technologies and effective methods of social work that are used in teaching children with disabilities. A number of the general and special technologies of training of disabled children for their social adaptation in information society are considered. The basic principles of distance learning are marked out. Its main feature is the differentiated training. Modern interactive information technologies of distance learning are presented. Their full openness and positive opportunities, with application of electronic information resources: books, textbooks, multimedia encyclopedias, education manuals, collections of papers, historical sources, etc. increase interest of pupils in the studied subject. These resources facilitate and accelerate work in training, help to direct training process more quickly and objectively. As a result it is inferred that information, computer, network and interactive technologies are capable to be for children with disabilities not only a source of dynamic digital information, but also the comfortable tutorial and knowledge.

Keywords: Information technologies, distance learning, program technical means, interactive technologies, case technology, network Internet technologies, modular technologies, electronic information resource.

В современном информационном обществе человек должен обладать не только неким объемом знаний и компетенций, но и уметь учиться: искать и находить необходимую информацию, использовать разнообразные источники информации для решения профессиональных проблем, постоянно приобретать дополнительные знания.

Развитие информационных технологий характеризуется быстрым изменением концептуальных представлений, технических средств, методов и сфер применения. В связи с тем, что с каждым годом кардинально изменяются информационные технологии и информационная среда в целом, обществу необходимы люди, обладающие информационно-технологической компетентностью, способные

обучаться, самостоятельно работать с информацией, тогда и только тогда они смогут рассчитывать на успех в информационном обществе [1; 169].

Именно информационные технологии являются не только средством развития теоретической подготовки индивидуумов, но и практическим закреплением, средством подготовки их к жизни в информационном обществе, а также к будущей профессиональной деятельности и, как следствие, к достижению максимально возможного качества этой деятельности.

В глоссарии по информационному обществу дается следующее определение: «Information Technology (eng), информационные технологии (или сокращенно ИТ) – это совокупность методов, производственных процессов, программно-

технических и лингвистических средств, интегрируемых с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации в интересах ее пользователей» [2; 61].

Информационные технологии включают в себя практически большую часть в области генерации, хранения, трансляции и восприятия информации. При этом они не ограничиваются исключительно технологиями электронно-вычислительных машин. Однако именно компьютерные технологии (в том числе Интернет) берут на себя всё больший объем информационно-технологической коммуникации.

В России, как и в других цивилизованных странах мира, одной из главных задач общества является создание условий жизни для детей с особыми нуждами. Таким детям в силу своей ограниченности трудно самореализоваться, получить образование и развить свой собственный потенциал в современном информационном обществе.

Многие ученые-социологи, преподаватели школ и вузов, решая проблемы организации социальной адаптации детей с ограниченными возможностями, предлагают различные методики обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий. Как отмечает Т.В. Гудина, «технические возможности современных персональных компьютеров позволяют работать на них инвалидам, и детям-инвалидам в том числе, практически с любыми физическими патологиями». Инновационные достижения в сфере компьютерных технологий позволяют как слабовидящим, так и незрячим использовать компьютер в образовательных целях. Одной из таких инноваций являются тактильные (брайлеровские) дисплеи, которые отображают текстовую информацию в виде шеститочечных символов азбуки Брайля. Владение навыками работы на персональном компьютере

дает возможность людям с ограниченными возможностями независимо интегрироваться в информационном обществе. Что позволяет определиться с выбором будущей специальности [3; 10].

По мнению А.Н. Попова, «в настоящее время информационные технологии играют важную роль в формировании и повышении роли и качества образования, активно внедряются во все сферы социально-политической и культурной жизни» [4;1].

Роль информационных технологий отражается во многих государственных документах, дается определение, виды и методы использования. Согласно ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «информационные технологии – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов» [5].

Многие виды информационных технологий используются в образовательном процессе. Как отмечает В.А. Чистяков, в сфере образования информационные технологии использовались всегда, а в настоящее время складывается многоуровневая система представления информации, в которой тесно взаимодействуют традиционные и новые информационные технологии [6; 5].

На сегодняшний день одной из приоритетных целей российского образования является решение задачи обучения детей с особыми нуждами и их социальная адаптация в информационном обществе. Информационные технологии в силу широкого спектра действия используются в социальной работе с детьми с ограниченными возможностями, помогая им получить полноценное образование.

Существует множество различных систем, методов и методик применения информационных и

компьютерных технологий в обучающей среде для детей с особыми нуждами. Одна из них – дистанционное обучение, которое подразумевает получение образования с использованием компьютерных сетей, в том числе и Интернета.

Система дистанционного обучения базируется на следующих принципах:

- активность в познавательной деятельности;
- регулярность применения полученных знаний (решение конкретных практических задач);
- интерактивность всех включенных в образовательный процесс;
- модульность построения учебного материала;
- обратная связь и систематичность контроля успешности обучения.

Материально-технической базой дистанционного обучения является: основное электронное компьютерное оборудование; дополнительное сетевое оборудование; офисное и сетевое программное обеспечение.

Минимальным условием наполнения электронного компьютерного оборудования является наличие веб-браузера и подключение к сети Интернет. Программным обеспечением компьютера – установленный пакет прикладных офисных программ. При использовании веб-конференций дополнительно нужна веб-камера. Этим требованиям отвечают современные ноутбуки, электронные планшеты. При этом одинаковые требования предъявляются как к компьютеру обучающегося ребенка с ограниченными возможностями, так и к компьютеру преподавателя.

При изучении различных предметов с использованием системы дистанционного обучения необходимым дополнительным оборудованием будут являться:

- специальное оборудование (веб-камера с оцифрованным микроскопом, цифровые датчики, конструкторы, специальная музыкальная клавиатура);

- адаптирующее оборудование (специализированные мыши и клавиатуры).

Программное обеспечение при дистанционном обучении должно включать:

- офисный пакет общего назначения (Microsoft Office, OpenOffice.org);
- специальный пакет (конструкторские творческие среды, виртуальные лаборатории).

Работа с программным обеспечением подразумевает идентичность программных пакетов на компьютере обучающегося и преподавателя.

Преподаватель, использующий систему дистанционного обучения, разрабатывает специальную технологическую карту, включающую: индивидуальный учебный план в соответствии с образовательными потребностями и способностями детей с ограниченными возможностями; учебный материал с технологиями и методами изложения; контролирующий пакет; временные рамки сеансов обратной связи. Все это совместно должно удовлетворять индивидуально-личностным потребностям ребенка и выражениям его индивидуальности. Необходимо учитывать факторы, влияющие на качество обучения в системе дистанционного образования: уровень подготовки ребенка, скорость его работы, его способности и уровень его развития. В этом случае используется дифференцированное обучение, с учетом ранее изложенных факторов.

Один из ведущих преподавателей Н.А. Новрузова считает, что особую роль в дистанционном обучении детей с ограниченными возможностями играет групповая форма обучения. С помощью этой формы успешно развиваются навыки самообучения. При обучении детей с ограниченными возможностями с применением дистанционных технологий реализуется индивидуальный подход, гибкость организационной структуры, возможность

групповой работы и интенсификация процесса обучения [7].

Дистанционное обучение использует современные интерактивные информационные технологии, такие как кейс-технологии, сетевые, модульные.

Кейс-технологии объединяют в себе одновременно и ролевые игры, и метод проектов, и ситуативный анализ. Кейс-технологии – это не пересказ параграфа или статьи, не ответ на вопрос преподавателя, это рассмотрение конкретной ситуации, которую нужно проанализировать при конкретном положении дел и выработать практическое решение. Данные технологии широко используются для дистанционного обучения детей с ограниченными возможностями. Они помогают повысить интерес учащихся к изучаемому предмету, развивают у детей такие качества, как социальная активность и коммуникативность (что очень актуально для детей с ограниченными возможностями), умение слушать и грамотно излагать свои мысли. Суть технологии заключается в том, что каждый ребенок получает так называемый кейс с набором методической базы по изучаемому предмету и электронную рабочую тетрадь, представляющую собой путеводитель по курсу и содержащую рекомендации по изучению учебного материала, контрольные вопросы для самопроверки, тесты, творческие и практические задания.

Еще одно преимущество кейс-технологий состоит в том, что их использование для консультаций и интернет-конференций дает возможность оперативно и объективно руководить обучающим процессом, показывать материал с применением мультимедиа-компонентов.

Особенностями дистанционного обучения на базе интернет-технологии является открытость, доступность, мобильность, интерактивность, которые необходимо учитывать при проектировании,

создании и проведении курсов дистанционного обучения. Опыт дистанционного обучения для детей с ограниченными возможностями на этой базе имеет успех, и сегодня достаточно большое количество детей обучаются именно в таком режиме.

По мнению Л.М. Владимировой, «при дистанционном обучении на основе интернет-технологий дети с ограниченными возможностями должны не только владеть навыками работы с компьютером, но и способами работы с аутентичной информацией, с которой они встречаются в различных интернет-ресурсах». Речь идет о том, что дети с особыми нуждами должны иметь навыки различных видов чтения: обзорные, поисковые, изучающие; работать с электронными справочниками и словарями, которые необходимы по данному курсу, но размещены на разных серверах [8].

Модель дистанционного обучения на базе интернет-технологии более практична при лингвистическом образовании, которое подразумевает фактор общения, создания языковой среды. В этом случае использование видеоконференции является необходимостью для удовлетворения факторов языкового образования. Занятие может проводить преподаватель-тьютор. В последнее время для таких целей все чаще используются специальные web-страницы (аккаунт, блог), которые может организовать для себя каждый обучаемый или группа сотрудничества.

Таким образом, для получения полноценного образования детей с ограниченными возможностями применение информационных технологий играет значительную роль. Потенциал компьютерных информационных технологий состоит в том, что они становятся инструментом, посредством которого адаптация детей с особыми нуждами проходит менее болезненно

для данной категории. Именно с ограниченными возможностями информационные технологии создают комфортные условия и являются основой для развития личности, тем самым помогают детям быть ближе к современному информационному обществу, что способствует достижению успехов в учебе и самореализации.

Примечания:

1. Птущенко Е.Б. Инновационный подход в обучении информатике как основа формирования профессиональной информационно-технологической компетентности специалиста // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. 2008. Вып. 5. С. 168-171.

2. Хохлова Ю.Е. Глоссарий по информационному обществу. М.: Институт развития информационного общества, 2009. 160 с.

3. Гудина Т.В. Интернет-технологии как средство реабилитации детей-инвалидов в современном информационно-образовательном пространстве // Специальное образование. 2016. № 12. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-kak-sredstvo-reabilitatsii-detey-invalidov-v-sovremennom-informatsionno-obrazovatelnom-prostranstve>.

4. Попов А.Н. Роль информационных технологий как средств социальной поддержки детей-инвалидов // Вестник ТГУ. 2013. № 11 (127). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-informatsionnyh-tehnologiy-kak-sredstv-sotsialnoy-podderzhki-detey-invalidov>.

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 19.12.2016) // СПС КонсультантПлюс. М., 2017.

6. Чистяков В.А. Понятие «Информационно-образовательные технологии и их классификация по способу взаимодействия учащихся с информационно-компьютерными средствами» // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2014. № 97. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-informatsionno-obrazovatelnye-tehnologii-i-ih-klassifikatsiya-po-sposobu-vzaimodeystviya-uchaschihsya-s-informatsionno>.

7. Новрузова Н.А. Использование компьютерных технологий для дистанционного обучения детей с ограниченными возможностями. URL: <http://festival.1september.ru/articles/621984/>.

8. Владимирова Л.М. Организация методического сопровождения образовательного процесса с использованием дистанционных технологий. URL: <http://festival.1september.ru/articles/616567/>.

References:

1. Ptushchenko E.B. The innovation approach to training computer science as a basis for formation of professional information-technological competence of the expert // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Pedagogy and Psychology. Iss. 5. P.168-171.

2. Khokhlova Yu.E. Glossary on the information society. M.: Institute for the Development of the Information Society, 2009. 160 pp.

3. Gudina T.V. Internet technologies as a means of rehabilitation of disabled children in the modern information and educational space [Electronic resource] / T.V. Gudina // Special education. 2016. No. XII. Access mode <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-tehnologii-kak-sredstvo-reabilitatsii-detey-invalidov-v-sovremennom-informatsionno-obrazovatelnom-prostranstve>.

4. Popov A.N. The role of information technologies as a means of social support of disabled children [Electronic resource] / A.N. Popov // Bulletin of TSU. 2013. No. 11 (127). Access mode <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-informatsionnyh-tehnologiy-kak-sredstv-sotsialnoy-podderzhki-detey-invalidov>.

5. On information, information technologies and information protection: Federal Law. From 27.07.2006 N 149-FZ [ed. of 19.12.2016] [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus. M., 2017. The title from the screen.

6. Chistyakov V.A. The concept of «Information and educational technologies and their classification according to the method of interaction of students with information and computer facilities» [Electronic resource] / V.A. Chistyakov // Scientific journal of KubSAU – Scientific Journal of KubSAU. – 2014. No. 97. Access mode: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-informatsionno-obrazovatelnye-tehnologii-i-ih-klassifikatsiya-po-sposobu-vzaimodeystviya-uchaschihsya-s-informatsionno>.

7. Novruzova N.A. The application of computer technologies for distance learning of children with disabilities [Electronic resource] / N.A. Novruzov. Access mode: <http://festival.1september.ru/articles/621984/>.

8. Vladimirova L.M. Organization of methodological support of the educational process using remote technologies [Electronic resource] / L.M. Vladimirovna. Access mode: <http://festival.1september.ru/articles/616567/>.

УДК 316:378
ББК 60.561.8
С 77

А.М. Старыгина,

кандидат социологических наук, доцент, проректор по учебной и воспитательной работе Ростовского социально-экономического института, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79185267881, e-mail: st.ar79@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности институциональных изменений, происходящих в системе высшего профессионального образования Российской Федерации. По мнению автора, одним из источников институциональных изменений в сфере высшего образования становится появление новых образовательных практик и структур. Автор определяет основные тенденции институциональных изменений в сфере высшего образования, предлагает рекомендации по совершенствованию функционирования института образования в современных условиях.

Ключевые слова: институциональные изменения, высшее образование, университет, модернизация, непрерывное образование, инновации, коммерциализация, глобализация.

A.M. Starygina,

Candidate of Sociology, Associate Professor, Vice Rector for Educational and Upbringing Work, Rostov Social Economic Institute, Rostov-on-Don, ph.: +79185267881, e-mail: st.ar79@mail.ru

INSTITUTIONAL CHANGES IN THE RUSSIAN SYSTEM OF THE HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION

Abstract. The paper discusses features of the institutional changes taking place in system of the higher education of the Russian Federation. According to the author, emergence of new educational practices and structures becomes one of sources of institutional changes in the higher education. The author defines the main tendencies in institutional changes in the higher education, and offers recommendations related to improvement of functioning of institute of education in modern conditions.

Keywords: Institutional changes, the higher education, universities, modernization, continuous education, innovations, commercialization, globalization.

Институт образования играет важнейшую роль в обеспечении внутренней социальной и политической стабильности государства, его позиций на международном уровне. На современном этапе общественного развития повышенное внимание к проблемам образования является одним из основных условий роста экономического

благополучия государства. Именно в институте образования заключается колоссальный потенциал социально-экономического развития государства, сохранения стабильности и социального благополучия. Однако глобальные экономические и культурные процессы современности обуславливают потребность в модернизации института образования, во внедрении инновационных моделей организации и функционирования образовательных учреждений. Повышается значимость социологического исследования институциональных изменений, которые претерпевает сфера высшего профессионального образования в контексте ее модернизации.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть основные особенности институциональных изменений в отечественном высшем образовании. Институциональные изменения представляют собой неотъемлемый компонент социально-экономического развития общества и заключаются в развитии социальных институтов. Будучи базовым компонентом модернизации высшего образования, институциональные изменения могут происходить как революционным, так и эволюционным путем [1]. Путь эволюционных преобразований в системе высшего образования наиболее адекватен сложившейся в России социально-экономической, политической и социокультурной ситуации, поскольку позволяет гармонично и поэтапно производить реформирование института образования, опираясь на сочетание инновационных технологий и практик и устоявшихся традиций функционирования отечественной высшей школы.

Неудовлетворенность общества функционированием института высшего образования характерна не только для Российской Федерации, но и для других стран мира [2]. В определенной степени она является

ответом общества на несоответствие традиционных институциональных структур высшего образования вызовам современности, в первую очередь – потребностям рынка. Ключевой характеристикой современного этапа социально-экономического развития становится экспоненциальный рост научного знания, влекущий за собой стремительный рост темпов производства и внедрения новых технологий, которые опережают сроки обучения в высших профессиональных учебных заведениях традиционного типа [3; 5]. Таким образом, образование не может угнаться за инновационными технологиями, и качество подготовки специалистов в высшей школе становится неадекватным стремительным изменениям в научно-технологической сфере. Соответственно, возникает потребность в проведении таких реформ в сфере высшего образования, которые бы позволили учебным заведениям оперативно реагировать и на появление новых технологий, и на меняющуюся конъюнктуру рынка труда и образовательных услуг. Данные преобразования не могут затрагивать институциональные основы высшего образования, поскольку без изменения последних не представляется возможным формирование адекватной стратегии модернизации образования.

Институциональная структура российского высшего образования сталкивается с многочисленными проблемами, связанными с несоответствием организационных моделей и функциональных характеристик российских образовательных учреждений потребностям современного рынка труда и рынка образовательных услуг. В современной России широко распространена точка зрения о переизбытке учреждений высшего образования, из чего выводится тезис о ежегодной подготовке чрезмерного количества лиц с высшим профессиональным образованием, в итоге

остающихся невостребованными на рынке труда [4; 96]. Следствием переизбытка высших учебных заведений становится снижение качества предоставляемых образовательных услуг, что способствует невысокому престижу российского образования на международном рынке образовательных услуг и создает дополнительные проблемы для организаций-работодателей, испытывающих трудности в поиске высококвалифицированных специалистов. Оптимизация системы высшего образования с целью повышения его адекватности запросам рынка труда подразумевает проведение существенных институциональных изменений в образовательной сфере.

Для современной России характерен большой спрос населения на высшее образование, объясняемый наличием завышенных и, в большинстве своем, неадекватных реальным потребностям организаций и учреждений требований работодателя к соискателям вакансий. Значительная часть должностей, для замещения которых в настоящее время работодатели рассматривают людей с высшим образованием, в действительности последнего не требует. Тем не менее, работодатели выдвигают наличие высшего образования в число первоочередных требований к соискателю, способствуя росту спроса на высшее образование в обществе. Реакцией общества на повышенный спрос на высшее образование становится рост количества высших учебных заведений негосударственного профиля, предлагающих платные образовательные услуги, а также появление коммерческих отделений государственных вузов. Таким образом, следствием повышенного спроса на высшее образование становится его коммерциализация и появление значительного количества коммерческих вузов, филиалов, факультетов и отделений, не отличающихся качеством

предоставляемых образовательных услуг.

Рост количества вузов и спрос на высшее образование влекут за собой следующую проблему – учреждения среднего и начального профессионального образования превращаются в «подготовительные курсы» для поступающих в высшие учебные заведения выпускников школ. Большинство лиц, получающих образование в средних и начальных профессиональных учебных заведениях, не трудоустроиваются впоследствии по специальности – в качестве квалифицированных рабочих и специалистов, а продолжают образование в вузах. Соответственно, возникает дефицит квалифицированных рабочих и специалистов со средним профессиональным образованием на рынке труда и, одновременно, – переизбыток специалистов с высшим профессиональным образованием. Еще одна особенность отечественного высшего образования – сомнительность качества предоставляемых вузами образовательных услуг на фоне сочетания коммерциализации образования и снижения требований к абитуриентам, студентам и выпускникам вузов.

По мнению А.В. Никитова, институциональные изменения в сфере высшего образования в современной России полностью укладываются в общемировой контекст развития образовательного пространства и рынка образовательных услуг [5; 51]. Избыточность высшего образования, низкое качество коммерциализированных образовательных услуг, диспропорция специалистов с высшим и средним профессиональным образованием на рынке труда являются характерными особенностями современного российского общества, детерминируемыми, в том числе, и относительной неразвитостью в России рынка инновационных и наукоемких производств, которые могли бы трудоустроить значительную

часть выпускаемых российскими вузами специалистов [5; 52].

Инволюция российского высшего образования во многом обусловлена факторами социально-экономического характера, в первую очередь – колоссальным недофинансированием отрасли, имевшим место на протяжении первых двадцати лет существования суверенного российского государства. Любые инновационные изменения в отечественном образовании не представляются возможными без оптимизации финансово-экономического обеспечения образовательных учреждений. Недостаточный уровень финансирования вузов препятствует привлечению высококвалифицированных специалистов, стимулированию научно-исследовательской деятельности, улучшению качества образовательных услуг. В некоторой степени и коммерциализация государственных вузов является следствием недостатка финансирования. Более того, как отмечают В.Г. Ильин и А.С. Петренко, «коммерциализация в виде распространения платных услуг на все виды и уровни образования привела к легитимации социальной дифференциации российского высшего образования, делению университетов на «элитные» и «массовые» [6; 167]. Однако, на наш взгляд, социальная дифференциация высшего образования включает в себе риск изоляции способных выпускников школ от получения качественного высшего образования в наиболее престижных высших учебных заведениях.

В то же время нельзя не отметить, что очевидным преимуществом современного высшего образования в Российской Федерации является его постепенная переориентация на нужды рынка труда и повышение внимания к региональной компоненте высшего образования, основанной на знании региональной конкретики, социальных и экономических потребностей

регионов. Переориентация на региональные нужды позволяет вузам более эффективно осуществлять подготовку специалистов по востребованным специальностям, а также трудоустраивать выпускников по специальности в государственные и коммерческие организации. Оптимизация финансирования высшего образования предполагает расширение внешней контактной среды образовательных учреждений, в первую очередь, посредством повышения открытости образования, развития взаимодействия с коммерческими организациями, прежде всего – с потенциальными инвесторами и работодателями.

Источником институциональных изменений в современном высшем образовании становится и появление новых образовательных практик и использующих их образовательных структур, деятельность которых носит инновационный характер. В первую очередь, речь идет о непрерывном образовании, которое получило большое распространение в современном мире и рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений модернизации отечественного образования. Развитие непрерывного образования потребовало проведения структурного реформирования университетов, их переориентацию на предоставление многоуровневых образовательных услуг. Университеты играют в процессе непрерывного образования весьма опосредованную роль, выполняя лишь незначительную часть функций по перманентному обучению специалистов. В связи с этим появляются новые структуры, способные организовать послевузовское дополнительное обучение специалистов на протяжении всей профессиональной деятельности последних. К ним относятся высшие школы, колледжи, курсы повышения квалификации и иные институты послевузовского образования, чаще всего ориентированные на совершенствование знаний

и профессиональных навыков без отрыва от трудовой деятельности.

Объединение вузовского и послевузовского дополнительного образования в единых институциональных структурах позволяет существенно облегчить задачи по реализации стратегии непрерывного образования. Подготовка специалистов приобретает многоуровневый характер, начинаясь с получения среднего профессионального образования или высшего образования на уровне бакалавриата [7; 113]. В условиях современного общества значимость непрерывного образования стремительно повышается, поскольку и рынок труда, и рынок образовательных услуг отличаются высоким динамизмом, регулярностью перманентных изменений спроса на отдельные специальности и направления подготовки. С помощью непрерывного образования повышается гибкость профессиональной квалификации специалистов, они получают возможность корректировать собственные жизненные стратегии в соответствии с изменениями спроса и предложения на рынке труда.

В настоящее время непрерывное образование развито в России на недостаточном уровне, что становится серьезной проблемой, особенно в условиях выхода Российской Федерации на международные рынки труда, образовательных услуг и наукоемких технологий. В Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг. подчеркивается, что для отечественной системы дополнительного образования характерны отраслевая разрозненность, неразвитость прямых и обратных связей с производством и сферой потребления, недостаточный уровень финансирования со стороны коммерческих организаций и отсутствие эффективной практики партнерства государства, общества и бизнеса в процессе предоставления дополнительных образовательных услуг [8].

Соответственно, возникает потребность в формировании таких структур высшего и послевузовского образования, которые обеспечивали бы непрерывность профессионального обучения и переобучения специалистов на всем протяжении их трудовой деятельности. Особое внимание следует уделить дистанционным формам получения образовательных услуг, которые в контексте развития информационно-коммуникационных технологий и информатизации общества способны взять на себя значительную часть функционала традиционных образовательных учреждений. Дистанционное образование позволит специалистам совершенствоваться и обновлять свои профессиональные знания без отрыва от трудовой деятельности, вне зависимости от территориального местонахождения.

Эффективность модернизации отечественного высшего образования зависит и от качества работы профессорско-преподавательского состава вузов. В настоящее время кадровый дефицит в учреждениях высшего образования остается одним из главных препятствий к дальнейшему повышению качества предоставляемых российскими вузами образовательных услуг. При этом вузы испытывают недостаток именно в высококвалифицированных преподавателях, способных оперативно и гибко реагировать на изменения в системе образования, на рынке труда и инновационных технологий. Основными факторами, детерминирующими дефицит высококвалифицированных кадров, остаются недостаточный уровень финансирования вузов, низкие заработные платы профессорско-преподавательского состава, стагнация систем профессиональной переподготовки и повышения квалификации преподавательских кадров [9; 36]. Соответственно, необходимы следующие институциональные решения по преодолению рассмотренных негативных

тенденций: увеличение объема финансирования государственных высших учебных заведений, включая повышение размера заработной платы, модернизация системы переподготовки и повышения квалификации, которая должна быть ориентирована на использование инновационных технологий и методик в образовании и непрерывность процесса повышения квалификации преподавательского состава. Одной из насущных задач модернизации отечественного высшего образования должно стать также привлечение высококвалифицированных иностранных специалистов на профессорско-преподавательскую работу в российские вузы.

Таким образом, институциональная специфика системы высшего образования в Российской Федерации отражает общемировые тенденции в развитии высшего образования и заключается в повышенном спросе населения на высшее образование, переизбытке соискателей с высшим образованием на рынке труда, коммерциализации высшей школы, снижении качества предоставляемых образовательных услуг. Модернизация системы высшего образования призвана устранить существующие негативные тенденции в развитии

высшей школы, что потребует определенных институциональных изменений, связанных, в первую очередь, с реализацией следующих рекомендаций: 1) увеличение финансирования образовательных учреждений и создание эффективной системы контроля за расходованием финансовых средств; 2) развитие механизмов непрерывного и дополнительного образования, дистанционного образования; 3) внедрение информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс с целью обеспечения возможности получения дополнительного образования без отрыва от профессиональной деятельности; 4) совершенствование системы дополнительного образования, переподготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов. Институциональные изменения в системе высшего образования потребуют определенных временных, организационных, финансовых затрат, однако предпринимаемые усилия обеспечат перспективы дальнейшего развития отечественной образовательной системы и повышения ее востребованности на мировом рынке образовательных услуг и мировом рынке труда.

Примечания:

1. Иванова С.В., Кручинина М.А., Кожевникова М.А. Институциональные изменения и качество неформального педагогического образования // Концепт. 2015. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-izmeneniya-i-kachestvo-neformalnogo-pedagogicheskogo-obrazovaniya>. (Дата обращения: 7.09.2015).

2. Preparing universities for an era of change. *ECONOMICA*. Glion Colloquium Series No. 8. / eds. Luc E. Weber, James J. Duderstadt. London; Paris; Geneva, 2014. 280 p.

3. Стронгин Р.Г., Чупрунов Е.В. Инновационное образование: опережающая стратегия и интеграция // Высшее образование. 2014. № 12. С. 5-14.

4. Вольчик В.В. Реформирование российской системы высшего образования: роль мифов и институтов // *TERRA ECONOMICUS*. 2013. № 2, т. 2. С. 94-102.

5. Никитов А.В. Институциональные изменения сферы высшего образования: глобальный и национальный контексты // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 5. С. 49-52.

6. Ильин В.Г., Петренко А.С. Университеты Юга России: институциональные изменения // Успехи современного естествознания. 2010. № 3. С. 166-168.

7. Инновационный поиск продолжается (Из мирового опыта становления непрерывного образования) / под ред. В.И. Астаховой. Харьков, 2012. 236 с.

8. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг. URL: [http:// youngscience.ru/pages/main/documents/5124/6172/index.shtml](http://youngscience.ru/pages/main/documents/5124/6172/index.shtml) (дата обращения: 8.08.2015).

9. Полянская Е.Е., Рождественская И.А. Институциональные изменения в системе профессионального образования как условие ее модернизации // Вестник Российской академии естественных наук. 2014. № 3. С. 34-36.

References:

1. Ivanova S.V., Kruchinina M.A., Kozhevnikova M.A. Institutional changes and the quality of non-formal pedagogical education // Concept. No. 1. 2015. [Electronic resource] // <http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-izmeneniya-i-kachestvo-neformalnogo-pedagogicheskogo-obrazovaniya> – [Date of access: 7.09.2015].

2. Preparing universities for an era of change / Eds. Luc E. Weber and James J. Duderstadt. ECONOMICA. Glion Colloquium Series No. 8. London. Paris. Geneva, 2014. 280 pp.

3. Strongin R.G., Chuprunov E.V. Innovative education: advanced strategy and integration // Higher education. 2014. No. 12. P. 5-14.

4. Volchik V.V. Reforms of the Russian system of higher education: the role of myths and institutions // TERRA ECONOMICUS. 2013. No. 2. Vol. 2. P. 94-102.

5. Nikitov A.V. Institutional changes in the sphere of higher education: global and national context // Bulletin of Saratov State Social and Economic University. 2011. No. 5. P. 49-52.

6. Ilyin V.G., Petrenko A.S. Universities of the South of Russia: institutional changes // Progress of modern natural science. 2010. No. 3. P. 166-168.

7. The innovative search continues (From the world experience of the formation of continuous education) // ed. by Prof. Astakhova I.N. Kharkov, 2012. 236 pp.

8. The Concept of the Federal Targeted Program for the Development of Education for 2011-2015. – [Electronic resource] – URL: [http:// youngscience.ru/pages/main/documents/5124/6172/index.shtml](http://youngscience.ru/pages/main/documents/5124/6172/index.shtml) [Date of access: 08/08/2015].

9. Polyanskaya E.E., Rozhdestvenskaya I.A. Institutional changes in the system of vocational education as a condition for its modernization // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. 2014. No. 3. P. 34-36.

УДК 316.346.32:004.38
ББК 60.524.224.56
Ф 27

В.М. Фатьянов,

аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79528623098, e-mail: dr.fatianoff@yandex.ru

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

(Рецензирована)

Аннотация. В представленной статье анализируется влияние Интернета на процесс трансформации ценностных ориентаций современной молодежи. Автор отмечает, что интернет-пространство в современном мире становится одним из наиболее важных агентов воздействия на систему ценностей, а также представляет собой одну из важнейших детерминант, изменяющих образ жизни современного молодого поколения граждан.

Ключевые слова: адаптация, Интернет, молодежь, социализация, трансформация, ценностные ориентации.

V.M. Fatyanov,

Post-graduate student of Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79528623098, e-mail: dr.fatianoff@yandex.ru

ROLE OF THE INTERNET IN CONTEMPORARY COMMUNICATIVE SPACE OF THE RUSSIAN YOUTH: SOCIOCULTURAL ASPECT

Abstract. The present paper analyzes the influence of the Internet on process of transformation of value orientations of modern youth. The author notes that the Internet space in the modern world becomes one of the most important agents of impact on system of values, as well as represents one of the major determinants changing also a lifestyle itself of the modern younger generation of citizens.

Keywords: Adaptation, Internet, youth, socialization, transformation, value orientations.

На современном этапе развития российского социума все более характерным является внедрение в жизнедеятельность широких слоев населения научно-технических достижений информационных ресурсов глобальных компьютерных сетей, в первую очередь, сети Интернет. Сеть активно развивается, направления ее использования расширяются.

Интернет представляет собой один из важнейших факторов трансформации образа жизни современного молодого поколения граждан, которое является наиболее активным его пользователем. Под его воздействием происходят изменения в ценностных ориентациях молодежи, формируются новые по своему содержанию, качеству виды

досуговой деятельности, появляются новые практики и стратегии поведения.

Таким образом, на сегодняшний день проблема заключается в том, что социализация молодого поколения проходит под влиянием новых акторов, которые практически невозможно цензурировать – это Интернет, социальные сети. Вектор их влияния нередко становится непредсказуемым и может приводить к нежелательным последствиям, нивелируя усилия семьи, системы образования и воспитания [1].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена не только нарастанием потребности в теоретическом осмыслении коммуникативного пространства молодежи, но и активизацией его практического аспекта. Как известно, в настоящее время, достаточно широкое распространение получили противоправные действия, связанные с использованием сети Интернет, такие как, так называемые, «хакерские атаки», мошенничество с применением компьютерных технологий, распространение наркотических средств, вербовка в запрещенные организации и т.д.

Вместе с тем выявление и предотвращение данных преступлений правоохранительными органами недостаточно эффективно, поскольку наибольшая сложность, стоящая перед ними, заключается в невозможности эффективно координировать свои действия с учетом специфики государственных границ, рамок различных юрисдикций и законодательных систем, а также в отсутствии разработки эффективных мер борьбы и предупреждения преступлений, совершаемых с помощью Глобальной сети.

В свою очередь, следует отметить, что для отечественной науки проблема и механизмы теоретического осмысления роли Интернета в процессе социализации молодежи также относительно новы. Системные исследования механизмов

влияния Сети на сознание и поведение людей встречаются довольно редко, чего с учетом быстрого увеличения численности интернет-аудитории и практической трудности цензуры контента явно недостаточно.

Изучение данных проблем сегодня крайне необходимо. Недостаточность такого рода научных разработок в современной российской науке при очевидной их актуальности объясняется объективной сложностью проведения междисциплинарных исследований высокого уровня [2].

Недостаточный объем эмпирического материала часто вынуждает большинство исследователей ограничиваться описательной областью, тогда как анализ данного феномена требует новых подходов.

Необходимо отметить, что актуальность анализа влияния сетевого пространства на молодое поколение определяется современными угрозами и вызовами в отношении национальной безопасности нашей страны. В одной из своих работ А.П. Михайлов отмечает: «В настоящее время, в силу высоких способностей к воспроизведению информационной продукции, даже одно какое-либо локальное событие может стать достоянием многотысячной аудитории при условии его подачи через наиболее популярные информационные ресурсы» [3]. Известно, что интернет-технологии широко и успешно используются в целях десуверенизации государств. Однако до сих пор в России нет общей системной методологии, раскрывающей механизмы целенаправленного использования Интернета в антигосударственных целях.

Следует обозначить тот факт, что в настоящее время власть предпринимает усилия по законодательному обеспечению защиты детей и подростков от агрессивного воздействия Интернета. Например, с сентября 2012 г. вступил в действие Федеральный закон «О защите детей

от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Этот закон стал одним из первых шагов в процессе формирования защиты системы ценностей несовершеннолетних. Однако эксперты указывают, что в нем есть ряд важных упущений, в частности неконкретность определения контролирующего субъекта, недостаточно широкий подлежащий ограничению информационный спектр и др. [4].

Необходимость разработки концепции закона, обеспечивающего права и свободы россиян, в том числе молодых людей, на информацию, которая позитивно отражается на их моральном облике и психическом здоровье, привлекает внимание не только законодателей, но и ученых. Предлагается методология защиты личности и общества от воздействия негативной информации, которая подчеркивает необходимость активной роли государства, введения государственного регулирования оборота массовой информации и контроля над Интернетом и СМИ [5].

Некоторые ученые исследовали в своих работах проблему влияния на индивида компьютерных технологий и Интернета. Данная проблематика исследуется в работах Н.А. Башкировой, А.Е. Жичкиной, Э.А. Игнатъевой, А.Н. Сапронова, И.С. Шевченко и др. С возникновением новых этапов развития интернет-технологий ученые стали утверждать, что молодёжь находится под влиянием Глобальной сети, а Интернет является одним из агентов социализации. Как отмечают Н.А. Головин, А.А. Инджигоян, И.К. Кравчук, «под влиянием Интернета меняются структура досуга,

привычные каналы получения информации, характер межличностных взаимодействий» [6].

Таким образом, Интернет оказывает всё большее влияние на процесс социализации молодёжи, становится одним из ее каналов. Проблема социализации личности, как известно, требует разработки методов воздействий, которые обеспечат нормальную адаптацию и комфортное существование человека в условиях современного общества, уменьшат противоречия между поколениями, ведь основным представителем информационного общества является молодёжь. Это, в определенной степени, связано с тем, что такое общество сформировано сравнительно недавно [7].

В свою очередь, не вполне верно анализировать влияние Интернета только с позиций критического подхода, так как сетевые ресурсы способствуют процессу обучения, расширяют кругозор пользователей и предоставляют новые возможности коммуникации [8].

Следует отметить, что информационные технологии формируют у молодого поколения новые качества, такие как мобильность и коммуникабельность, а главное – способность восприятия большего количества информации. Бесспорно, это влияет на формирование ценностей, мировоззрения и практического опыта, а значит, происходит изменение параметров и форм процесса социализации молодёжи. Сегодня можно утверждать, что изложенные факты говорят о развитии другого сознания, совершенно иных ценностей и морали нового поколения, что существенно отличает его от предыдущего.

Примечания:

1. Хвыля-Олинтер Н.А. Интернет-фактор в ценностном развитии молодежи России // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2016. № 5. С. 104-109.
2. Артамонов Г.Т. О противоречиях перехода к информационному обществу // *Вестник ВОИВТ*. 1998. № 3. С. 42-44.
3. Михайлов А.П. Современные информационные процессы как фактор развития экстремистских установок в обществе // *Вестник Адыгейского*

государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2016. Вып. 4 (189). С. 157.

4. Сулакшин С.С., Сазонова Е.С., Хвыля-Олинтер А.И. Государственная политика защиты нравственности и СМИ. Рабочая книга законодателя. М.: Наука и политика, 2014. 360 с.

5. Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2012. С. 21-41.

6. Шумков Д.В. Интернет-среда как фактор трансформации образа жизни молодежи // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Педагогика, психология. Тольятти: ТГУ, 2012.

7. Дементьев С.А. Реальность виртуальной морали в информационном обществе: риски и угрозы человеческой экзистенции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2017. Вып. 1 (194). С. 81.

8. Сулакшин С.С., Новиков Д.А., Хвыля-Олинтер А.И., Гаганов А.А. Проблемная повестка современной России. Наука и политика. М., 2015. С. 111-114.

References:

1. Khvylya-Olinter, N.A. The Internet factor in the value development of the youth of Russia // Alma mater. Bulletin of the Higher School. 2016. No. 5. P. 104-109.

2. Artamonov G.T. On the contradictions in the transition to information society / G.T. Artamonov // Bulletin of VOIVT. 1998. No. 3. P. 42-44.

3. Mikhailov A.P. Modern information processes as a factor in the development of extremist attitudes in society // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. – Maikop: ASU Publishing house, 2016. Iss. 4 (189). P. 157.

4. Sulakshin S.S., Sazonova E.S., Khvylya-Olinter A.I. State policy of protection of morality and the mass media. Workbook of the legislator. M.: Science and Politics, 2014. – 360 pp. P. 131-158.

5. Yurevich A.V., Yurevich M.A. Dynamics of the psychological state of the Russian society: an expert assessment // Morality of the Russian modern society: a psychological analysis / ex. ed. by A.L. Zhuravlyov, A.V. Yurevich. – M.: Publishing house of the Institute of Psychology of the RAS, 2012. P. 21-41.

6. Shumkov D.V. The Internet environment as a factor in the transformation of the way of life of young people // Vector of science of Tolyatti State University. Ser.: Pedagogy and Psychology. Tolyatti, TSU, 2012.

7. Dementyev S.A. The reality of virtual morality in the information society: risks and threats to human existence // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. – Maikop: ASU Publishing house. 2017. Iss. 1 (194). P. 81.

8. Sulakshin S.S., Novikov D.A., Khvylya-Olinter A.I., Gaganov A.A., The problem agenda of modern Russia. Science and politics. Moscow, 2015. P. 111-114.

УДК 316:325.1
ББК 60.723.5
X 85

З.З. Хот,

кандидат социологических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184232629, e-mail: aifon2255@mail.ru

О.А. Чистякова,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. +79183510960, e-mail: olga_Melnikova08@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения социокультурной методологии к исследованию миграции и миграционных процессов. Приводятся точки зрения ведущих социологов и культурологов на проблему социокультурной интеграции мигрантов, которая имеет свою специфику. Подчеркиваются преимущества социокультурного комплексного подхода по отношению к экономическим моделям.

Ключевые слова: социология миграции, социокультурный подход, миграции, миграционные процессы, межкультурная коммуникация.

Z.Z. Khot,

Candidate of Sociology, Associate Professor of Department of General Education Disciplines, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184232629, e-mail: aifon2255@mail.ru

O.A. Chistyakova,

Applicant of Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph. +79183510960, e-mail: olga_Melnikova08@mail.ru

POSSIBILITIES OF SOCIOCULTURAL APPROACH TO A RESEARCH OF MIGRATORY PROCESSES

Abstract. The paper is concerned with the possibilities of application of sociocultural methodology to a research of migration and migratory processes. The points of view of the leading sociologists and culturologists on a problem of sociocultural integration of migrants which have the specifics are given. Advantages are emphasized of a sociocultural integrated approach in relation to economic models.

Keywords: Migration sociology, sociocultural approach, migrations, migratory processes, cross-cultural communication.

Как стало очевидно в последние годы, исследование миграции в рамках социологии требует применения комплексной методологии.

К категории проблем, не решаемых в рамках экономических конструкций и моделей, относится проблема интеграции иммигрантов в

принимающее общество, поскольку она выходит за рамки экономических решений. Так, очевидные объективные экономические выгоды от миграции население развитых стран предпочитает не замечать, акцентируя внимание на потерях от принятия мигрантов. Несмотря на то, что иммигранты выполняют тяжелую, грязную, малооплачиваемую работу, которую не желает выполнять аборигенное население, их упрекают в том, что они покушаются на большой кусок пирога национальной экономики. Иммигрантов упрекают в том, что они отнимают часть национального бюджета за счет расходов на социальные пособия и программы адаптации, хотя именно мигранты способствуют выравниванию возрастной структуры населения принимающих стран, что имеет большое экономическое значение для стареющего коренного населения развитых стран.

Очевидно, что экономическая мотивация и экономические факторы не имеют столь решающего значения для решения проблемы интеграции мигрантов. Категорически отрицает тезис об исключительной материальной предопределенности миграционного поведения выдающийся российский философ и культуролог А.С. Ахиезер. Остановимся более подробно на взглядах ученого, которого считают одним из основателей социокультурного теоретико-методологического подхода в социологии [1]. Специфику социокультурного подхода ученый видит в отказе от упрощенного взгляда на общество как совокупность общественных отношений и превращения пространства взаимодействия между культурой и социальностью в фокус объяснения и понимания [2]. Взгляд на «пространство МЕЖДУ» определяет утверждение диалектически противоречивой модели общества. В российском обществе эта модель реализуется как раскол целостности через объективное существование

на всех уровнях социальной жизни двух разнонаправленных процессов и формирование двух полярных социокультурных идеалов – соборности и авторитарности. Раскол определяет возникновение социальных кризисов, а развитие предполагает постоянный поиск компромисса между полярными процессами и идеалами. Но снятие и преодоление раскола возможно только в культуре благодаря исторической рефлексии. В индивидуальной жизни человека раскол – социокультурный кризис – часто реализуется в акте миграции. В человеческом сознании раскол возникает между осваиваемой человеком существующей культурой и новыми творческими импульсами, не реализуемыми в рамках существующей культуры. Если попытки преодолеть двойственность, найти выход и достичь той полноты бытия, которую обещают инновации, не являются эффективными в данном социуме и культуре, миграция становится единственно возможным способом достижения жизнеспособности. Т.е. индивид как человек культуры индивидуально переживает некоторую культурную драму, выход из которой реализуется в акте миграции. Драма переживается либо как выталкивание, как принуждение к миграции, или же как свободное решение индивида на основе социокультурной неудовлетворенности. Поэтому представители средних слоев, имеющих большой творческий потенциал, большую способность и готовность к рефлексии, отправляются в путешествие с большей решимостью, в то время как самые бедные часто остаются на старом месте, если только их не «погонит» голод и войны.

Таким образом, «миграцию можно рассматривать как чувствительный показатель явных и скрытых общественных процессов, как мониторинг реальных и потенциальных явлений, как чувствительную основу для прогнозирования

динамики общества, как результат чего-то неизмеримо большего как поиск материального ресурса. Миграция нечто большее, чем миграция, то есть она выступает как предпосылка множества других процессов...» [3]. Именно поэтому миграция становится основой мониторинга общественного благополучия не только в экономическом смысле. Причем виды миграции, по мнению Ахиезера, можно выделять на основе того, какие ценности реализуются и несут в себе формы миграции.

Стремление к реализации полноты бытия определяло и определяет основные потоки миграции, ценности которой могут противостоять основным проектам власти. Один из важнейших современных потоков миграции определяется процессами урбанизации, нацеленными на формирование центров социального и культурного развития, а не только комфортного в плане коммунальных удобств.

Но если во взглядах Ахиезера преобладает нравственное обоснование развития и историософская компонента социокультурного подхода, то в работах Н.И. Лапина предлагается модель социологической операционализации понятий, особенно эффективная при решении практических задач и проведении эмпирических исследований.

Так же как и у Ахиезера, в центре рассмотрения находится человек как многомерное био-социокультурное существо и субъект действия, а не только как человек экономический. Человек реализует себя в социальном действии, которое одновременно представляет собой *взаимодействие*, поскольку социальное действие, по М. Веберу, имеет значение для других людей и ориентировано на других людей. В терминах социокультурного подхода, пишет Н.И. Лапин, действие индивида как *homo sapiens* и *homo socius* осуществляется сразу по двум осям: по оси мыслительной

рефлексии и по оси коммуникации (взаимодействие). Каждая из осей сопряжена с одной из четырех парсонских функций (жизнеобеспечение, целеполагание, идентификация, взаимодействие), связанных, в свою очередь, с соответствующими жизненными потребностями человека (сгруппированными в следующие группы – витальные, смысловозжизненные, социализационные, интеракционистские) [4].

Разработанная модель снимает целый ряд упреков в адрес социокультурного подхода. Прежде всего, благодаря точным схемам социокультурный подход превращается из обычного нарратива в строгую научную методологию, позволяющую, во-первых, структурировать и описать ценности, нормы, идеалы личности и общества, во-вторых, методологически корректно описать социально-культурные программы деятельности, поведения и общения, в-третьих, выявить устойчивые основания культуры, составляющие основу культурно-идентификационных процессов, имеющих большое значение для интеграции мигрантов в принимающее общество. Указанные преимущества предлагают новые возможности в исследовании миграционных процессов, а выводы, полученные на основании данного подхода, применимы для разработки модели эффективной миграционной политики. Более того, данный подход ориентирован на конфликтологический анализ миграционных процессов. Н.И. Лапин специально отмечает данное отличие социокультурного подхода от структурно-функциональных построений Парсонса, а Ахиезер объясняет историю России через раскол целостности, проходящий через социум и сознание людей. Источник развития человека, по Ахиезеру, – проблемность и двойственность мышления, напряженность между полюсами социокультурных оппозиций, ведущая к повышению

творческого потенциала личности и развитию ее способностей. Воплощение конструктивной напряженности «через воспроизводственную деятельность субъекта направлено... на преодоление социокультурных противоречий» [5; 145].

Суммируем сказанное и выделим базовые моменты социокультурной методологии исследования миграции.

Первое. Социокультурный конфликт предопределяет «появление» мигранта, его «выталкивание» (добровольное или принудительное) из «домашнего» социума. Социокультурный конфликт определял движение в Новый Свет гугенотов, испытывавших религиозное давление, авантюристов, желающих быстро разбогатеть, и других культурных, ценностно-нормативных «диссидентов». Стремление к свободному творчеству, желание вырваться из-под оков идеологии и цензуры двигало эмигрантами из стран тоталитаризма. Даже если причины миграции не зависят от самих мигрантов, а перемещения происходят вопреки их желанию (насиленная репатриация, бегство от стихийных бедствий и голода), социокультурный конфликт присутствует как противоречие между потенциальными возможностями и потерями в ситуации миграции. Например, избегая голода в своей стране, человек получает ситуацию дискриминации, оторванности от исторических и религиозных корней, необходимость изучения нового языка, в обмен на хлеб и работу лишается возможности свободного отправления религиозного культа и т.д. Разрешение конфликтов, вызываемых миграцией, адаптация мигрантов в новом обществе требуют выявления социокультурного конфликта с использованием различных социологических процедур и методик.

Второе. В обществе, принимающем мигранта, формируется новое конфликтное поле, связанное

со столкновением как минимум двух культур – иммигрантской культуры и культуры принимающего общества. Например, законы светского французского государства пришли в столкновение с религиозными законами мигрантов: требование к мусульманским женщинам открывать лицо, фотографируясь на паспорт и пребывая в государственных учреждениях, вызвало волну возмущений среди иммигрантов-мусульман. Если ценности иммигрантской культуры не противоречат или близки культуре принимающего общества, конфликт слабый или не возникает. В то же время мигрантофобия принимающего общества, анклавизация и культурное самозамыкание мигрантов ведет к консервации многих этнических и религиозных конфликтов.

Третье. Разрешение социокультурного конфликта, возникающего в результате иммиграции представителей иных социумов и культур, предполагает: 1) уничтожение одной из культур; 2) превращение одной из культур (мигрантской или принимающего общества) в своего визави; 3) «закрытое» существование культур без изменений; 4) взаимное изменение культур мигрантов и принимающего общества в ходе постоянных кросскультурных контактов и формирование нового типа личности-общества.

Эти абстрактные модели, выведенные логическим путем, реализуются на практике следующим образом. Уничтожение одной из культур как крайняя форма ее неприятия происходит в форме этнической чистки – запрет на проявление этнического своеобразия вплоть до физического уничтожения представителей данной культуры. Политика ассимиляции мигрантов, как правило, связана с требованием утраты ими своей культуры и принятия элементов ценностно-нормативной структуры принимающего общества. Стимулом к

ассимиляции становится создание социальных препятствий для самореализации субъектов другой культуры. Символы иммигрантской культуры превращаются в символы социального исключения и дискриминации. Обратная ситуация – утрата принимающим обществом своей культурной идентичности и принятие культуры мигрантов. Эта ситуация выступает проблемой для целого ряда обществ, политической которых становится защита национального своеобразия. В республиках бывшего Советского Союза опасениями «русификации» оправдывают ряд мер национальной и культурной политики дискриминационного свойства.

Противоположностью односторонней ассимиляции является взаимное признание культур. Толерантное к национальным культурам общество подтверждает их право на культурную автономию и допускает возможность существования национально-культурного своеобразия, хотя формы и степень признания культур могут различаться. Это может быть сегрегация и апартеид, допускающие иные культуры, но устанавливающие границы полноценному внедрению. Мультикультурализм предполагает создание культурного разнообразия на основе взаимного признания и диспаратности культур [6].

Названные модели представляют собой не только практикоориентированные стратегии интеграции иммигрантов в новое общество, но и выступают способами трансформации самого общества и изменения характеристик личностей, согласно принципу антропосоциетального соответствия. Данный принцип выступает одним из ключевых моментов социокультурного подхода и содержательно объясняет совместимость личностных характеристик членов общества с типом самого общества. Достигается антропосоциетальное соответствие на основе «принципа закрытости»

и «принципа открытости». В первом случае устанавливается соответствие характеристик человека уже сложившимся социетальным структурам. Мигранты подстраиваются под существующие принципы и нормы, ограничивающие или закрывающие пространство для реализации их собственной культуры (апартеид, сегрегация) или принимают нормы и принципы принимающего общества (ассимиляция). Претензии к мультикультурализму основываются на культивировании целостности и закрытости культур, которое превращает общество в культурном смысле в «мозаичное панно» (концепт так называемого «мозаичного мультикультурализма» [7]) и ведет к разрыву всех социальных взаимодействий, кроме «фольклорно-этнографических».

Наличие активной межкультурной коммуникации в условиях предоставления «приоритета свободам и ответственности людей, которые стремятся так изменить сложившиеся структуры, чтобы они соответствовали возросшим потребностям и способностям индивидов и их коллективов, открывает пространство для целерациональных инноваций» [8], ведет к взаимной трансформации культур. Но в этом случае мультикультурное общество неизбежно трансформируется в третье состояние, порождая формы культуры, не тождественные ни исконной, ни иммигрантской культуре.

Роль межкультурной коммуникации в интеграции повышает значимость исследований коммуникативной составляющей миграционных процессов и мигрантского поведения. «В самом общем смысле под коммуникацией... понимается скорее любой обмен информацией между динамическими системами или подсистемами этих систем, которые способны принимать информацию, хранить ее, преобразовывать и т.д. Система, посылающая информацию (идет ли речь о

людях, организмах, машинах и т.д.), именуется отправителем, а принимающая ее, соответственно, именуется получателем», – пишет М.С. Каган [9; 142]. Но коммуникация в социологических и социокультурных исследованиях понимается намного шире, чем просто передача информации. Всякое социальное действие ориентировано на других, осуществляется в отношениях с другими индивидами как взаимодействие, поэтому требуется единое понимание ситуации, в которой происходит. Достигается это единое понимание в процессе коммуникации как обмена смыслами и пониманием ситуации. Коммуникация, таким образом, представляет собой смысловой аспект социального взаимодействия, обмена смыслами и значениями, в ходе которого формируется общее поле смыслов, общий смысловой универсум.

Условием коммуникации людей выступает общее символическое пространство смыслов. Поиск и выработка такого пространства составляют стратегию глубинной культурной интеграции мигрантов. Навязывание общих смыслов невозможно, осуществим только культурный диалог. Диалоговая модель интеграции предлагается Т.Н. Юдиной [10; 66], но прежде всего – как аналитический инструмент и комбинирование различных стратегий интеграции. Диалог как практическая модель интеграции мультикультурного общества предполагает изучение коммуникационного взаимодействия как столкновения культур не только на макросоциальном, но и на микро-социальном уровне.

Современная наука предлагает ряд подходов в рамках интерпретативной социологии, направленных на исследование символического и коммуникативного аспекта социального взаимодействия. Выводы и результаты этих исследований не противоречат социокультурному подходу. Если социокультурный

подход создает представление об обществе как целостной структурированной системе, выявляет основание этой целостности – культуру, выявляет модели и прогнозирует траектории социальных изменений, то культурный анализ на микроуровне способен на общем полотне прорисовать более четко детали исследования процессов миграции, объяснить индивидуальные аспекты опыта, конструирование новой социальной реальности в межиндивидуальных взаимодействиях. По мнению Л.Г. Ионина, культурно-аналитическому подходу в наибольшей степени соответствует представление о репрезентативной культуре Ф. Тенбрука, согласно которому все представления, идеи, взгляды, верования, представления об объективных структурах составляют в совокупности генеральное определение ситуации, т.е. работают как репрезентативная культура [11; 76].

Исследовательская программа культурного анализа включает изучение структуры и последствий социальных взаимодействий, анализ формирования представлений об объективных социальных структурах. Согласно концепции символического интеракционизма, одного из базовых направлений культурного анализа, люди живут в мире значимых объектов, а не самоконституирующихся сущностей: «миры», существующие для человеческих существ и их групп, состоят из «объектов», которые являются продуктами символического взаимодействия [12; 10]. Различные группы, в том числе и этнические, вырабатывают различные миры. Этим объясняются общность значений и смыслов людей одной культуры и проблемы взаимодействия людей разных культур. Условием понимания жизни группы является идентификация мира ее объектов в терминах значений, которыми члены группы наделяют эти объекты. Но вступая во

взаимодействие с другими людьми, человек рассматривает мир сквозь призму своей культуры и значений, сформированных в рамках своей группы, хотя ему представляется, что он оценивает мир, вещи и события объективно. Перенос своих представлений на других людей, участвующих во взаимодействии, основывается на предположении, что они видят мир точно таким же. Это предположение делает взаимодействие и общение представителей разных социальных групп проблемным. Но, с точки зрения Г. Блумера, ситуация не столь трагична, поскольку «жизнь человеческой группы на уровне символического

взаимодействия есть широкий процесс, в котором люди формируют, поддерживают и трансформируют объекты своего мира через придание значений этим объектам» [12; 10]. Т.е. миры меняются, если объекты меняют свои значения. А поскольку люди могут изменять деятельность, менять объекты и взаимодействия, то они вырабатывают новые значения.

Благодаря социокультурному подходу и культурно-аналитической методологии исследование миграции из разговора о территориальной мобильности превращается в исследование проблем конструирования новой социальной реальности.

Примечания:

1. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 25.
2. Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29.
3. Дмитриев А.В. Территориальная миграция: философский и конфликтологический аспекты // Социальная политика и социология. 2008. № 2. С. 12.
4. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 6-7.
5. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 145.
6. Ляушева С.А., Хот З.З. К вопросу о социокультурной интеграции мигрантов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. Вып. 2. С. 169-170.
7. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003.
8. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 5.
9. Каган М.С. Мир общения. М., 1988. С. 142.
10. Юдина Т.Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., 2004. С. 66.
11. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1998. С. 76.
12. Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 10.

References:

1. Kirdina S.G. Sociocultural and institutional approaches as the basis of positive sociology in Russia // Sociological Studies. 2002. No. 12. P. 25.
2. Akhiezer A.S. Philosophical bases of socio-cultural theory and methodology // Issues of Philosophy. 2000. No. 9. P. 29.
3. Quoted on: Dmitriev A.V. Territorial migration: philosophical and conflictological aspects // Social policy and sociology. 2008. No. 2. P. 12.
4. Lapin N.I. Socio-cultural approach and societally-functional structures // Sociological Studies. 2000. No. 7. P. 6-7.

5. Akhiezer A.S. Russia: Criticism of historical experience. In 3 vol. Vol. 3. M., 1991. P. 145.
6. Lyausheva S.A., Khot Z.Z. On socio-cultural integration of migrants // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Regional studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Cultural Studies. 2012. Iss. 2. P. 169-170.
7. Benhabib S. The claims of culture. Equality and diversity in the global era. M.: Logos, 2003.
8. Lapin N.I. Sociocultural approach and societally-functional structures // Sociological Studies. 2000. No. 7. P. 5.
9. Kagan M.S. The world of communication. M., 1988. P. 142.
10. Yudina T.N. Sociology of migration: to the formation of a new scientific direction. M, 2004. P. 66.
11. Ionin L.G. Sociology of culture. M.: Logos, 1998. P. 76.
12. Blumer H. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 10.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 347.235
ББК 67.407.11
Б 26

Т.З. Барциц,

аспирант кафедры земельного права Государственного университета по землеустройству, г. Москва, тел.: +79407127777, e-mail: timur.barcic@mail.ru

ПОНЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА В ДОКТРИНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы определения дефиниции понятия земельного участка в Республике Абхазия, Российской Федерации и в некоторых зарубежных странах. С позиции теоретического анализа предпринята попытка изучить категорию «земельный участок» в законодательных актах Российской Федерации, английской земельно-правовой системе, в республиках Армения, Азербайджан, Молдова. Отдельно подчеркивается значимость земельных участков при регулировании вопросов социально-экономического, общественно-политического, земельно-имущественного характера.

Ключевые слова: земля, право собственности на земельные участки, земельное законодательство, титулы на землю, регистрация земли, свободное владение, земельный кадастр, Земельный кодекс Молдовы.

T.Z. Bartsits,

Post-graduate student of Department of Land Law, the State University for Land Management, Moscow, ph.: +79407127777, e-mail: timur.barcic@mail.ru

CONCEPT OF THE LAND PLOT IN THE DOCTRINE OF NATIONAL AND FOREIGN LAW

Abstract. The paper is concerned with issues of a definition of a concept of the land plot in the Republic of Abkhazia, Russian Federation and some foreign countries. An attempt is undertaken to study category of the land plot, from a position of the theoretical analysis, in legislative acts of the Russian Federation, the English land legal system, in the republics of Armenia, Azerbaijan and Moldova. The importance of the land plots at regulation of questions of social economic, social political, land and property character is separately emphasized.

Keywords: The land, land title, the land legislation, titles on the earth, registration of the earth, the land legislation of Kazakhstan, free possession, Armenia, a land cadastre, the land code of Moldova.

Некоторые вопросы, связанные с тем, что в современном мире представляет собой земельный участок, остаются дискуссионными до настоящего времени. По мнению ряда исследователей, особенность земли заключается в том, что она не перемещается и неуничтожима

[1]. При этом свойства земли и перспективы ее дальнейшего использования во многом зависят от эксплуатации ее человеком.

Среди отечественных авторов вопросами традиционного землепользования абхазов занимались Ш.Д. Инал-Ипа, Б. Камкия, Ф.Г. Камкия, Г.А. Дзидзария, О.Н. Дамения, А.Э. Куправа, Т.М. Шамба.

Современный период возрождения и укрепления частной собственности на землю и включения ее в гражданский оборот раскрывается в работах А.П. Анисимова, Г.А. Волкова, Е.А. Галиновской, О.И. Крассова, Д.И. Мысова. Некоторые особенности земли как ключевого элемента в системе гражданско-имущественных прав поднимались в исследованиях Н.Н. Бочарова, Д.С. Бугрова, Д.В. Жернака, В.П. Камышанского, А.А. Савельева А.Ю. Чикильдиной, О.В. Шихалевой.

Так, К.И. Скловский в своих исследованиях приходит к выводу, что земельный участок представляет собой часть поверхности, определенным образом когда-то отделенную от других частей. Фактически возникает ситуация, когда в реальности земельного участка нет. Он создается действиями людей (при том что земная поверхность людьми не создана) и существует только в рамках данного общества, социума, т.е. как феномен социальный, юридический, а не реальный. Границ нет в природе (реальности), они есть только между людьми. А без границ нет ни участка, ни его части [2; 220].

Вопросы определения юридической природы права собственности на земельные участки в Республике Абхазия (РА) осложняются отсутствием легального определения того, что представляет собой земельный участок.

По гражданскому законодательству РА, категория «земельный участок» относится к другим

вещным правам, при этом вопрос о том, что подразумевать под земельным участком, остается открытым. Следует отметить, что в законодательстве РА не сформировано понятие «земельный участок», которое нуждается в соответствующем правовом определении.

Так, например, в законодательстве РФ понятие земельного участка было сформулировано в ст. 11.1 Земельного кодекса РФ, где под земельным участком признавалась часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами [3]. Данная редакция настоящей статьи утратила силу с 1 марта 2015 г. принятием Федерального закона от 23.06.2014 г. № 171-ФЗ [4]. В настоящее время действует новая редакция настоящей статьи, содержание которой определяет земельный участок как объект права собственности. Земельный кодекс Российской Федерации рассматривает землю в качестве недвижимой вещи, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи [4]. Земельный участок как объект земельных отношений упоминается и в статье 6 ЗК РФ, где речь о нем идет в контексте перечисления объектов земельных отношений.

По мнению А.В. Шарова, для России существует суженный «плоскостно-поверхностный» взгляд на землю как элемент общественного производства. Для западной земледельческой практики это не только земная поверхность, но и земные недра, и пространство над ее поверхностью [5; 86].

Так, например, в Англии традиционно существовало четыре различных «титула» на земельный участок: 1) fee simple estate (наследуемое право владения земельным участком); 2) fee tail estate (владение, переходящее по наследованию по прямой линии); 3) life

estate (прижизненное владение); 4) estate pur autre vie (прижизненное владение не владельцем участка, с возможностью последующего приобретения «полного титула»). С принятием Закона об имуществе 1925 г. (Law of Property Act 1925) признаются лишь два земельных «титула по общему праву»: «свободное владение» (freehold estate) и «арендное владение» (leasehold estate) [6].

Некоторые особенности в определении понятия земельного участка встречаются в земельном законодательстве стран бывшего советского государства.

Так, по земельному законодательству Армении, земельный участок – это часть наземной и подземной поверхности земли, которая имеет фиксированные границы, территорию (поверхность, код), место нахождения, правовой статус с ограничениями, предусмотренными законами, которые зарегистрированы и отражены в Едином государственном кадастре недвижимого имущества [7].

Таким образом, особенность земельного участка в Армении заключается в том, что таковой участок должен быть зарегистрирован и отражен в Едином государственном кадастре недвижимого имущества, а границы земельных участков должны быть зафиксированы в соответствующих правоустанавливающих документах. Нормативно-правовой основой разработки государственного земельного кадастра послужил принятый Арменией в 1996 г. закон «О недвижимости», давший определение понятию «недвижимость», которое включало в себя землю, прикрепленное к ней имущество, а также права на них. Система государственного земельного кадастра Армении была разработана к 1997 г. и заключалась в разработке правового и финансового кадастров, а также проведении процедур по и их внедрению в республике [8]. Формирование системы государственного земельного

кадастра в Армении послужило основой для формирования земельного рынка и вовлечения земли в легальный гражданско-правовой оборот.

Земельное законодательство соседствующего с Арменией Азербайджана дает более пространное определение того, что следует рассматривать под категорией «земельный участок». В соответствии с Земельным кодексом Азербайджанской Республики (принят 25 июня 1995 г.), земельный участок – это часть земной поверхности с отражением в государственном земельном кадастре и документах государственной регистрации прав на землю границами, размерами, географическим положением, правовым статусом, режимом, назначением и другими показателями [9]. Интересно отметить, что ст. 4 Земельного кодекса Республики Азербайджан дает возможность подразделять земельные участки на делимые и на те, которые по своему целевому и хозяйственному назначению не могут делиться на отдельные самостоятельные земельные участки [9].

Как нам представляется, юридически грамотный подход к определению того, что следует подразумевать под земельным участком, можно обнаружить в Земельном кодексе Республики Казахстан. Здесь дефиниция понятия земельный участок дается в статье 12 ЗК Республики Казахстан «Основные понятия, используемые в Кодексе». Настоящий подход в определении основных категории и понятий земельного законодательства, на наш взгляд, является логичным и юридически грамотным. Общеизвестно, что земельно-правовая наука обладает своеобразной юридической терминологией, а знание правовых категорий, зафиксированных в Земельном кодексе, необходимо юристам широкого профиля. Некоторое правовое заимствование подобной системы построения земельного законодательства, по нашему мнению,

была бы интересно, в том числе и для законодателей Абхазии.

Рассматривая категорию «земельный участок», например, в Республике Казахстан, следует понимать выделенную в замкнутых границах часть земли, закрепляемую в установленном настоящим Кодексом порядке за субъектами земельных отношений [10].

Настоящее определение земельного участка отсылает нас к дефиниции категории субъекта земельных правоотношений. Земельное законодательство Казахстана определяет три субъекта земельных правоотношений, т.е. трех участников правоотношений, имеющих права и несущих обязательства, возникающие по поводу земли. Таковыми субъектами являются: физические и юридические лица, а также государства [10] (как Республика Казахстан, так и иные государства).

В законодательстве РА отсутствует четкое определение понятия «субъект земельных правоотношений». Исходя из анализа ЗК РА, можно предположить, что участниками земельных правоотношений в Абхазии являются, в первую очередь, государство (Республика Абхазия), которое является единственным собственником земли; граждане РА (национальные землепользователи), при этом земельные участки им предоставляются не в собственность, а на праве пожизненно наследуемого владения; юридические лица, которые пользуются земельными участками на праве постоянного бессрочного пользования. Дополнительным субъектом земельных правоотношений в РА являются иностранные государства, которым земельные участки могут быть предоставлены в пользование на основе межгосударственного договора.

Как нам представляется, выделение, а затем и легальное закрепление в Земельном Кодексе РА основных базовых понятий, встречающихся в земельном законодательстве РА, способствует

улучшению теоретической основы земельного законодательства Абхазии, а также в дальнейшем усовершенствует качество правоприменительной деятельности.

Похожей системы изложения нормативного материала в земельно-правовой сфере придерживается законодатель Республики Таджикистан. Земельный кодекс Республики Таджикистан содержит самостоятельную статью, в которой дается четкое определение базовых понятий, встречающихся при изучении земельного законодательства. Что касается понятия «земельный участок», то под ним следует понимать часть земли с определенными в отношении нее правами, которая имеет определенную категорию и разрешенный вид использования, фиксированные границы, площадь и местоположение [11].

Наиболее подробно понятие земельного участка дает законодатель Республики Беларусь: земельный участок – это часть земной поверхности, имеющей границу и целевое назначение и рассматриваемой в неразрывной связи с расположенными на ней капитальными строениями (зданиями, сооружениями). Отдельно в ЗК Республики Беларусь дается определение того, что представляют собой границы земельного участка, под которыми понимают условную линию на поверхности земли и проходящую по этой линии условную вертикальную плоскость, отделяющую земельный участок от других земель, земельных участков [12].

Такой детальный подход к определению земельного участка необходим в Абхазии и требует некоторого заимствования.

Земельный кодекс Республики Молдова не дает самостоятельного определения земельного участка, при этом его содержательная основа закреплена в статье 2.1 «Объекты земельных отношений», законодательство Молдовы по землепользованию определяет, что каждый земельный участок характеризуется

площадью, местоположением, границами, имеет правовой статус и другие характеристики, отражаемые в документах государственной регистрации права на землю [13].

Интересно отметить, что в Республике Молдова подчеркивается неделимая связь земельного участка с объектами, расположенными на нем. По земельному законодательству Молдовы, земельные участки и связанные с ними объекты (почвы, замкнутые водоемы, леса, многолетние насаждения, здания, строения, сооружения и др.), перемещение которых без прямого ущерба их назначению невозможно, признаются недвижимым имуществом [13]. Некоторым образом подобная правовая конструкция встречается в законодательстве РА. Так, земельные участки в РА, будучи исключены из гражданско-правового оборота, вовлекаются в рыночные сделки через объекты, здания, сооружения, располагаемые на земельных участках. В республике Молдова, аналогично земельному законодательству Республики Азербайджан, провозглашается принцип деления земельных участков на делимые и неделимые [13].

Земельное законодательство европейских государств во многом отождествляет понятия «земля» и «земельный участок» [14]. При этом в гражданском праве зарубежных стран (Швейцарии и Греции) объектом права собственности признается земля и земельный участок, в то время как законодательство Испании, Албании, Голландии,

Италии, Португалии, Мальты, Бельгии, Франции объектом права собственности признает исключительно землю [14].

Для Абхазии на сегодняшний день, на стадии реформирования земельного законодательства, первичным и очевидным является необходимость четкого фиксирования в Земельном кодексе РА понятия земельного участка, которое на сегодняшний день отсутствует. Несмотря на то, что во всем Земельном кодексе Республики Абхазия категория «земельный участок» повсеместно встречается, собственно описания настоящей категории не имеется. По нашему мнению, для совершенствования земельного законодательства и практики его реализации возможно применение следующей формулировки земельного участка. Земельный участок – выделенная в замкнутых границах часть земной поверхности, имеющая четко фиксированные границы, целевое назначение и закрепляемая в установленном Земельным кодексом порядке за субъектами земельных отношений.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что определение содержательной основы понятия «земельный участок» в земельном законодательстве Абхазии, с учетом опыта и теоретической практики законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, в дальнейшем будет способствовать улучшению состояния земельно-правовой деятельности в стране.

Примечания:

1. Бриксов В.В. 250 актуальных вопросов практики применения земельного законодательства. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. М., 2017.
2. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М., 2008. С. 220.
3. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Абхазия и Российской Федерацией (с изменениями от 25 сентября 2008 г.). М., 2008.
4. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 09.09.2016).
5. Шаров А.В. История земельных отношений: курс лекций. Н. Новгород, 2007. 86 с.

6. Суханов Е.А. Сравнительное исследование владения и собственности в английском и в германском праве // СПС КонсультантПлюс. М., 2017.

7. Земельный кодекс Республики Армения от 02.05.2011. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1361&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 09.09.2016).

8. Эфендян П. Земельная реформа и кадастр недвижимости в Армении. URL: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/natural/sdgn/2013_1/33.pdf (дата обращения: 09. 09.2016).

9. Земельный кодекс Азербайджанской Республики от 25 июня 1999 года № 695-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.03.2015 г.).

10. Министерство юстиции Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. Земельный кодекс Республики Казахстан. URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/910> (дата обращения: 09. 09.2016).

11. Земельный кодекс Республики Таджикистан от 13 декабря 1996 года № 327 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.08.2012 г.).

12. Кодекс Республики Беларусь о Земле 425-З от 23.07.2008 г. URL: http://kodeksy-by.com/kodeks_rb_o_zemle.htm (дата обращения: 09. 09.2016).

13. Земельный кодекс Республики Молдова от 25 декабря 1991 года № 828-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.06.2013 г.).

14. Крассов О.И. Право собственности на землю в странах Европы: монография // СПС КонсультантПлюс. М., 2017.

References:

1. See Briksov V.V. 250 topical issues of land law practice. 2nd edition, revised and enlarged. The date of saving: 01.11.2015. Access from the “ConsultantPlus” legal system.

2. Sklovsky K.I. Property in civil law. М., 2008. P. 220.

3. See Treaty on friendship, cooperation and mutual assistance between the Republic of Abkhazia and the Russian Federation (as amended on September 25, 2008). Moscow, 2008.

4. The Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended on July 3, 2016) (as amended and supplemented, effective since September 1, 2016) // [Electronic resource] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/6b133e71db252e8a56e1f06d2f7ff1ea1aba7f9b/ // (date of access: 09. 09.2016).

5. Sharov A.V. History of land relations: Course of lectures / Nizhny Novgorod State Agricultural Academy. Nizhny Novgorod, 2007. 86 pp.

6. Sukhanov E.A. Comparative study of ownership and property in English and German law. Saving date: 10/28/2015. Access from the “ConsultantPlus” legal system.

7. The Land Code of the Republic of Armenia of 02.05.2011 // [Electronic resource] // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1361&lang=rus&sel=show> (date of access: 09. 09.2016).

8. Efendyan P. Land reform and real estate cadastre in Armenia // [Electronic resource] // URL: http://www.nbu.gov.ua/old_jrn/natural/sdgn/2013_1/33.pdf (date of access: 09 09.2016).

9. The Land Code of the Republic of Azerbaijan of June 25, 1999 No. 695-IQ (with amendments and additions of 06.03.2015).

10. Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. Official Internet resource. The Land Code of the Republic of Kazakhstan // [Electronic resource] // URL: <http://www.adilet.gov.kz/en/node/910> (date of access: 09. 09.2016).

11. Land Code of the Republic of Tajikistan of December 13, 1996, No. 327 (with amendments and additions of 01.08.2012).

12. The Code of the Republic of Belarus on Land 425-Z of July 23, 2008 // [Electronic resource] // URL: http://kodeksy-by.com/kodeks_rb_o_zemle.htm (date of access: 09.09.2016).

13. The Land Code of the Republic of Moldova of December 25, 1991 No. 828-XII (with amendments and additions of June 28, 2013).

14. Krassov O.I. The right of ownership of land in European countries: a monograph. The date of saving: 01.11.2015. Access from the “ConsultantPlus” legal system.

УДК 342.843(470+571)
ББК 67.400.8(2Рос)
Ш 41

Б.И. Шекультиров,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79182265812, e-mail: sura@radnet.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – СРЕДСТВО ПРОВЕДЕНИЯ ЧЕСТНЫХ И СПРАВЕДЛИВЫХ ВЫБОРОВ В РОССИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье раскрывается специфика проведения выборов в Российской Федерации, на основе Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» анализируются прогрессивные положения, способствующие проведению выборов в атмосфере свободы, честности и справедливости.

Ключевые слова: Российская Федерация, Россия, закон, власть, народ, избирательная комиссия, политика, выборы.

B.I. Shekultirov,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of the Theory and History of State, Law and Political Science, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79182265812, e-mail: sura@radnet.ru

THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS MEANS OF CARRYING OUT FAIR ELECTIONS IN RUSSIA

Abstract. The paper discloses specifics of elections in the Russian Federation. On the basis of the Legislation of the Federal law “On the Main Guarantees of Electoral Rights and Rights for Participation in a Referendum of Citizens of the Russian Federation”, the progressive provisions promoting elections in the atmosphere of freedom, honesty and justice are analyzed.

Keywords: Russian Federation, Russia, law, states, power, people, State Duma, Federal Assembly, electoral commission, policy, elections.

В законодательстве Российской Федерации говорится, что Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] содержит прогрессивные положения, способствующие проведению выборов в атмосфере свободы, честности и справедливости. Остановимся на некоторых из них.

Во-первых, закон не допускает изменения (увеличения или уменьшения) срока полномочий избранных депутатов, что является важнейшим инструментом обеспечения избирательных прав граждан.

Во-вторых, устанавливая принцип альтернативности выборов, закон делает исключения для местных выборов, допуская проведение голосования по одной кандидатуре.

Такая же возможность предусматривается при повторном голосовании на федеральных и региональных выборах, причем кандидат будет считаться избранным, если за него проголосуют не менее пятидесяти процентов избирателей, принявших участие в голосовании.

В-третьих, достаточно серьезным изменениям подверглись нормы, касающиеся финансирования выборов, вернее, контроля за ним, особенно за использованием средств избирательных фондов. В распоряжении избирательных комиссий сегодня имеются рычаги воздействия на кандидатов, нарушающих закон в части финансирования избирательных компаний. В таких случаях избирательная комиссия вправе вынести кандидату предупреждение, которое доводится до сведения избирателей через средства массовой информации. Кроме того, избирательные комиссии вправе принять решение об отказе в регистрации кандидата, об отмене регистрации кандидата, о признании избрания зарегистрированного кандидата недействительным, об отмене решения о результатах выборов.

Избирательные комиссии вправе давать указания филиалу Сбербанка Российской Федерации о прекращении финансовых операций по счетам кандидатов, нарушивших закон. Основой соблюдения финансовой дисциплины является контроль избирательных комиссий за представлением кандидатами финансовых отчетов о поступлении и расходовании средств избирательных фондов.

Статьей 93 ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [2] предусмотрено, что лица, нарушающие правила финансирования избирательной компании, а также не представляющие или не публикующие отчеты о расходовании средств, выделенных на подготовку и проведение выборов, финансовые отчеты

кандидатов, избирательных объединений и блоков, несут уголовную, административную либо иную ответственность.

Федеральный закон урегулировал вопрос о порядке закрытия избирательного счета по письменному указанию избирательной комиссии. Перечень юридических лиц и организаций, которым запрещено вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов, несколько расширен. Предельные размеры средств, перечисляемых в избирательные фонды, ограничены.

В-четвертых, закон уделил большое внимание закреплению статуса избирательных комиссий как органов, независимых в своих решениях от органов государственной власти, местного самоуправления, политической партий и подчиняющихся только закону. Закон ввел дополнительные гарантии в финансирование деятельности избирательных комиссий. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации впервые приняла решение о выделении фиксированной части бюджетных средств участковым избирательным комиссиям, которые выполняют наиболее сложную и ответственную работу по обеспечению голосования избирателей, подведению итогов голосования избирателей и подведению итогов голосования на избирательных участках. Определены размер и порядок оплаты труда членов всех избирательных комиссий с правом решающего голоса, а также граждан, привлекаемых к работе в комиссиях.

Законодательство Российской Федерации возложило на избирательные комиссии обязанность не только реализовывать, но и защищать избирательные права граждан. Закон, в частности, предписал обязательность проверки достоверности подписей избирателей в поддержку кандидатов и урегулировал процедуру проверки. Решение о регистрации либо

об отказе в регистрации кандидата комиссия принимает только по результатам проверки достоверности данных, содержащихся в подписных листах. К участию в проверке привлекаются специалисты МВД, ОВД, юстиции, военных комиссариатов, других органов, осуществляющих учет населения. Теперь член избирательной комиссии любого уровня имеет возможность пресечь избирательные правонарушения.

В-пятых, особого внимания заслуживает вопрос о порядке формирования избирательных комиссий. Если в прежнем законе было закреплено только право общественных объединений, участвовавших в предвыборной борьбе, получивших достаточную поддержку населения и имеющих фракции в законодательных органах, на приоритетное представительство в одну треть от общего количества членов комиссии, то теперь установлена обязанность уполномоченных органов заполнять эту квоту на основе предложений избирательных блоков и объединений, фракции в Государственной Думе, в законодательном органе субъектов Российской Федерации или в представительном органе местного самоуправления в зависимости от уровня выборов. Федеральный закон закрепил правило, согласно которому при формировании избирательных комиссий должны учитываться предложения комиссии предыдущего состава.

В-шестых, особую роль законодатель отводит регламентации принципов гласности в деятельности избирательных комиссий и контроля за выборами. Так, публикации в средствах массовой информации теперь подлежат сведения о размере, об источниках доходов

кандидатов, а также сведения об имуществе, принадлежащем кандидату на правах собственности. Комиссии обязаны информировать избирателей о наличии у кандидатов неснятой или непогашенной судимости, а также гражданства иностранного государства, если таковые у него имеются. Избирательные комиссии обязаны обращаться в правоохранительные и налоговые органы с представлением о проверке достоверности данных сведений о кандидате.

Вместе с тем следует отметить, что на всех заседаниях избирательных комиссий в помещении для голосования имеют право находиться наблюдатели, представители средств массовой информации, доверенные лица кандидатов.

Впервые закон установил, что число извлеченных бюллетеней должно оглашаться. Содержащиеся в бюллетене отметки избирателя также оглашаются и представляются для визуального контроля всем присутствующим при непосредственном подсчете голосов. Запрещается одновременно оглашать содержание двух и более бюллетеней (ст. 56) [2]. Такая норма призвана служить прозрачности и честности процедуры подсчета голосов избирателей.

Таким образом, следует отметить, что в рамках федерального законодательства Российской Федерации сформировалась благоприятная нормативно-правовая база для проведения справедливых и демократических выборов в России. Полная имплементация принципов избирательного права, прописанных в принятых законах, позволит обеспечить проведение не только честных, но и открытых выборов федерального, регионального и муниципального уровней.

Примечания:

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. М., 2017 (дата обращения – 21.04.2017).

2. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 22.04.2014. № 20-ФЗ // СПС Консультант-Плюс. М., 2017 (дата обращения – 25.03.2017).

References:

1. The Federal Law “On Basic Guarantees of Electoral Rights to Participate in the Referendum of Citizens of the Russian Federation” of June 12, 2002, No. 67-FZ. [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (date of access April 21, 2017).

2. Federal Law “On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation” of 22.04.2014. No. 20-FZ. [Electronic resource] – Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/ (date of access March 25, 2017).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 323
ББК 66.042
Ж 15

З.А. Жаде,

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, тел.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Рецензия

*на монографии А.А. Вартумяна и Т.А. Корниенко
«Модернизационные политические процессы: цивилизационная
и национальная специфика» и «Политический процесс в «незападных»
политиях: роль традиций и новаций»*

Вартумян А.А., Корниенко Т.А. Модернизационные политические процессы: цивилизационная и национальная специфика. – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2016.

Вартумян А.А., Корниенко Т.А. Политический процесс в «незападных» политиях: роль традиций и новаций. – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2017.

Аннотация. В рецензии осуществляется компаративный анализ монографических исследований А.А. Вартумяна и Т.А. Корниенко, которые рассматривают современные политические процессы через призму традиций и инноваций. Делается вывод, что использование системного и структурно-функционального подходов к изучению политических процессов позволяет расширить определение роли и функций субъектов власти в региональном политическом пространстве.

Ключевые слова: модернизация, политические процессы, традиция, новация, полития.

Z.A. Zhade,

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of the Theory and History of the State and Law and Political Science, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru

ON THE BOOK SHELF

Review

over monographs of Vartumyan A.A. and Kornienko T.A. “Modernization political processes: civilization and national specifics” and “Political process in “not western” polities: the role of traditions and innovations”

Vartumyan A.A., Kornienko T.A. Modernization political processes: civilization and national specifics. M.: LLC TSIUMiNL, 2016.

Vartumyan A.A., Kornienko T.A. Political process in “not western” polities: the role of traditions and innovations. – M.: LLC TSIUMiNL, 2017.

The presented monographs of Doctor of Political Sciences, Professor A.A. Vartumyan and Candidate of Historical Sciences, Associate Professor T.A. Kornienko are logical continuation of previously published works and are implementation of the project within school of sciences of A.A. Vartumyan “Regional political process: interaction of federal, regional and municipal authorities in sociopolitical modernization of the region”.

Представленные монографии доктора политических наук, профессора А.А. Вартумяна и кандидата исторических наук, доцента Т.А. Корниенко являются логическим продолжением ранее изданных работ и выступают реализацией проекта в рамках научной школы А.А. Вартумяна «Региональный политический процесс: взаимодействие федеральных, региональных и муниципальных органов власти в социально-политической модернизации региона».

В *первой монографии* «Модернизационные политические процессы: цивилизационная и национальная специфика» исследуются теоретико-методологические подходы к изучению политических модернизационных процессов. Рассмотрены сущность и типы модернизации: опыт отечественной и зарубежной традиции. Проанализированы модернизационные и «традиционные» политические процессы, показаны цивилизационные и национальные факторы политических модернизационных процессов.

Структурно монография состоит из двух глав, разделенных на параграфы. В первой главе анализируются теоретико-методологические подходы к изучению политической модернизации, выявляются факторы, воздействующие на характер трансформаций; обосновывается необходимость введения в научный оборот категорий «модернизационный политический процесс» и «традиционный политический процесс» для более объективного анализа политического развития современных государств. Вторая глава посвящена обоснованию учета значимости цивилизационных и национальных факторов при рассмотрении общих и особенных качеств, присущих современным политическим процессам.

Территориальные рамки исследования включают в себя страны Востока (Ближний Восток,

Южная Азия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия) и Латинской Америки, которые традиционно рассматриваются как государства незападного политического процесса. По мнению авторов, анализ специфики модернизационных процессов в России, которую большинство исследователей считают незападной политией, предполагает отдельное монографическое исследование.

Объектом исследования выступают современные западные политические процессы, предметом – цивилизационная и национальная (страновая) специфика «модернизационных» и «традиционных» политических процессов в государствах Востока и Латинской Америки.

В монографии представлен обзор основных теоретико-методологических подходов исследования политического процесса и политической модернизации; обоснована авторская оценка современных трансформаций; изучены институциональные и неинституциональные аспекты анализа политического процесса в западных политиях.

Вторая монография «Политический процесс в «западных» политиях: роль традиций и новаций» посвящена исследованию политического процесса в «западных» политиях. Рассмотрена политическая модернизация в государствах Азии сквозь призму традиций и

новаций. Проанализирована национальная модель модернизации Латинской Америки, выявлены общие и специфические особенности трансформаций. Выявлены механизмы взаимодействия общеисторических императивов в социально-политическом развитии России, показаны политические традиции и модернизация политической системы российского общества.

Структурно А.А. Вартумян и Т.А. Корниенко представили монографию, состоящую из двух глав и четырех параграфов. В первой главе анализируется политический процесс в «незападных» политиях. Вторая глава посвящена анализу политических традиций и инноваций в социально-политическом развитии России, сочетающей в своей политической эволюции «западную» и «незападную» модели модернизационных процессов.

Территориальные рамки исследования включают в себя страны Востока (Ближний Восток, Южная Азия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия) и Латинской Америки, которые традиционно рассматриваются как государства незападного политического процесса.

В монографии представлен обзор основных теоретико-методологических подходов исследования политического процесса и политической модернизации; обоснована авторская оценка современных трансформаций; изучены институциональные и неинституциональные аспекты анализа политического процесса в незападных политиях.

Политический процесс как объект научного исследования требует применения междисциплинарного подхода, различных исследовательских концепций, принципов. Институциональный, бихевиоральный, структурно-функциональный, системный, неинституциональный подходы, теоретические и социальные измерения, динамические

модели, алгоритмы анализа политической и иной динамики и др. позволяют всесторонне проанализировать сущность, компоненты, акторы современного политического процесса, выявить причинно-следственные связи, направленность трансформации.

К научным основам политических процессов и их изучения относятся теории модернизации (первого и второго поколений), посткоммунистического транзита. Хотя сами эти концепции далеко не во всем безупречны (шаблонирование, евро-америкоцентризм), они, тем не менее, ориентируют на следование ценностям, реализация которых обеспечивает цивилизационный путь развития.

Российская модель политической модернизации неоднородна, непоследовательна, противоречива в силу традиций, особенности исторического пути, турбулентности, государственно-центричной матрицы развития. Эта модель несёт признаки незападного политического процесса, что следует учитывать как в практике преобразований, так и при теоретическом анализе. Структурные и процедурные методологии исследования политического процесса позволяют глубже понять сущностные проявления перехода от авторитаризма к демократии, выявить сценарные варианты, специфику развития регионов, а применение индикаторов – оценить уровень и состояние качественной трансформации.

Изучение региональных процессов основывается на системном, структурно-функциональном подходе (Д. Истон, Г. Алмонд), позволяющих анализировать роль, функции, совокупность взаимодействий региональных структур власти (политических акторов) через взаимодействие со средой посредством «входов» и «выходов», обеспечивающих обратную связь, корректировку действий субъектов местной власти.

Авторский коллектив подготовил добротное научное исследование, представил обзор существующих исследований политического процесса и политической модернизации.

В целом отметим следующее: монографические исследования А.А. Вартумяна и Т.А. Корниенко «Модернизационные политические процессы: цивилизационная и национальная специфика»

и «Политический процесс в «незападных» политиях: роль традиций и новаций» – весьма удачные новаторские работы, отличающиеся новизной и содержательностью. Монографии написаны с учетом основных достижений политологов и могут быть использованы для оценки и прогнозирования политических модернизационных процессов и политического процесса в «незападных» политиях.

НАШИ АВТОРЫ

Бабич
Ирина
Леонидовна	доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, тел.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net
Барциц
Темыр
Зурабович	аспирант кафедры земельного права Государственного университета по землеустройству, г. Москва, тел.: +79407127777, e-mail: timur.barcic@mail.ru
Батмитова
Русета
Русемовна	магистрант факультета социальных технологий и туризма Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79182269008, e-mail: shavilova@mail.ru
Бурькина
Людмила
Васильевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru
Войтенко
Валерия
Петровна	кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +78632641755, e-mail: leravvp@mail.ru
Галкин
Константин
Александрович	аспирант Высшей школы экономики, г. Санкт-Петербург, тел.: +79117815229, e-mail: kagalkin@hse.ru
Дегтярев
Александр
Константинович	доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79885697325, e-mail: rse1985@mail.ru
Жаде
Зуриет
Анзауровна	доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, тел.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru
Зарецкая
Марина
Гаруновна	кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: +79182202626, e-mail: zarmarina76@mail.ru
Иващенко
Александр
Стефанович	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +7(8772)575596, e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru
Катчиева
Аминат
Пазлиевна	аспирант кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета, г. Карачаевск, тел.: +7988715-05-87, e-mail: r9887150587@yandex.ru

- Кузнецова
Анна
Владимировна** доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной литературы Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79034060614, e-mail: avkuznetsova@sfnedu.ru
- Лубский
Анатолий
Владимирович** доктор философских наук, профессор, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79281662733, e-mail: n_lav@mail.ru
- Маркелов
Никита
Алексеевич** аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, тел.: +74997830264, e-mail: pl@balkan.ru
- Нуксунова
Айса
Михайловна** аспирант Института социологии Российской академии наук, г. Москва, тел.: +79275963627, e-mail: October83@list.ru
- Палий
Виталий
Михайлович** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, г. Краснодар, тел.: +79184379923, e-mail: palyvitaly@gmail.com
- Петров
Владимир
Николаевич** доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, тел.: +79181580222, e-mail: vladsocio2007@rambler.ru
- Петрулевич
Ирина
Анатольевна** доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79034060614, e-mail: iapetrulevich@sfnedu.ru
- Птущенко
Елена
Борисовна** кандидат педагогических наук, доцент кафедры прикладной математики, информационных технологий и информационной безопасности Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184261863, e-mail: shavilova@mail.ru
- Старыгина
Арина
Михайловна** кандидат социологических наук, доцент, проректор по учебной и воспитательной работе Ростовского социально-экономического института, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79185267881, e-mail: st.ar79@mail.ru
- Суетина
Наталья
Михайловна** кандидат социологических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Майкопского государственного технологического университета, г. Майкоп, тел.: +79034656804, e-mail: na-ri@bk.ru
- Фатьянов
Виктор
Михайлович** аспирант кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79528623098, e-mail: dr.fatianoff@yandex.ru

**Хот
Зара
Зауровна**

кандидат социологических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79184232629, e-mail: aifon2255@mail.ru

**Цеева
Зарема
Арсеновна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79094711010, e-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

**Чистякова
Ольга
Александровна**

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79183510960, e-mail: olga_Melnikova08@mail.ru

**Шекультиров
Батырбий
Ильясович**

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79182265812, e-mail: sura@radnet.ru

OUR AUTHORS

- Babich
Irina
Leonidovna** Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, ph.: +79166805195, e-mail: irina@babich1.net
- Bartsits
Temyr
Zurabovich** Post-graduate student of Department of Land Law, the State University for Land Management, Moscow, ph.: +79407127777, e-mail: timur.barctic@mail.ru
- Batmitova
Ruseta
Rustemovna** Master's Degree Student of Faculty of Social Technologies and Tourism, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79182269008, e-mail: shavilova@mail.ru
- Burykina
Ludmila
Vasilyevna** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184282825, e-mail: mila.burykina@mail.ru
- Voitenko
Valeriya
Petrovna** Candidate of Philosophy, Senior Scientist of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +7(863) 2641755, e-mail: leravvp@mail.ru
- Galkin
Konstantin
Alexandrovich** Post-graduate student of Higher School of Economics, St. Petersburg, ph.: +79117815229, e-mail: kagalkin@hse.ru
- Degtyarev
Alexander
Konstanti-
novich** Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79885697325, e-mail: rse1985@mail.ru
- Zhade
Zuriet
Anzaurovna** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of the Theory and History of the State and Law and Political Science, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183190868, e-mail: zhadezura@yandex.ru
- Zaretskaya
Marina
Garunovna** Candidate of Law, Head of Department of Civil Law and Process, Maikop State University of Technology, Maikop, ph.: +79182202626, e-mail: zarmarina76@mail.ru
- Ivaschenko
Alexander
Stefanovich** Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of General History, Faculty of History, Adyghe State University, Maikop, ph.: (88772) 57-55-96, e-mail: ivashchienko-5757@mail.ru
- Katchieva
Aminat
Pazlievna** Post-graduate student of Department of History of Russia, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, ph.: +7988715-05-87, e-mail: r9887150587@yandex.ru

- Kuznetsova Anna Vladimirovna** Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of National Literature, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79034060614, e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru
- Lubsky Anatoliy Vladimirovich** Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79281662733, e-mail: n_lav@mail.ru
- Markelov Nikita Alekseevich** Post-graduate student at Foreign Languages and Regional Studies Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, ph.: (007) 499 783 02 64, e-mail:pl@balkan.ru
- Nuksunova Aisa Mikhailovna** Post-graduate student of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, ph.: +79275963627, e-mail: October83@list.ru
- Paly Vitaly Mikhailovich** Candidate of Law, Senior Lecturer of Department of Penal Law and Criminology, Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, ph.: +79184379923, e-mail: palyvitaly@gmail.com
- Petrov Vladimir Nikolaevich** Doctor of Sociology, Professor, Professor of Department of Sociology, Kuban State University, Krasnodar, ph.: +79181580222, e-mail: vlad socio2007@rambler.ru
- Petrulevich Irina Anatolyevna** Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Special Historical Disciplines and Document Science, Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79034060614, e-mail: iapetrulevich@sfedu.ru
- Ptuschenko Elena Borisovna** Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Applied Mathematics, Information Technologies and Information Security, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184261863, e-mail: shavilova@mail.ru
- Starygina Arina Mikhailovna** Candidate of Sociology, Associate Professor, Vice Rector for Educational and Upbringing Work of the Rostov Social Economic Institute, Rostov-on-Don, ph.: +79185267881, e-mail: st.ar79@mail.ru
- Suetina Natalya Mikhailovna** Candidate of Sociology, Associate Professor of Department of Civil Law and Process, Maikop State University of Technology, Maikop, ph.: +9034656804, e-mail: na-ri@bk.ru
- Fatyanov Viktor Mikhailovich** Post-graduate student of Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79528623098, e-mail: dr.fatianoff@yandex.ru
- Khot Zara Zaurovna** Candidate of Sociology, Associate Professor of Department of General Education Disciplines, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79184232629, e-mail: aifon2255@mail.ru
- Tseeva Zarema Arsenovna** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of History and Culture of Adyghe, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79094711010, e-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

Chistyakova Olga Aleksandrovna	Applicant of Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79183510960, e-mail: olga_Melnikova08@mail.ru
Shekultirov Batyrbi Ilyasovich	Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of the Theory and History of the State and Law and Political Science, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79182265812, e-mail: sura@radnet.ru

Требования и правила оформления статей для публикации в научном журнале «Вестник Адыгейского государственного университета», серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»

Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета», серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» вошел в Перечень научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов кандидатских и докторских диссертаций. Учредитель – Адыгейский государственный университет. Индекс журнала в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты. Журналы» – 36001.

Журнал принимает для публикации статьи по следующим научным направлениям: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.

Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и направляются на независимое (двойное, анонимное) рецензирование, осуществляемое членами редакционного совета АГУ или известными специалистами в данной области знаний. Решением редакционной коллегии статья может быть отклонена, если она не удовлетворяет перечисленным требованиям.

Рукописи, представляемые в редакцию «Вестника Адыгейского государственного университета», оцениваются исходя из их научного содержания, а не по расовому, национальному или половому признаку, этнической принадлежности, политическим и религиозным убеждениям авторов.

Редактор и редакция не должны раскрывать информацию о представленной рукописи никому, кроме соответствующего автора, рецензентов и издателя.

Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на предмет заимствования. Статьи, содержащие элементы плагиата, автоматически снимаются с рассмотрения.

Правила для авторов

Редакция журнала «Вестник Адыгейского государственного университета» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения.

1. Рукопись должна иметь направление организации, в которой работает автор, выписку решения кафедры или иного структурного подразделения, на базе которого выполнена работа, рекомендовавшего статью к публикации в журнале.

2. Объем статьи не должен превышать 10 страниц.

3. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован и подписан всеми авторами. В тексте перед началом статьи указываются: УДК, ББК, авторский знак. Перед изложением текста автор должен дать краткую аннотацию, ключевые слова (не более 10), а также название и фамилии авторов на русском и английском языках. В тексте аннотации должны быть раскрыты актуальность, цели и задачи исследования; методы исследования; приведены краткие выводы.

4. Текст статьи печатается на белой бумаге через 1 интервал на одной стороне стандартного листа формата А4, поля – 2,5 см со всех сторон. Текст выравнивается

по ширине, абзацный отступ – 1,25 см. Гарнитура шрифта Times New Roman, 12-й кегль. Текст и графический материал представляются в двух экземплярах. Повторение одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках недопустимо. Рисунки должны быть черно-белыми, штриховыми, выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей. Каждый рисунок должен сопровождаться подписью независимо от того, имеется ли в тексте его описание.

5. В конце статьи приводится перечень использованной литературы (Примечания:) на русском и английском языках.

6. Необходимо приложить информацию об авторах (ФИО полностью, ученое звание, степень, должность, место работы, почтовый индекс, адрес, контактный телефон, факс и e-mail каждого соавтора).

7. К твердой копии статьи прилагается электронная версия на дискете или CD-диске: файлы с текстовой частью в формате Microsoft Word (аннотация, ключевые слова, примечания на русском и английском языках, подписи к рисункам, сведения об авторах), имя файла должно начинаться латинской фамилией первого автора (например, Ivanov.doc(rtf)); каждый рисунок в отдельном файле (например, IvanovFig1.gif и т.д.).

8. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания.

9. Не принятые к публикации статьи авторам не высылаются. Статьи, отклоненные редколлегией, повторно не рассматриваются.

10. Оформление текста. Для математических и химических формул следует выбирать 12-й кегль шрифта. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов – прямым шрифтом.

11. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку; следует ограничиваться общепринятыми сокращениями и избегать новых без достаточных на то оснований.

12. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ.

13. В тексте ссылки на цитируемую литературу даются в квадратных скобках в конце предложения перед точкой (начинать с [1], [2], [3] и т.д.). Список литературы следует оформлять в порядке ссылок на нее по тексту, в списке должны быть только те источники, на которые есть ссылки в тексте. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, общее количество страниц. Для периодических изданий: фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

14. Требования к иллюстрациям, изготовляемым авторами. Просим представлять только графические файлы рисунков.

15. Плата за публикацию статей с аспирантов не взимается. Первоочередным правом на публикацию статей пользуются докторанты, аспиранты и соискатели АГУ.

Серия «Педагогика и психология»

Ответственный за выпуск серии – Чермит Казбек Довлетмизович, доктор педагогических наук, доктор биологических наук, профессор, проректор по учебной работе АГУ. Контактные телефоны: (8772)57-19-67; 59-37-00; 59-37-01. E-mail: demkina72@mail.ru

Серия «Филология и искусствоведение»

Ответственный за выпуск серии – Панеш Учужук Масхудович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета. Контактный телефон: (8772)57-00-08. E-mail: sessvetla@mail.ru

Серия «Естественно-математические и технические науки»

Ответственные за выпуск серии – Тлячев Вячеслав Бесланович, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики;

Жукова Ирина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической физики. Контактные телефоны: (8772) 59-39-08, 57-02-58, 59-37-26. E-mail: vemit@adygnet.ru, stvb2006@rambler.ru

Серия «Регионоведение: философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, культурология»

Ответственный за выпуск серии – Нехай Вячеслав Нурбиевич, доктор социологических наук, доцент кафедры философии и социологии. Контактный телефон: (8772)593984. E-mail: afasizhev@list.ru

Серия «Экономика»

Ответственный за выпуск серии – Шалатов Василий Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и управления персоналом экономического факультета Адыгейского государственного университета. Контактный телефон: 8-918-931-90-01. E-mail: shv_79@mail.ru

Адрес редакции: 385000, г. Майкоп, Республика Адыгея, ул. Первомайская, 208, редакция журнала «Вестник Адыгейского государственного университета».

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК АДЫГЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Стоимость подписки на журнал «Вестник Адыгейского государственного университета» на полугодие составляет 624 рубля (без стоимости доставки). Подписные индексы в Объединенном каталоге «Пресса России»: Серия «Экономика» – 32896; Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» – 36001; Серия «Педагогика и психология» – 45979; Серия «Филология и искусствоведение» – 82227; Серия «Естественно-математические и технические науки» – 70759.

Произвести подписку можно на почте, в любом отделении связи.

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник Адыгейского государственного университета», издаваемый тиражом 1000 экз.
Выпуск 2/199/2017

Технический редактор Л. Ф. Серкова

Издательство АГУ

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208.

Подписано в печать 15.06.2017 г. Бумага типографская.
Формат 60x94 1/8. Усл.-п.л. . Тираж 1000 экз.